РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД
«ПАМЯТЬ МУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ»

Архимандрит Дамаскин
(Орловский)

Будущее в прошлом

Житие священномученика Димитрия Павского

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД
«ПАМЯТЬ МУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ»
МОСКВА • 2021

УДК 281.93 / 272
ББК 86.372-3
Д16

Рекомендовано к публикации
Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р20-012-0341

Дамаскин (Орловский), архимандрит

Д16 Будущее в прошлом. Житие священномученика Димитрия Павского. – Москва : Региональный общественный фонд «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви», 2021. – 251, [1] с. : ил.

ISBN 978-5-9909778-6-0

Книга повествует о священномученике Димитрии Павском, который родился и принял мученическую кончину в Тверской губернии, но бóльшую часть жизни прослужил в Минской епархии. Стечением обстоятельств он оказался в гуще проблем, существовавших тогда в Российской Православной Церкви, касавшихся взаимоотношений католиков и православных и разных народов, живших тогда на западной окраине Российской империи. Многое с тех пор изменилось, но не изменилось общее течение истории. Понять происходящее сегодня и до некоторой степени увидеть, что будет завтра, можно лишь хорошо зная прошлое.

В книге публикуются документы, касающиеся трагических событий получения автокефалии Православной Церкви в Польше.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

УДК 281.93 / 272
ББК 86.372-3

© Архимандрит Дамаскин (Орловский), 2021
© Региональный общественный фонд «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви», 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Булат», 2021

ISBN 978-5-9909778-6-0

Священномученик Димитрий родился 16 января 1874 года в семье священника Александра Павловича Павского, настоятеля храма Рождества Христова в селе Максатиха Рыбинской волости Бежецкого уезда Тверской губернии, и его супруги Екатерины Ивановны. Предки отца Александра служили на Богородицком Павском погосте, от которого и получили свою фамилию; первым известным из них был священник Фотий Анфимович, родившийся в 1669 году. Храм в Максатихе был построен в 1827 году местными помещиками супругами Львом Степановичем и Верой Алексеевной Мельницкими в благодарность за спасение от смерти во время Отечественной войны 1812 года. В 1887 году число прихожан храма составляло 1 315 человек, большинство из которых были карелы, переселившиеся сюда в XVII веке, спасаясь от притеснений шведов-лютеран.

В 1896 году при Рождественском храме открылась церковно-приходская школа и при ней первая в Бежецком уезде народная библиотека, которой заведовал сначала священник Александр Павский, а затем его сын Павел. Школа была выстроена на средства бежецкого купца Е. П. Иларионова и представляла собой красивое двухэтажное деревянное здание. В нижнем этаже находились два класса и помещение для сторожа, в верхнем — квартиры учителей. Здание школы было освящено 21 сентября

1897 года. После молебна, крестного хода и освящения Дмитрий Павский, в то время студент Казанской духовной академии, сказал слово «О различии божественного и человеческого просвещения». Первыми учителями школы стали закончившие Тверскую духовную семинарию Павел и Николай Павские и Дмитрий Комаров[1], а с 1899 года — Михаил Богородский*, племянник отца Александра. Через десять лет после открытия школы в ней учились семьдесят два мальчика и сорок две девочки; эта была крупнейшая церковно-приходская школа в уезде, хотя приход был одним из самых малолюдных.

Отец Александр совершал богослужение почти каждый день — благообразно и по уставу. В особенности ревностно он молился о почивших, так что проскомидия продолжалась у него несколько часов. Во всё время своего священства он заботился о стройном церковном пении. Его заботой была и частая проповедь. Священник проповедовал прихожанам на утрене, на литургии, на вечерне, на требах и вообще при всяком удобном случае. В большие праздники он неизменно обходил дома прихожан со словом наставления[2].

В 1888 году Дмитрий окончил Бежецкое духовное училище[3], в 1894 году — Тверскую духовную семинарию[4], а в 1899 году — Казанскую духовную академию. За успехи в обучении и за сочинение «Ян Коменский и его педагогические идеи»[5] он был удостоен Советом академии степени кандидата богословия. 7 сентября 1899 года Дмитрий был назначен преподавателем арифметики и геометрии в Ржевское епархиальное женское училище[6]. 27 июня 1901 года,

---

* Священномученик Михаил Николаевич Богородский (1878–1937); память 4/17 сентября.

в соответствии со своим прошением, он был перемещён на должность преподавателя русского языка и дидактики[7]. В училище Дмитрий познакомился с учившейся там своей будущей супругой Марией, дочерью священника храма Успения Пресвятой Богородицы в селе Ульяновском Зубцовского уезда Иоанна Александровича Соколова.

Успенский храм в селе Ульяновском стал местом последнего служения священномученика Димитрия перед его арестом. Храм был построен в 1834 году на месте деревянной церкви, уничтоженной пожаром в 1817 году. От прежней церкви остались только два оловянных сосуда и Евангелие, отпечатанное в 1648 году. В начале XX века здесь насчитывалось пять тысяч прихожан, в округе это был лучший приход. В июне 1902 года архиепископ Тверской Димитрий (Самбикин) посетил Успенский храм и дом священника Иоанна Соколова и благословил двух его дочерей на брак, одна из них 28 июля 1902 года обвенчалась с Дмитрием Павским[8].

7 июля 1903 года Дмитрий был назначен заведующим и законоучителем церковно-учительской женской школы при Леушинском Иоанно-Предтеченском женском монастыре в Череповецком уезде Новгородской губернии и 20 июля рукоположен во священника[9]. В июле Леушинский монастырь посетил попечитель и благотворитель монастыря протоиерей Иоанн Кронштадтский, который освятил закладку Троицкого собора и в течение пяти дней служил литургию с двумя диаконами и восемью священниками, одним из которых был отец Димитрий Павский[10].

Определением Святейшего Синода, проходившего 16–25 июля 1904 года, отец Димитрий был назначен епархиальным наблюдателем школ грамоты и церковно-приходских школ Минской епархии[11] и включен в состав

клира Петропавловского кафедрального собора в городе Минске.

Во время служения в Минской епархии он столкнулся со множеством религиозных и социальных проблем, оказавшихся многократно умноженными в этой губернии, соседствующей с народами иноплеменными и инославными.

«В 1905 году, на нашей памяти, с высоты царского престола в нашем государстве была объявлена свобода вероисповедания в надежде, что народы, населяющие Россию, достаточно развиты, научились взаимно уважать свои религиозные чувства и убеждения, — писал отец Димитрий. — В действительности же случилось то, что

одни народы стали посягать на религиозные убеждения других народов; между прочим, поляки опять принялись за уничтожение православия и насаждение католичества в нашем Западно-русском крае.

Ксёндзы открыто поносят православную веру и распространяют разные нелепые слухи среди православного русского люда, чтобы склонить его на свою сторону. Они одновременно внушали крестьянам, что со свободой вероисповедания вера католическая признана истинной, что католическую веру, как истинную, принял и сам царь со своей семьей. Польские помещики по наущению ксёндзов в своих имениях всячески притесняют православных крестьян-работников, если они не сочувствуют католикам, не хвалят католическую веру, не принимают ее»[12].

Наблюдая за людьми образованными, имевшими привилегированное социальное положение в обществе, отец Димитрий писал: «Нередко можно видеть людей, особенно из молодого поколения, которые, не познавши истин веры, готовы уже глумиться над ней. <…> „Рече безумен в сердце своем: несть Бог“ [Пс. 13, 1] — говорится в одном из псалмов, а в нынешний век, к великому сожалению, считаются не только за образованных, но лучших и трезвых людей те, которые явно принадлежат к числу безбожников, не верующих в Бога,

Ученицы и преподаватели Леушинской школы. В центре архиепископ Новгородский Гурий (Охотин), игумения Таисия (Солопова), крайний справа священник Димитрий Павский

в бессмертие души, ограничивая всю жизнь человеческую одной землей. Далее, разве мало среди образованного общества и таких, которые в своих действиях не руководятся нравственным чувством, у которых совесть — судия и мздовоздаятель нравственных действий совершенно заглушена, находится в такой огрубелости, что неспособна укорять человека. И образованный человек с огрубелой совестью не в состоянии отличить добра от зла. В своей жизни он преследует чисто эгоистические цели. Для него ничего не значит нарушить права ближних, чтобы добиться известных выгод. Стремясь к достижению эгоистических целей, он не стесняется никакими средствами, прибегает к подкупу, клевете и подобным действиям. Он бывает слишком далек от того, чтобы быть отзывчивым на нужды и потребности обыкновенных людей, обращающихся к нему как к человеку, обладающему значительным запасом знаний, человеку передовому, который если сам по себе почему-нибудь не может помочь, то, благодаря своему видному положению в обществе, имеет возможность расположить к тому и других. Разве это не слепец, хотя и образованный? Этого мало. Есть такие, которые мнят себя и считаются образованными и однако руководятся в своей нравственной деятельности сознательными безнравственными началами. Не царит ли во многих образованных умах такое начало деятельности: „чем хуже, тем лучше“, то есть пусть ухудшается действительность, чтобы скорее рушился существующий порядок. Не очевидная ли это слепота духовная, обезображивающая нашу душу? Отчего же происходит духовная слепота в людях, существах, одаренных разумом?

Она происходит в людях от чрезмерной привязанности их к земному и чувственному, оттого, что человек знает только потребности земные и чувственные, следует

самолюбивым склонностям и побуждениям, работает своим страстям»[13].

26 октября 1906 года на станции Осиповичи Либаво-Роменской железной дороги была освящена двухклассная церковно-приходская школа. Служащие станции уже давно хлопотали об открытии у них школы, и потому это событие стало для них настоящим праздником. В час дня весь вокзал и платформа заполнились железнодорожными служащими и их семьями. Поездами из Минска и Бобруйска прибыло железнодорожное начальство и представители церковно-школьного управления епархии. Освящал школу священник Димитрий Павский в сослужении священнослужителей — Бобруйского уездного наблюдателя церковных школ и заведующего школой.

По окончании освящения отец Димитрий обратился к присутствующим с приветственным словом: «Открытие школы — событие всегда радостное, но в нынешнее время в особенности. Возьмите любую газету: положительно не на чем отдохнуть душою. Всё благородное, высокое, святое, кажется, исчезло с лица земли Русской. И вдруг происходит торжество освящения и открытия школы. Не верится настоящему нашему торжеству, когда тебе известно, что многие общества под влиянием преступной политической пропаганды безумно отшатнулись даже от существующих школ. Оглянувшись на недавнее прошлое нашего Отечества, нельзя не подивиться, как вы остались до конца единодушными в благом деле открытия школы. Нет, еще есть уголки, где русские люди не потеряли головы от общественной сумятицы и крепко верят в светлое будущее России.

Открывающаяся у вас школа носит название церковно-приходской. Это значит, что она будет находиться под сенью Святой Церкви и пользоваться главным образом

вашим попечением с приходским священником во главе. Святая Церковь строго требует, чтобы дети в школе прежде всего воспитывались в „наказании и учении Господни“ (Еф. 6, 4). Божественный Учитель, Господь наш Иисус Христос, явившись по Своем воскресении на Галилейской горе апостолам, дал им такое завещание: „Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать всё, что Я повелел вам“ (Мф. 28, 19–20). Во время Своей земной жизни Он обратился с большим укором к апостолам, когда те не хотели пропустить к Нему детей. „Пустите детей приходить ко Мне и не возбраняйте им, ибо таковых есть Царствие Божие“, — сказал Он (Лк. 18, 16). После этого разве можно допустить, чтобы школьник и вообще учащийся не изучал Закона Божия, не молился в известные важные моменты дня, не осенял себя крестным знамением, проходя мимо храма и икон, не посещал богослужения, не исполнял долга исповеди и святого причастия? Разве должна существовать та школа, из которой выходят дети, не почитающие своих родителей, не признающие старших и властей, посягающие на состояние и жизнь ближнего? Обучение, не заключающее в себе воспитательного элемента, можно сказать, прямое зло. <…> Если бы наш русский образованный люд помнил Бога, имел любовь к меньшему брату, не заглушал своей совести, то наше Отечество никогда не увидело бы тех злодеяний, которые ныне разлились в нем бурным потоком. Необходимость обучения именно воспитывающего прекрасно выразил святитель русский Тихон Задонский. „Для детей грамота без страха Божия всё равно, что безумному меч“, — говорил он. А главное — без веры в Бога и Его святой закон человек никогда не обрящет внутреннего довольства, не будет счастливым, так как никакое знание не в силах разрешить всех вопросов, гнетущих

душу человека как разумного существа. Например, где вы найдете, как не в Божественном откровении, ответ, не допускающий никаких возражений и сомнений, на вопрос о смысле человеческой жизни? <…>

Дай Бог, чтобы ваша настоящая школа блистала не только внешним, но и внутренним благоустройством. Да снизойдет благословение Божие на вас, детей ваших и всех родителей…»[14]

24 марта 1907 года в кафедральном соборе города Минска отец Димитрий отслужил заупокойную литургию по новопреставленному Константину Петровичу Победоносцеву, бывшему обер-прокурору Святейшего Синода. После панихиды, отдавая должное усилиям Победоносцева ввести в России церковно-приходские школы на фоне катастрофического положения в сфере народного образования, он сказал: «Со времени царствования императора Петра Великого Русское государство широко раскрыло двери всему иностранному, не разбирая, что в нем хорошего и худого, и опустив из виду, что каждый народ, как и каждый человек, имеет свои индивидуальные особенности, сообразно с которыми и должен устроять свою жизнь. Первоначально подражание русских западноевропейской цивилизации носило односторонний, внешний характер, но, чем дальше шло время, оно проникало во все стороны русской жизни с явной угрозой поколебать сложившиеся веками ее устои. В царствование императора Александра I русские оказались раболепными Западу и в начальном народном образовании. Забранное всецело в свои руки гражданской властью, оно было пропитано духом немецкой педагогики и поставлено вне зависимости от веры и Церкви — этих величайших святынь русского народа. В таком положении начальное народное образование находилось до царствования императора Александра III, когда

по почину достопамятного Константина Петровича наряду с гражданскими начальными народными школами стали появляться в России церковные школы, кои по своему строю и характеру походят на древнерусские школы. Церковные школы находятся под сенью Святой Церкви и ближайшим надзором священников. Задачи этих школ не только обучать детей, сообщать им полезные знания, но и воспитывать их на началах православной веры и русской народности. <…> Не особенно давно, уже после своего ухода со службы, Константин Петрович писал в одном из педагогических журналов: „Может ли процветать школа, когда она ни в деревне, ни в городе не выросла сама собою как школа своя, родная, когда она извне организована, извне придумана, извне навязана. Нет ей дела ни до желания и положения родителей, ни до природы, ни до промыслов края“[15]. Кто истинно русский человек и верный сын своего Отечества, тот не может не порадоваться за русских детей, что они имеют теперь возможность получать и родное, чисто русское начальное образование, а вместе с тем не исполняться благодарных чувств к почившему Константину Петровичу, который первый поднял и провел в государственную жизнь вопрос о национальной школе, так как только при национальном воспитании русский человек может чувствовать себя счастливым, спокойно и довольно жить в своем Отечестве»[16].

В феврале 1907 года было открыто Минское православное народное братство во имя Животворящего Креста Господня, активным деятелем которого стал отец Димитрий. Одновременно он состоял членом Минского церковного историко-археологического комитета и Минского епархиального училищного совета, а с 8 октября 1908 года исполняющим должность председателя Минского епархиального училищного совета[17].

Летом 1908 года отец Димитрий исполнял обязанности инспектора временных педагогических курсов для учителей церковно-приходских школ Минской епархии. Курсы открылись 17 июня. После молебна перед началом занятий отец Димитрий обратился к слушателям курсов со словом, особо отметив, что именно в начальной школе дети должны не только обучаться, но прежде всего воспитываться[18]. При курсах на время их работы была организована начальная школа, в которую было принято сто девять учеников, однако почти стольким же было отказано за неимением места. Почти все принятые в школу дети были неграмотны, для занятий их разделили на отделения. Занятия были организованы таким образом, чтобы за полтора месяца обучения дети научились читать и писать, а также получили представление обо всех предметах курса начальной школы[19].

Отец Димитрий, четко представлявший себе задачи школьного образования, считал, что именно религиозно-нравственное воспитание должно быть положено в основу образования, которое получает человек в первый период своей жизни. Обращаясь перед началом занятий с приветственным словом к учителям церковно-приходских школ Минской епархии, он сказал: «Начальная школа, находящаяся под покровом Святой Церкви, школа, известная под именем церковно-приходской, закладывая добрый фундамент в детских душах для будущей их самостоятельной жизни, не может опустить из виду заветов Христа. Она ясно и прямо ставит свою задачу научить детей прежде всего любви к Богу и ближним, а затем уже читать, писать и считать. Отсюда главным предметом в учебном курсе церковно-приходской школы является Закон Божий; в образовании, получаемом детьми в церковно-приходской школе, самое дорогое и ценное —

это религиозно-нравственное развитие; всё обучение в церковно-приходской школе должно носить воспитательный характер. <…>

Так называемое умственное развитие, за которое сильно ратует светская школа, имеет свой смысл и значение, приносит пользу человеку не иначе, как при наличности развития религиозно-нравственного. <…> История нашего Отечества воочию свидетельствует, что самобытная русская начальная школа есть школа церковно-приходская. Итак, напечатлейте в своей душе вы, молодые труженики на ниве народного просвещения под руководством Святой Православной Церкви, что ваш долг, ваша обязанность сеять не только полезные знания в головах детей, но образовывать из детей непоколебимых сынов Православной Церкви, доблестных граждан, добрых православно-русских людей…»[20] На педагогических курсах для учителей отец Димитрий давал уроки по Закону Божию и арифметике. Все отметили, что его уроки, которые он проводил умело и живо, принесли большую пользу слушателям[21].

Вникая в вопросы народного просвещения и образования, отец Димитрий четко сформулировал, чем является церковно-приходская школа для России. «Школа церковная, — писал он, — это школа самобытно-русская, родная, школа национальная, в точном смысле народная. Кто может оспаривать то, что христианство, православие составляет самый главный жизненный нерв русского народа? <…> Наш простой русский народ, являющийся неподдельным выразителем чисто русской натуры, доселе крепко любит и чтит церковную школу. Он признает даже злом ту школу, где дитя не научивается креститься и молиться, где не дается надлежащего христианского воспитания. Когда дети под руководством своего учителя поют

и читают в церкви стройно и со умилением, сердце поселянина не нарадуется за своих детей, что они находятся в руках надежных воспитателей»[22].

Однако наблюдения за окружающим рождали в сердце тревогу — государство тратило на безбожное образование гигантские суммы и при этом оставляло церковную школу на попечение частных людей, иногда даже целиком на содержание пастырей. И при этом раздавались голоса, что эти школы вообще нужно закрыть. «Беда, — писал отец Димитрий, — что наши, скажем принятым языком, передовые, лучшие люди хотят жить чужим умом, по чужим нравам и обычаям, упоены западноевропейской культурой. И как часто бывает, что русские люди применяют к своей жизни то, что на Западе оставлено как никому не нужная ветошь, что русские люди обнаруживают полное отсутствие национальной гордости…»[23]

29–31 августа 1908 года в Минске под председательством отца Димитрия прошел съезд представителей западнорусских православных братств. Перед молебном, предварившим работу съезда, отец Димитрий обратился к присутствующим со словом, в котором призвал их «к борьбе с католической пропагандой мерами открытыми, разумными и твердыми»[24]. Общее число участников съезда, имевших право решающего голоса, достигало ста пятидесяти человек.

Передав благословение участникам съезда от епархиального архиерея, епископа Минского и Туровского Михаила (Темнорусова), отец Димитрий предложил отправить от лица съезда телеграмму императору Николаю II. Отметив в ней, что они не сомневаются, что указ о свободе веры был вызван благими сердечными пожеланиями, чтобы обеспечить каждому из подданных свободу верить и молиться, как подсказывает им их совесть,

Епископ Минский и Туровский Михаил (Темнорусов)

участники съезда, однако, заявили, что не могут не огорчить императора известием, что «дело православия переживает теперь на Западной окраине тяжелое лихолетье. Многовековой враг православия здесь, католическое духовенство, Высочайший указ 17 апреля поняло лишь как дозволение расширить круг своих действий к совращению православных. Здесь издавна каждый католик — синоним поляка. Ополячение же края — мечта польских сепаратистов, действующих нередко насилиями и располагающих большими средствами, благодаря поддержке ополяченных помещиков. При этих условиях защита православия часто непосильна. Но мы не теряем бодрости духа. Мы верим, что верховный защитник православия

не оставит наше дело своим державным покровительством. Мы молим Господа Бога, да укрепит Он, Всемогущий, тебя, самодержавного хозяина Русской земли, в твоем великом подвиге благоустроения Отечества и возвеличения православной веры»[25].

Начались выступления делегатов. «Всеми докладчиками нарисована была яркая и полная картина ксёндзовско-польского натиска на православие и русские устои жизни в крае. Многочисленная публика слушала красноречивые доклады, затаив дыхание, у многих на глазах виднелись слёзы»[26]. Отец Димитрий сделал доклад о тайных польских школах, умножившихся после 1905 года. Прибыв в Минск относительно недавно, он был ошеломлен увиденным: в имениях крупных и средних землевладельцев во множестве появились польские школы, в которых не только совращали православных в католицизм, но и убеждали крестьян, что они не белорусы и не русские, а поляки.

Депутаты Первого съезда западно-русских братств. Минск, 1908 год

Совет съезда и Минского братства.
Священник Димитрий Павский 5-й в первом ряду слева

Служившее в храмах вблизи этих имений православное духовенство часто боялось обнаруживать эту проблему и вступать с землевладельцами-католиками в конфликт, опасаясь приобрести в их лице влиятельных и опасных врагов. Полиция же ни во что не вмешивалась, оправдываясь тем, что на территорию имений ее не допускают, а минский губернатор на официальный запрос, насколько законны такие нелегальные польские школы, ополячивающие население, молчал, словно набрав в рот воды. Поляки же на все вопросы о тайных школах отвечали, что теперь «свобода на школы: кто хочет, тот и открывает их, уча в них чему угодно»[27].

На съезде были образованы комиссии, принимавшие постановления, которые затем заслушивались и редактировались всеми делегатами, многие из которых свидетельствовали, что развал государственного аппарата и всего государственного организма вышел далеко за пределы, допустимые для дальнейшего существования государства[28].

Правящий архипастырь Минской епархии епископ Михаил поддержал усилия духовенства в его борьбе за православие. Впоследствии, уже после его кончины, протоиерей Димитрий Павский написал о нем и о той эпохе: «Припомните, что было тогда за время. Онаглевшие инородцы принялись за искоренение всего русского, православного, всюду царила анархия, при которой православному русскому человеку негде было искать защиты от обид и притеснений. Казалось, что для русского, православного человека житья не будет… И… архипастырь, как только заметил первые следы общественной разрухи, обратился с призывом к подчиненному ему духовенству составить из себя стойкую дружину для борьбы с врагами православия и русской государственности. Полилась неумолкаемая проповедь пастырей к пасомым постоять за свои родные святыни… Зацвели по городам и селам братства — эти испытанные твердыни православия…»[29]

В Государственном совете, высшем законосовещательном, а с 1906 года — законодательном органе Российской империи, Северо-Западный край представляли в основном поляки, что не могло не сказаться на принятии решений, реализация которых весьма болезненно отзывалась на местном населении. В 1909 году от Северо-Западного края была направлена депутация к императору Николаю II с намерением добиться в этом отношении справедливости. В числе депутатов был и священник Димитрий Павский. Депутаты были приняты императором, который внимательно их выслушал, поблагодарил за любовь к Отечеству и престолу и пообещал удовлетворить в полном объеме пожелания населения, касающиеся выборов в Государственный совет[30].

Служа в Минской епархии, отец Димитрий посещал родные ему места в Тверской губернии, где служил

на престольные праздники. Например, в 1909 году он служил на праздник Тихвинской иконы Божией Матери в соседнем с приходом тестя селе Елисаветино Зубцовского уезда. На проповеди он рассказал о явлении в этом месте чудотворной иконы, когда Божия Матерь, даровав Свою икону, послала и благотворителей для постройки храма[31], о том времени, когда наше Отечество называли Русью святой, а теперь усыпленные безбожием люди доходят до того, что оскверняют руки кровью убитых ими ближних, и с сожалением прибавил: «Не приходится отдыхать душой и от современной нам семьи, на которой покоится государственное и общественное благосостояние. Здесь мы видим то же самое ужасное нравственное разложение. Родители, вместо того, чтобы заняться христианским воспитанием своих детей, постоянно ссорятся между собою и ведут непотребную жизнь к явному соблазну своих детей. Пьянство, разврат, хищничество и насилие, даже до лишения жизни другого, сильно распространены и среди наших детей. Встречаются родители, кои открыто заявляют, что не следует учить детей Закону Божию и стеснять в чём бы то ни было волю их. Ныне многие дети, не проживши двадцати лет, теряют свою жизнерадостность, делаются неспособными к труду и деятельности, заглушают свою разочарованность в жизни беспробудным пьянством, отцветают, так сказать, одновременно (если не раньше) со своими родителями. Если так пала нравственно семья, то когда же возможно нравственное оздоровление общества, государства?»[32]

19 февраля 1911 года, в самый день 50-летия назначения в храм Рождества Христова, скончался отец протоиерея Димитрия протоиерей Александр Павский. О почившем пастыре, на погребение которого собрались все родные и множество прихожан, духовных детей

священника, отец Димитрий сказал слово, как бы обращаясь к самому почившему: «Дорогой родитель и добрый пастырь Церкви Христовой! Так недавно мечтал ты собрать нас, кровных и духовных чад твоих, по случаю приближавшегося пятидесятилетия своего священства, хотел разделить с нами радость, которая посещает человека при сознании исполненного долга. И вот мы явились к тебе ради знаменательного дня твоей жизни. <…>

Дорогой родитель! Пред нами, как наяву, вся жизнь твоя, что текла на глазах наших. Я назвал тебя добрым пастырем, но этого мало. Ты был один из немногих, ты был пастырь из пастырей. <…> Ты считал пастырство самым высшим званием на земле, ты восторгался им и тогда, когда надрывалось твое сердце при виде того, как часто в наши дни попирается всё высокое и святое. Всех своих сыновей ты желал видеть только пастырями. Как молитвенник, как отправитель богослужения и треб, как целитель души народной ты поражал всякого, кто имел случай приглядеться к тебе поближе. Ты хорошо знал всех прихожан, от мала до велика, ты всех их, без исключения, согревал своей пастырской любовью. <…>

Дорогой родитель! Выслушай меня и как сына твоего. Много нас, детей, было у тебя, и на всех нас хватило у тебя родительского чувства. Ты был тем отцом, что сам ни съест и ни попьет, лишь бы были удовлетворены дети. Сколько ты похлопотал о нас за свою жизнь; сколько ты передумал и перечувствовал в убогом кабинете сельского священника, желая вывести нас в люди; сколько ты пролил слез в храме сем в тревоге за нашу жизнь! Ты до последних минут душой был с каждым из нас. Ты никого не забыл в своей последней воле. Ты всех нас благословил. Сознаемся мы, дети твои, что недостойны были такой обильной любви твоей, не оценили ее. Сознаемся, что половина

Минский кафедральный Петропавловский собор

седины твоей, если не больше, приходится на нашу долю. Прости нас и еще благослови!..»[33]

16 июля 1910 года отец Димитрий согласно со своим прошением был уволен с должности минского епархиального наблюдателя церковно-приходских школ и назначен настоятелем минского кафедрального Петропавловского собора с возведением в сан протоиерея. 24 августа он был утвержден Синодом в исполняемой им с 1908 года должности председателя Минского епархиального училищного

совета[34]. Вскоре после назначения, в день празднования Минской иконы Божией Матери, он обратился к прихожанам со своим первым словом как настоятель.

«Радостно, братие, должно биться наше сердце, что нам дарована такая дивная икона Божией Матери, и мы сознаем, что дарована она не без особого Промысла Божия, — сказал отец Димитрий. — Припомним историю нашего края и нашего города. <…> Чудотворная икона Божией Матери, что была в Десятинной церкви города Киева, прибыла в Минск в то время, когда воинствующий католицизм открыто ополчился на православие, стараясь совсем стереть [его] с лица земли. <…> Когда католицизм вынужден был окончить открытое гонение на православие, он всё последующее время не переставал наносить удары православию тайно. Наше же время — это время сплошного, хитро обдуманного тайного похода против Православной Церкви и русского благочестия. Но с такой святыней, как чудотворная икона Божией Матери „Минская“, разве можно теряться, впадать в отчаяние, менять свою веру, переходить в католицизм? <…>

Всякий кафедральный собор на Руси является главным храмом в обширной области, называемой епархией. <…> Кафедральный собор в своей приходской жизни должен быть образцом для всех приходов епархии. Трудно представить кафедральный собор, в котором не было бы внешнего благолепия, истового отправления богослужения, ревностного проповедничества, где бы пастыри не пользовались доверием прихожан, где бы души пастырей и пасомых не сливались вместе, не подогревали друг друга. Кафедральный собор в нашем Западном крае должен заботиться о высшем развитии приходской жизни, тем более что здесь веками приходится православию сдерживать натиск фанатичного католицизма. <…>

Постоим мы за веру православную, за истинную Церковь Христову, не страшась даже смерти; будем до конца дней своих неленостно прибегать в бедах и напастях к своей дивной святыне — чудотворной иконе Божией Матери „Минской“; <…> составим из себя одну дружную семью на благо Церкви Христовой и Родины»[35].

8–10 февраля 1911 года под председательством протоиерея Димитрия состоялся съезд членов Минского православного народного братства во имя Животворящего Креста Господня. Открывая заседание, отец Димитрий сказал: «Наше Братство представляет из себя обширную общественную семью, воодушевленную известными высокими целями и задачами. И как в обычной семье приятно бывает по временам свидание всех членов ее, так в Братстве нашем отраден должен быть съезд представителей его. Там собираются родные в заботах о благополучии своей семьи и отдохновения после житейских треволнений — здесь съезжаются братчики для укрепления православно-русского самосознания и облегчения от нравственных терзаний при виде того, как часто в нашем крае попирается совесть православного человека»[36]. На съезде по инициативе отца Димитрия было принято решение направить телеграмму императору с просьбой оставить церковно-приходские школы и впредь за духовным ведомством. На 3-м съезде Братства, состоявшемся 20–22 сентября 1911 года, протоиерей Димитрий был назначен членом Центрального совета Братства[37].

6 мая 1911 года протоиерей Димитрий был награжден наперсным крестом[38]. 19 ноября того же года он был назначен членом Минской духовной консистории[39].

В 1911 году отцу Димитрию пришлось вести судебную тяжбу за интересы прихода Петропавловского собора. В 1894 году причт собора отдал в аренду на двенадцать

лет землю в городе Минске дворянину-татарину Иосифу Хасеневичу Рызвановичу. По окончании срока аренды в 1906 году причт собора предложил ему заключить новый контракт, с суммой, приближающейся к той, которую платили тому субарендаторы. Рызванович ответил на это отказом. Тогда причт собора отдал землю в аренду тем арендаторам, которые уже арендовали ее у него, возбудив в суде дело о выселении Рызвановича с чужой земли. Минский окружной суд постановил выселить его с причтовой соборной земли, но тот подал встречный иск в Виленскую судебную палату об уплате ему двенадцати тысяч рублей на покрытие тех убытков, которые он якобы понес вследствие лишения права на повторную аренду. Эксперты, назначенные судом, определили иск Рызвановича в десять тысяч рублей, а две тысячи были отнесены на счет судебных издержек. Виленская судебная палата предложила причту собора помириться с Рызвановичем, при ином выборе сообщить о своем решении. От лица соборного причта с Рызвановичем встретились протоиерей Димитрий Павский и ключарь собора, которые сообщили ему, что причт собора готов выплатить ему сумму даже превышающую стоимость дома, сарая и сада, за которые и взыскивались деньги с причта и которые стоили не более 3 тысяч рублей. Тот потребовал 7 тысяч рублей — примирение не состоялось, и дело должно было решаться в суде. Поскольку Рызванович в подаче иска казуистически воспользовался не вполне ясными формулировками текста контракта, то причт собора направил отца Димитрия в Санкт-Петербург к присяжному поверенному Борису Владимировичу Никольскому*, с которым был заключён

* Б. В. Никольский (1870–1919) — юрист, видный деятель русского движения, член Совета Союза русского народа. Расстрелян большевиками как один из организаторов Союза.

договор[40] на ведение дела, рассмотрение которого было перенесено в Сенат. Узнав, что дело отдано на решение Сената, Рызванович начал просить мира, заявив, что он согласен на примирение за пять тысяч рублей. Причт собора предложил ему три тысячи, но от этого он наотрез отказался[41], так как не оставлял надежды на этой тяжбе нажиться. И перед причтом собора встал вопрос: предоставить ли Рызвановичу возможность нажиться, предложив мир, или продолжать настаивать на правоте своего дела, платя дополнительные судебные издержки. Так как причт собора уже потратил на это дело свыше двух тысяч рублей, отец Димитрий сообщил адвокату: «Мы согласны помириться с Рызвановичем только в том случае, если он откажется от своего иска без какой бы то ни было платы ему»[42]. В конце концов Сенат решил дело в пользу причта собора.

Сдавая в аренду принадлежащую собору землю, причт сбора не успускал из виду, в каком положении находятся те, кто арендуют участки земли, и в этом случае причт собора во главе с его настоятелем, протоиереем Димитрием, ходатайствовал перед епархиальным начальством о заключении нового договора с меньшей платой за ее аренду. Так в сентябре 1914 года причт собора сам предложил значительно снизить арендную плату Розалии Соболевой, пожелавшей перезаключить договор на аренду земли еще на 12 лет, «ввиду крайне бедного, вдовьего положения просительницы»[43].

В конце 1911 года архиепископ Минский Михаил (Темнорусов) тяжело заболел и 23 февраля 1912 года епископом Слуцким, викарием Минской епархии, был определен архимандрит Иоанн (Поммер)*[44], сначала в качестве

---

* Священномученик Иоанн (в миру Иван (Янис) Андреевич Поммер; 1876–1934), архиепископ Рижский; память 29 сентября / 12 октября.

Епископ Слуцкий Иоанн (Поммер)

помощника по управлению епархией, а после кончины архиепископа Михаила — с 28 мая 1912 года — временно управляющим епархией.

«Нельзя не порадоваться за Минскую епархию, получившую в лице архимандрита Иоанна выдающегося деятеля Северо-Западного края, успевшего за четыре с половиной года пребывания в Вильне сделать многое по части религиозно-нравственного воспитания будущих пастырей Церкви и в области церковно-просветительной и общественной деятельности, — писалось о нем в „Виленском вестнике“. — Обладая широким, проницательным умом и железной волей, архимандрит Иоанн проявил

недюжинные администраторские способности, которые помогли ему скоро привести в прекрасное состояние Виленскую духовную семинарию. <…> В настоящее время она достигла такого состояния, какому позавидовала бы любая семинария. В молодые сердца юношей влита та живая струя любви к церковности, которая так необходима для будущих пастырей.

Пение семинарского хора поставлено на небывалую высоту. Архимандрит Иоанн — глубокий знаток церковного пения и свои познания в этой области обнаружил, будучи еще студентом Киевской духовной академии, где управлял академическим хором. <…>

Вход в Литовскую духовную семинарию

Будучи сам прекрасным проповедником, отец ректор приложил много труда к тому, чтобы среди воспитанников семинарии поставить дело проповедничества на надлежащую высоту, в каковых целях лично выслушивал проповеди воспитанников и давал необходимые указания. <…>

Что касается хозяйственной деятельности отца ректора по управлению семинарией и монастырем*, то последняя обращает на себя не меньше внимания всех лиц, знавших семинарию до поступления в нее архимандрита Иоанна. <…>

Заботами архимандрита Иоанна Троицкий собор и монастырские врата, ведущие к собору, отремонтированы с реставрированием рельефного изображения Святой Троицы над монастырскими вратами. Заботливость отца ректора о храме доходила иногда до забвения о своем здоровье. <…> На упрек одного знакомого, зачем он, отец ректор, не бережет своего здоровья, архимандрит Иоанн сказал: „Нужен всюду хозяйский глаз, здоровье по милости Божией вернется“.

В деле оживления религиозного чувства среди народных масс заслуга архимандрита Иоанна громадна. В этих целях он предпринимал путешествия в некоторые сельские приходы с чудотворной иконой Божией Матери Одигитрия. Крестные ходы от одной приходской церкви к другой в сопровождении громадного количества молящихся, доходившего до десятка тысяч человек, торжественные богослужения в сельских церквях, чудные проповеди — всё это, несомненно, будило религиозное чувство православных людей и вызывало ответные крестные ходы из сельских церквей в Вильну, где православные крестьяне,

---

* Семинария находилась в Свято-Троицком монастыре, и ректор был одновременно настоятелем монастыря.

при содействии паломнического комитета, знакомились с виленскими святынями и находили нужную духовную пищу. В истории религиозной жизни города Вильны архимандрит Иоанн был первым пастырем, который принял на себя труд путешествий с чудотворной иконой по сельским приходам. <…>

Мощная, богато одаренная природой личность архимандрита Иоанна не будет обрисована в достаточной степени, если не упомянуть о необыкновенной простоте в обращении, доступности и удивительной отзывчивости к нуждам бедных лиц. Обращавшиеся к нему с просьбой о помощи отказа обыкновенно не встречали. За бедных воспитанников семинарии он нередко вносил плату и тем давал беднякам возможность продолжать учение»[45].

16 марта 1912 года протоиерей Димитрий уволился с должности председателя Минского епархиального училищного совета. 12 мая того же года он был назначен преподавателем Минской духовной семинарии по обличительному богословию, истории и обличению раскола старообрядчества и сектантства. Епископ Слуцкий Иоанн предполагал назначить отца Димитрия настоятелем слуцкого собора, и тогда ему пришлось бы оставить преподавание в Минской духовной семинарии, с чем он был категорически не согласен, и 3 ноября 1912 года он направил в Учебный комитет при Святейшем Синоде прошение, в котором просил не увольнять его с должности преподавателя семинарии, так как хотя епископ Иоанн и планирует перевести его на должность настоятеля собора в Слуцке, но этого епархиального перемещения он принять не может[46]. В это время отец Димитрий состоял делопроизводителем Минского отдела Императорского Православного Палестинского общества, членом Минского епархиального комитета Православного миссионерского общества,

Д. В. Скрынченко

секретарем совета Минского отдела Всероссийского национального союза; с 1915 года он был цензором «Минских епархиальных ведомостей». Живший в то время в Минске и редактировавший «Минские епархиальные ведомости» Дмитрий Васильевич Скрынченко вспоминал о протоиерее Димитрии как об удивительно честном священнике, который никогда не предавал близких в угоду начальству, хотя бы и приходилось самому терпеть от того неприятности[47].

3 ноября 1912 году на Минскую кафедру был назначен епископ Митрофан (Краснопольский)*[48], который деятельно поддержал все миссионерские начинания братств и в октябре 1913 года собрал съезд членов братств. 10 мая 1913 года епископ Митрофан утвердил устав Минского православного Свято-Николаевского народного братства, целью которого стало «содействовать процветанию

---

* Священномученик Митрофан (в миру Дмитрий Иванович Краснопольский; 1869–1919), архиепископ Астраханский; память 23 июня / 6 июля.

православия и русской народности в пределах Минской епархии. <…> Заботиться о благолепии православных храмов, о торжестве и красоте церковных служб и вообще о процветании церковно-общественной жизни и плодотворной деятельности каждого прихода. Стоя на страже русской народности, заботиться об улучшении экономического благосостояния местного населения содействием возникновению учреждений мелкого кредита, мелких сельскохозяйственных обществ, трудовых обществ взаимопомощи, потребительских лавок и тому подобных учреждений. Отстаивать и защищать права и интересы православного русского населения, а равно и отдельных членов Братства как перед местной, так и перед высшей государственной властью…»[49].

Взаимоотношения между православными и католиками в Минской епархии оставались натянутыми, не прекращались случаи отпадения от православия. 8 ноября 1913 года епископ Митрофан благословил «в качестве последней и решительной меры, могущей положить предел успехам католичества и оградить православных от всех соблазнов его, церковное отлучение лиц отпадающих, оставшихся непреклонными и после ряда увещательных действий, кои направлены были к их вразумлению и обращению на путь истины»[50].

Епископ Митрофан понимал, что православные сами недостаточно знают историю Западно-Русского края, и 12 января 1914 года в зале Дворянского депутатского собрания прочел лекцию о положении русских в Галицкой и Угорской Руси, особо коснувшись того, что случаи мученической кончины православных за веру были еще совсем недавно, в начале XX столетия, можно сказать, у всех на глазах. Он напомнил им историю православного миссионера иеромонаха Алексия (Кабалюка)[51] и его сестры

Епископ Минский и Туровский Митрофан (Краснопольский)

и подвизавшихся с нею девиц-христианок. Говоря о преследовании австро-венгерскими властями православных, епископ Митрофан писал, что сестра православного миссионера иеромонаха Алексия (Кабалюка) «собрала около себя группу девственниц-христианок и устроила нечто вроде первобытного монастыря в горах, вдали от населенных мест. Об этом узнала полиция, нагрянули жандармы. Девушек загнали, избивая нагайками, в реку, на которой уже застывал лед, и продержали там несколько часов. Бóльшая часть их не выдержала этой пытки и погибла. Мужчин, подозреваемых в распространении православия,

подвергают настоящим пыткам: подвешивают к дереву за руки и за ноги и оставляют в таком положении на долгое время. Через час-полтора у таких мучеников струями льется кровь из ушей, рта, носа; некоторые выдерживают такую пытку, но большинство умирает. У галицких крестьян есть даже специальное название „мучилищное древо“»[52].

В четверг Недели Всех святых, в который праздновалось воссоединение западно-русских униатов с Православной Церковью[53], протоиерей Димитрий рассказал о трагической истории православия на Западной Руси и призвал православных русских людей дать «обет хранить свою веру как великое сокровище и наследие, завещанное нашими православными предками»[54]. «Не поверим никому, если кто-нибудь станет нам говорить, что есть на свете белом другая, лучшая, чем православная, вера. Всегда будем помнить, что истинная, не испорченная человеческими измышлениями, только одна вера — вера православная»[55], — сказал он.

В 1914 году началась Первая мировая война, которая непосредственно затронула население, жившее на территории Минской губернии; в 1915 году часть ее была оккупирована немцами, и толпа беженцев числом более миллиона человек из западных белорусских губерний двинулась на восток. В это время число православных в Минской губернии составляло один миллион двести три тысячи человек[56]. К июлю 1916 года в губернии оказалось около ста тридцати тысяч беженцев[57]. Видя, что местное население почти никак не реагирует на бедствия, связанные с войной, не проявляет почти никакого сочувствия к беженцам и, даже располагая в иных случаях значительными материальными средствами, не делится ими со страждущими, продолжая вести образ жизни столь же эгоистичный

и греховный, как и до войны, епископ Митрофан призвал людей к духовной мобилизации, к оставлению греховных привычек и нравов.

В 1915 году отец Димитрий сопровождал епископа Митрофана во время его посещения приходов, расположенных в непосредственной близости от линии фронта. В 1916 году он был награжден орденом святого Владимира 4-й степени за труды, понесенные во время войны[58].

1 июля 1916 года епископ Митрофан был назначен на Астраханскую кафедру. Прощаясь с архипастырем, отец Димитрий сказал: «Ты окормлял Минскую епархию менее четырех лет. <…> Ты сумел поддержать нормальный строй церковной жизни в Минской епархии до конца своего пребывания в ней <…>.

За короткое сравнительно свое святительство на Минской кафедре ты всколыхнул для деятельности все подведомственные тебе силы. Ты весь был в заботах и трудах по поднятию приходской жизни, <…> по улучшению

Беженцы в районе станции Барановичи

быта духовно-учебных заведений и широкому развитию церковно-школьного дела, при этом все эти заботы и труды явственно были проникнуты стремлением поддержать престиж православия и укрепить в своей пастве русские национальные начала»[59].

Епископ Минский и Туровский Георгий (Ярошевский)

6 июля 1916 года Святейший Синод назначил на Минскую кафедру уроженца Подольской губернии епископа Георгия (Ярошевского), бывшего до этого епископом Калужским, имевшего некоторые особенности. Узнав, например, о своем назначении, он не стал совершать последнее богослужение и прощаться с паствой, как это тогда было принято, а направил послание для зачитывания его в храмах вместе с указом Синода. А сам, не заходя перед отъездом в храм, прямо из дома, где жил, отправился на вокзал, чтобы ехать в Минск на место своего нового служения, что походило больше на бегство. Впоследствии, желая доказать, что калужане относились к нему благожелательно и даже любили его, он стал показывать подозревающим обратное нарочито им подобранные письма, которые должны были свидетельствовать о хорошем отношении к нему паствы.

В Минской епархии епископ Георгий, как и все его предшественники, столкнулся с проблемой ополячивания белорусов и великороссов и активного переманивания их в католицизм. Однако в отличие от своих предшественников он не поддержал развивающееся здесь миссионерское

движение, полагая лично для себя более выгодным сотрудничать с богатыми землевладельцами-поляками, нежели с бедными русскими. Исходя из этого, он призвал миссионеров в дальнейшем не прибегать к полемическим приемам, а направлять свои усилия на то, чтобы показать красоту православия в церковно-приходской жизни. «Православие должно быть явлено во всей своей красоте и притягательности особенно в тех местах, где сильно католичество»[60], — писал епископ Георгий. Он предлагал православному духовенству соревноваться с католиками в постройке лучших, чем у католиков, храмов, в увеличении числа произносимых проповедей, большей, чем у католиков, благотворительности, организацией кружков «ревнителей православия», задачей которых должно стать наблюдение за религиозной жизнью прихода и при необходимости увещание отдельных членов прихода, призывание их к исполнению уставов Церкви, посещению храма, соблюдению постов, причащению Святых Христовых Таин и тому подобному. Предложение епископа Георгия было принято духовенством епархии к сведению как имеющее не столько практический, сколько декларативный характер и, как все такого рода предложения, было вскоре напрочь забыто. Известные священники епархии, много лет занимавшиеся миссионерской деятельностью, были несогласны с позицией епископа, которая, по их мнению, игнорировала возмутительные факты, совершавшиеся у всех на глазах, когда, например, пострадавшим от военных действий русским беженцам в католических и польских пунктах помощи отказывались помогать, если те не назовутся поляками и католиками, между тем как в русских пунктах оказывалась помощь всем, независимо от национальности и религиозной принадлежности. Даже распределение расходов государства на беженцев было

Протоиерей Иоанн Язвицкий

весьма далеко от справедливости. Если на беженца поляка казна расходовала 198 рублей 67 копеек, то на беженца русского — 1 рубль 42 копейки[61].

«Каким образом и какими средствами польские мысли и обычаи сохраняются в народе, мы, живущие в постоянном соседстве с поляками, прекрасно знаем, — писал ректор Минской духовной семинарии протоиерей Иоанн Язвицкий[62]. — Да и сами поляки не скрывают роли своего духовенства в этом деле. Профессор Брюкнер* писал в прошлом году: „Окраинная Польша еще жива, вселилась в Белоруссии даже в душу простого народа, чем мы, поляки, обязаны костёлу, наиболее удачно борющемуся против русского влияния“.

Вот что представляет действительность настоящего момента в области взаимных духовных отношений поляков и белорусов Западного края. Она нисколько не изменилась под громом пушек. И вновь наша Минская церковь должна быть готова к самосохранению… — от хищничества католиков-поляков»[63].

Церковные школы и семинарии во время войны оказались в значительно худшем положении, чем светские

---

* Александр Брюкнер (1856–1939) — польский филолог, специалист по полонистике и славянским языкам и культуре, профессор Берлинского университета, иностранный член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук, автор «Этимологического словаря польского языка».

образовательные учреждения. 19 ноября 1916 года депутаты съезда духовенства Минской епархии, рассмотрев положение, сложившееся в сфере религиозного образования, пришли к следующим выводам: духовенство и православные миряне, терпящие стеснения от постоя войск, безропотно исполняющие распоряжения гражданской и военной власти, использовавшие все способы помощи воинам, собирающие всякого рода пожертвования на нужды Красного креста, на вспомоществование вдовам и сиротам павших воинов, оказались в печальном положении относительно «своих детей школьного возраста, не имеющих возможности обучаться в местных учебных духовного ведомства заведениях по причине занятости их разными военными организациями, отчего годы учебного возраста большинства детей проходят в бескнижном прозябании, а годы меньшинства учащейся молодежи проходят в разорительном скитании по учебным заведениям других округов и даже отдаленных епархий, тогда как местные гимназии и разные школы Министерства народного просвещения открыты для своей деятельности и дети лиц гражданского ведомства Минской губернии в прежнем порядке, без дальних скитаний, продолжают спокойно свое образование»[64].

Депутаты съезда духовенства обратились к епископу Минскому Георгию с просьбой исходатайствовать перед властями «освобождение учебных заведений духовного ведомства от военных организаций и прежде всего освободить здания епархиального общежития при Минской духовной семинарии и здания Слуцкого духовного училища»[65]. В ответ на это прошение епископ ответил, что такое ходатайство уже подавалось, но, если депутаты съезда хотят, он согласен подать его вторично.

Люди духовно чуткие внимательно вглядывались в очертания новой, неотвратимо наступавшей на Россию действительности и нередко задавались вопросом, как православный русский народ, чья вера и государственность казались непоколебимыми, всего за несколько десятилетий столь кардинально изменился. Их свидетельства тем более ценны, что показывают: внешнему распаду государства и коренным в нем переменам предшествует распад внутренний, нравственный, духовный, достаточно полно описанный современниками еще до наступления самих событий. События как бы уже изобразились в душах людей, в теле народа, чтобы затем родиться в действительность в виде государственного переворота и гражданской войны.

«Равнодушие к евангельским истинам, маловерие и неверие во Христа, Сына Божия, с каждым годом становится сильнее, — сказал в проповеди в день празднования памяти первоверховных апостолов Петра и Павла протоиерей Димитрий. — Это грустное явление наблюдается не только в высших классах общества, гордящихся своей образованностью и пользующихся комфортом, но и среди нашего простого народа, у которого, по-видимому, нет причин к забвению Бога. Простой наш народ слабеет в своей вере, гаснет в чистой религиозной жизни главным образом благодаря пропаганде врагов Православной Церкви и Родины. Его едва ли не на половину давно захватила волна сектантства, в особенности немецкого пошиба, над ним на нашей памяти пронесся революционный вихрь. <…>

Если так сильно пала наша вера, то не могла быть на должной высоте и наша нравственная жизнь. В наш век люди почти всецело погрузились в свои земные расчеты, дали большой простор своему эгоизму. Отовсюду несутся

жалобы на тяжесть современной жизни, и это потому, что иссякла любовь между людьми, каждому только до себя. Достаточно было посмотреть на нашу жизнь со стороны, чтобы сказать, что мы недостойны быть апостольскими учениками. Пьянство, разврат, хулиганство, убийство и самоубийства были в полном ходу. Казалось, что пройдет еще немного времени, и мы истребим друг друга. Как ни тяжело нынешнее наше государственное испытание, а мы, с сознанием своей вины, должны благодарить за него Господа Бога. Теперь многие из тех православных христиан, которые попирали во время тихой и мирной жизни божеские и человеческие законы, стоя лицом к лицу с кровожадным врагом, являют высший христианский подвиг, который изображен в словах Христа: „нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих“ (Ин. 15, 13)»[66].

«Кругом нас в настоящее время веет множество смутных ожиданий и тревог, и вдали встает образ новой России, — писал в конце 1916 года ректор Минской духовной семинарии протоиерей Иоанн Язвицкий. — Мы стоим на рубеже двух эпох. Ужасная борьба народов Европы, принявшая неслыханные размеры по своей жестокости и упорству, пробудила в народных массах усиленную работу мысли. Народ как бы просыпается от долгого и тяжелого сна. <…> И, как человек, не вполне еще пришедший в себя от страшного и ужасного пробуждения, не может дать себе ясного отчета в происходящем, [народ] не может определить своей жизненной стези в наступающем утре нового дня. Он жадно набрасывается на всё, что дает настоящий момент, не различая добра от зла. Отсюда страшные контрасты русской жизни: рядом с истинно геройскими подвигами самоотвержения — низкие страсти и бессердечие к горю ближнего. <…>

В последнее время почти из всех концов России несутся вести: храмы стали меньше полны богомольцами, народ становится равнодушным к призывам Церкви. В религиозных переживаниях народа наступает кризис: народ переживает болезненный процесс в своем религиозном сознании. Высота религиозного воодушевления могла породить жажду чуда, а Промысл Божий направляет естественный ход событий к своим определенным целям, которые не могут быть ясны сознанию человеческого ума. Отсюда разлад между чувством веры и сознанием ума. Какое дальнейшее течение примет это болезненное состояние русского народа… можно предвидеть по данным настоящего. Война, хотя жестокая и затяжная, становится постепенно обыденным явлением жизни. Острота ее первичных впечатлений заслоняется мало-помалу интересами насущного дня. Понемногу все привыкли к новому укладу жизни „при военных обстоятельствах“. И злоба насущного дня вновь стала господствующим началом в жизни.

Что же предъявляет эта злоба текущего дня? Вот картины из жизни. Все объяты жаждой наживы, страстью к деньгам. Начавшись в области торговой жизни, жажда наживы быстро проникла во все слои общества — все сделались ее рабами. Полуобразованный ученик средней школы, сам сознающий настоящую цену своим знаниям и труду, старается поступить на сотенные месячные оклады. Крестьянин не знает, во что оценивать свой труд и произведения своего труда и за всё назначает тройные и больше цены. Торговцы — эти цари настоящего положения — не знают предела в бешеной скачке повышения цен. Словом, наступила какая-то дикая вакханалия в погоне за деньгами.

Сравнительная легкость наживы создала привычку к такому же легкомысленному их проживанию. Появились

привычки и пороки, которым бы не должно быть места в дни общего несчастья.

Прекращенное в начале войны сильным царским словом пьянство начинает понемногу возвращать свои позиции в жизни русского народа. Видевший и ранее всю прелесть своей жизни в пьяном угаре, русский народ не сумел за этот небольшой промежуток времени подыскать себе разумных, чистых развлечений и вновь начинает возвращаться к прежнему излюбленному спутнику своего досуга — пьянству. <…>

Не все, конечно, живут этой страстью. <…> Но куда эта часть населения направила свое сердце? Как она использует свой досуг и обилие средств? Не радостная картина для пастыря Церкви открывается и здесь. Из деревни всё чаще и чаще стали приходить печальные вести о том, что в толщу народную стала проникать другая, не менее жестокая болезнь в виде картежной игры. В прежнее время карты были принадлежностью по преимуществу города, и картежная игра была занятием людей праздных, а в деревне, в трудящейся среде карты встречались редко.

Теперь эта „цивилизация“ дошла и до деревни и завоевывает весьма почетное место после зеленого змия.

Судя по газетным сообщениям, прежние невинные игры в деревне уже отходят в глубь преданий. В ней безденежных игр теперь почти не существует. Играют в домах, играют на завалинках, на улицах, на задворках. Играют отцы, играют подростки, а на них глядя играют и дети. По деревням теперь образуются особые клубы, где не только по праздничным дням, но и по будням собираются завзятые любители азарта и целые дни и ночи напролет просиживают за картами. <…>

В городах к этому картежному азарту прибавляются и другие нездоровые в нравственном отношении

развлечения. Кинематографы переполнены, и редко кто считает странным и неприличным любоваться в лучшем случае пустыми, а то и безнравственными картинами. Из-за недостатка топлива в некоторых городах останавливаются трамваи, сокращается электрическое освещение, распускаются учебные заведения, словом, приносятся жертвы в весьма важном и существенном. А наши кинематографы и им подобные учреждения, точно по мановению волшебного жезла, не только не испытывают подобного недостатка, но и расширяют свою „плодотворную“ деятельность. Не хуже обстоит дело и в ресторанах. Там, чем дороже, тем теснее. В разного рода клубах и собраниях какой-то прямо горячечный азарт, безумное швыряние денег направо и налево, тысячные проигрыши. <…> По разного рода кафе в послеобеденное время — самые откровенные разговоры о деловито поставленном грабеже России оптом и в розницу.

Щегольство и роскошество в одежде также охватили все слои общества. Шёлк и бархат и дорогие меха — вот что считается теперь только приличным. Нередко приходится встречать в магазинах простых деревенских крестьянок, требующих для себя бархат и шёлк.

Таковы факты жизни. Что же в основе всех этих жизненных явлений? Ясно, что народ отошел в направлении своей жизни и понимании ее смысла от разума Церкви. Потеряв руководящий религиозный принцип, он смотрит на жизнь человека и на него самого не с точки зрения высшей вечной правды, а со стороны чувственных требований своего оплотяневшегося разума. Это еще не совершенный отказ от религии, но начало его. Пока еще только обесценéние жизни с религиозно-нравственной стороны и преувеличенная переоценка с материальной. Но и это начало уже понемногу вытесняет из обихода жизни те ее религиозные

устои, которыми она обычно крепка. И это начало созидает незаметно для самого человека новый для него культ — культ плоти, обожествление своего „я“. <…> Вот в какой атмосфере <…> находится переживающий агонию своего религиозного миросозерцания русский народ. Ясно, что в таких условиях эта болезнь его может окончиться духовной смертью»[67].

В декабре 1916 года протоиерей Димитрий в соответствии со своим пожеланием был освобожден от исполнения обязанностей члена Минской духовной консистории и на его место был назначен духовник семинарии протоиерей Владимир Плышевский[68].

На третий день праздника Рождества Христова епископ Георгий намеревался посетить войска, расположенные на передовой и непосредственно участвующие в боевых действиях, а потому в особенности нуждающиеся в слове поддержки. Но, пораздумав, он отказался от этого намерения, столь естественного для его предшественника, и совершил объезд приходов епархии, лишь косвенно связанных с военными действиями, находящихся вдали от передовых позиций.

В то время как для многих наступление государственной и национальной катастрофы виделось уже неотвратимым и неизбежным, епископ Георгий на новогоднем молебне в канун трагического 1917 года обратился к молящимся со словом, которое свидетельствовало о его непонимании происходящего. «О чем мы будем просить Его милосердие? — вопрошал он, создавая этим весьма нелепое впечатление: приговор произнесен, остается лишь ждать приведения его в исполнение, а стремящийся попрежнему к материальным благам подсудимый ведет себя так, как будто он ничего не слышал. — Будем просить, чтобы наступившее лето Господне было благим и приятным,

чтобы окончились уже те страдания, какие переживает Россия вследствие нынешней Великой Мировой войны, чтобы прекратилась великая брань народов и наступил для России славный победный мир, будем просить Бога, да дарует Он благочестивейшему государю нашему и его христолюбивому воинству окончательную победу и одоление над врагами, да покроется славой в наступившем году наша Родина и да сможет она скорее залечить те раны, которые ей нанесены войной»[69].

22 февраля 1917 года Учебный комитет при Святейшем Синоде рассмотрел прошение епископа Минского Георгия о предоставлении протоиерею Димитрию Павскому должности заведующего в одном из духовных училищ, о чем сам отец Димитрий был в полном неведении. Вакантна в то время была должность только смотрителя Торопецкого духовного училища в Псковской епархии, и Учебный комитет принял решение перевести туда отца Димитрия[70].

2 марта 1917 года абсолютистская монархия, ограничившая сама себя активно действовавшим против нее парламентом, самоупразднилась и передала власть в России гипотетическому Учредительному собранию через избранное из членов Государственной думы Временное правительство. 6 марта 1917 года в Минске состоялся торжественный молебен по случаю изменения политической системы. Его служение возглавил викарий Минской епархии епископ Слуцкий Феофилакт (Клементьев)[71]. Войска и многотысячные толпы народа не вмещались на Соборной площади и заняли все прилегающие улицы. Соборная площадь представляла сплошное море голов, над которым возвышались многочисленные знамена с начертанными на них лозунгами[72]. Войска стояли с красными знаменами с надписями: «Да здравствует свободная Россия!», «Да здравствует народное правительство!»

Перед началом молебна епископ Феофилакт обратился к народу с речью, в которой указал «на совершившуюся в нашем государстве перемену в образе правления и, раскрыв истинное понятие о свободе, по учению слова Божия, призвал всех к спокойному отношению к совершившемуся и к покорности новому правительству»[73]. После молебна с декорированной красной материей трибуны выступил приветствовавший совершившуюся революцию главнокомандующий армиями Западного фронта генерал-адъютант Алексей Ермолаевич Эверт.

Епископ Слуцкий Феофилакт (Клементьев)

Правящий архиерей Минской епархии епископ Георгий в начале марта заболел и только во второй половине месяца смог предложить духовенству Минска собраться, чтобы обсудить вопросы, связанные с чрезвычайностью совершившихся событий, и результаты этого обсуждения представить ему. «Первое собрание духовенства для обсуждения предложений епископа носило особый характер, — отмечалось в „Минских епархиальных ведомостях“. — Как вставший после продолжительной и изнуряющей болезни больной не может стоять твердо на ногах, его невольно клонит опять к постели, так и духовенство не знало вначале, как воспользоваться свободой слова и, подобно больному, чуть было не легло на прежнюю постель, начав скучно, казенно обсуждать по пунктам предложения своего епископа…»[74]

Но затем выступления священников приобрели иной характер, когда они подняли действительно интересующие их темы. Ввиду их множественности и сложности, собрание духовенства продолжилось 28 марта и 7 апреля. Результатом этого пастырского собрания стало постановление[75], в котором затрагивались многие актуальные вопросы церковной жизни того времени. На собрании было также принято постановление об избрании временного Церковно-общинного совета городского духовенства.

В соответствии с ранее принятым решением Учебного комитета Святейший Синод 9 марта 1917 года перевел протоиерея Димитрия в город Торопец Псковской епархии. 16 марта Минская духовная консистория направила ему указ о переводе его смотрителем Торопецкого духовного училища, а также сообщила ему распоряжение епископа Георгия — об освобождении его от должности настоятеля кафедрального собора и что в самое ближайшее время он должен сдать имущество и денежные средства старшему священнику собора. Для отца Димитрия это стало полной неожиданностью, и он решил опротестовать действия епископа Георгия в Святейшем Синоде, а до разрешения вопроса просил оставить его в должности настоятеля кафедрального собора, на что епископ Георгий высказал свое категоричное несогласие.

26 марта отец Димитрий подал прошение в Синод. Он писал: «Указом Святейшего Синода от 9 марта я перемещён на должность смотрителя Торопецкого духовного училища Псковской епархии без объявления мне причин и [без] какого бы то ни было прошения с моей стороны, а в связи с этим перемещением по духовно-учебной службе резолюцией его Преосвященства, Преосвященнейшего Георгия, епископа Минского и Туровского, от 12 марта я уволен от должности настоятеля Минского

кафедрального собора. Ныне мне стало известно, что, в силу введения при замещении должностей по духовно-учебной службе выборного начала, указ Святейшего Синода о перемещении меня в город Торопец потерял свое значение и я оставлен преподавателем Минской духовной семинарии. При таком исходе дела по перемещению меня на должность смотрителя Торопецкого духовного училища, казалось бы, следовало восстановить меня и в должности настоятеля Минского кафедрального собора, так как выставленное епископом Георгием основание к увольнению меня от должности настоятеля собора само собой отпадает. Между тем Преосвященный Георгий <…> на особом моем прошении к нему о приостановлении резолюции, увольняющей меня от должности настоятеля кафедрального собора, впредь до выяснения обстоятельств дела, изволил положить такую резолюцию: „Вследствие того, что отца протоиерея Димитрия Павского я не имею в виду оставлять в должности настоятеля Минского кафедрального собора даже в том случае, если бы Учебный комитет оставил его в должности преподавателя Минской духовной семинарии, не нахожу возможным позволить отцу Павскому воздержаться от сдачи дел, документов и денежных средств до выяснения всех обстоятельств по делу о перемещении его на должность смотрителя Торопецкого духовного училища. Моя резолюция от 12 марта сего года должна быть незамедлительно приведена в исполнение“. Таким образом выходит, что я увольняюсь от должности настоятеля Минского кафедрального собора после 12-летней кипучей моей работы в Минской епархии и 6-летней службы настоятеля в соборе при двух епархиальных архиереях исключительно по усмотрению Преосвященного Георгия, — и это во дни провозглашения в Русской Православной Церкви торжества правды,

законности и канонической чистоты. На основании выше изложенного я сыновне прошу Святейший Правительствующий Синод произвести по делу увольнения меня от должности настоятеля Минского кафедрального собора формальное следствие и затем, смотря по добытым данным, предать меня церковному суду или восстановить меня в должности настоятеля Минского кафедрального собора. При этом открыто заявляю, что дело о перемещении меня на должность смотрителя Торопецкого духовного училища и находящимся в связи с ним увольнении меня от должности настоятеля Минского кафедрального собора является последствием возмутительного засилия в епархии отдельных личностей, отражением вообще ненормального положения вещей в ней»[76].

17 апреля в покоях епископа Георгия под его председательством состоялось заключительное собрание священнослужителей города Минска. Епископ не стал возражать против предложений духовенства по исправлению положения церковных дел в епархии, сделав лишь самые общие замечания. 20 апреля состоялось собрание духовенства и мирян города Минска под председательством ректора семинарии протоиерея Иоанна Язвицкого, который обратился к собравшимся со следующим словом: «Всем вам, явившимся в настоящее собрание, известны обстоятельства, при которых возможны стали подобного рода собрания. Теперь жизнь нашего Отечества перестраивается на новых началах свободы, равенства и братства. В этом строительстве новой жизни должна принять участие и Православная Церковь, насчитывающая в недрах своих 114 миллионов граждан русского государства. Правда, Православной Церкви принадлежала и прежде огромная роль в жизни России, но это ее значение обесценивалось тем общим бюрократическим строем, который царил

во всех отношениях жизни русского государства и везде давал свои ужасные плоды. Сковывая свободу личного почина, этот строй вносил леденящую струю и в отношения церковные, и дело дошло до того, что Церковь — этот духовный союз людей, в основе которого положено великое начало — единение в духе любви и братства, утратила этот дух единения и в ней образовалась пропасть, и на дне ее уже таился ужасный призрак вражды и ненависти. Бог знает, до чего бы могло дойти! Недоверие к нам росло и росло. Нашим словам уже давали мало веры, считая нас прислужниками старой власти и всех ее темных принципов.

Нет, господа, мы были не прислужниками старой власти, а ее рабами и даже мучениками и страдальцами. Нигде так глубоко не пустил своих корней прежний бюрократический порядок и нигде он не расцвел в такой пышный цветок, как в ведомстве Православной Церкви. Во главе ведомства православного исповедания, по духовному регламенту Петра I, стояло „око государя“ — господин обер-прокурор. Что это был за тип власти, думаю, всем известно! Действуя под эмблемой охранения интересов православия, он не допускал за ограду Церкви ничего нового и свежего, видя во всем, даже в прогрессе жизни, врагов православия. <…> Он затыкал рот тем смелым иерархам и священнослужителям, которые дерзали иметь самостоятельность мысли. Перемещение архиереев с кафедры на кафедру стало подобно шахматной игре, которую вел господин обер-прокурор с лицами из сфер. Сами наши епископы, возглавляющие наши поместные церкви, стонали под такой тяжелой рукой. Они боялись свободы мысли и слова даже во взаимообщении и не дерзали иметь какого-либо почина в управлении епархиями, а во всём руководились предписаниями сверху от господина

обер-прокурора, прятавшегося за спину Святейшего Синода, в действительности составлявшего его вотчину, собранную из людей покорных и послушных.

Впрочем, епископы находили себе утешение и облегчение в том, что сами старались быть князьями в своих епархиях и весь тот гнет, который испытывали сами, усугубляли на подчиненных им клириках. Это наглядно выражалось и в титуле их — „владыка“. Причем не резало их слуха, если этот титул сопровождался эпитетом „святой“. Этот богослужебный титул, льстецами и прислужниками старого режима введенный в обиход повседневной жизни, гипнотизировал и психику епископов, и они действительно возомнили себя непогрешимыми. Всюду, где бы ни выступал епископ со словом ли учительства или с личным мнением, — его слова не могли быть ни опровергаемы, ни оспариваемы. Особенно тяжело это сказывалось в одной из областей их деятельности — в области административной. Убрать с дороги лицо неугодное и неприятное — для них ничего не стоило. Одним росчерком пера они возвышали смиренных и низводили и смиряли гордых. Господа! До вас не долетали раскаты громов самовластия и властолюбия владык. Многосемейность, малообеспеченность и отсутствие запаса средств заставляли большинство из нас нести иго власти и покоряться. Только в кругу самых близких, а больше в кругу своей семьи, а всего чаще наедине, в сердечной молитве, под покровом темной ночи находили мы облегчение своей тяготы. Да, тяжело нам временами бывало!

Тяжелее же всего было то, что мы не могли иметь взаимной поддержки друг в друге. И в область взаимоотношений членов клира вошел тот же дух бюрократизма с его исчадиями — делением на высших и низших, влиятельных и ничтожных, с подслуживанием друг другу,

самоуничижением, недоверием и предательством. Наши собрания не имели в себе духа единения, а были отбыванием казенной повинности — оттого они и были так бесплодны. Жизнь со своим настоящим лицом редко заглядывала в них. Церковная власть нам предписывала поговорить о чем-либо, что имело бы вид дела, и мы отписывались, придавая этим отпискам вид подлинного дела. Оттого и заглохла наша церковная жизнь. Была ли какая самодеятельность в приходах? Были ли у нас действительные братства взаимопомощи, были ли учреждения для проявления подлинной христианской любви и милосердия и вообще христианской жизни? Напротив, за попытки ввести в церковную жизнь начала истинного православия, если эти попытки предпринимались без благословения начальства, нас, духовенство, брали под подозрение.

Этот же дух бюрократизма господствовал и в жизни приходской. По духу бюрократизма мирянам не дозволялось широкого участия в устроении своей приходской жизни. Два-три уполномоченных от прихода для месячного подсчета церковных сумм — вот почти все, что позволялось мирянам — телу церковному — в делах приходских. Не будем таить, что и отношения некоторых из нас к своим пасомым отражали в себе дух бюрократизма. Не все из нас были „батюшками“, как издавна привык называть русский человек своих пастырей, выражая в этом названии тот идеал, который он желал видеть в своих священниках. Нет, простой мирянин рассматривался нами не как возлюбленное чадо Божие, за которого пролита бесценная кровь Сына Божия, а как член бюрократического государства, в котором каждому дано *свое имя* и каждому указано *свое место*. Этот дух гражданских отношений в лоне Церкви Христовой не способствовал, конечно, тому, чтобы все были едины, но, наоборот, отрывал нас друг от друга,

воспитывая веками нерасположение паствы к своему пастырю, недоверие к нему и даже некую враждебность.

Вот какой атмосферой была окружена церковная жизнь в бюрократической России. Неудивительно, что церковной жизни и не было. Была только внешняя принадлежность к ней. Мы только числились православными, но не жили обычаями и по духу православия.

Теперь настала новая эра в жизни Православной Русской Церкви. Рухнул самодержавный строй, и вместе с ним спали оковы рабства с Православной Церкви. Отныне жизнь Церкви должна быть устрояема на новых началах. В основу церковной жизни должно быть положено тесное духовное единение между собою всех членов ее — пастырей и пасомых. Церковь Христова есть тело, в котором все члены имеют каждый свое необходимое значение. Как в теле не может сказать рука или нога голове: не нужна ты нам, или голова рукам: не нужны вы мне*, так и в жизни Церкви каждый член ее, выполняя свое назначение, служит к общей пользе Церкви. Началом этого единения и является настоящее собрание пастырей и пасомых»[77].

На собрании были избраны члены Церковно-общинного совета, а также принято решение, чтобы в ближайший церковный праздник созвать во всех храмах приходские собрания для избрания приходских советов.

24 апреля 1917 года учебная корпорация Минской духовной семинарии направила телеграмму в Учебный комитет с просьбой оставить протоиерея Димитрия Павского преподавателем семинарии. 29 апреля состоялось заседание Учебного комитета, который отменил свое предыдущее решение, оставив отца Димитрия преподавателем в Минской семинарии[78], и 6 мая Святейший Синод

---

* Ср.: 1 Кор. 12, 21.

восстановил его в прежней должности. Распоряжением епископа Георгия протоиерей Димитрий был восстановлен в должности настоятеля кафедрального собора с 12 марта.

30 апреля состоялось первое общее собрание прихожан кафедрального собора, на котором был избран приходской совет во главе с протоиереем Димитрием. Работа совета сразу же приняла регулярный характер. На каждом заседании совета, согласно пожеланию его членов-мирян, подробно сообщалось о положении дел в приходе и о текущих распоряжениях епархиальной и центральной церковной власти по благоустройству приходской жизни. Совет принял решение о регистрации прихожан и о создании строго церковного хора[79].

15–19 мая прошел съезд духовенства и мирян Минской епархии. «Этим чрезвычайным съездом положено начало постоянной совместной работе духовенства и мирян на пользу Церкви Православной, на устроение народной жизни по священным заветам Евангелия, — писали „Минские епархиальные ведомости“. — Нужно сказать правду, что этот первый совместный съезд был не совсем удачен. Много было взаимного непонимания, много было взаимных упреков, многие вопросы были разрешены торопливо и недостаточно вдумчиво. Но мы более двухсот лет не собирались вместе для решения церковных дел. Более двухсот лет все церковные дела решались у нас по административной указке, по усмотрению и распоряжению свыше, а мы должны были только слепо исполнять получаемые распоряжения. Что же удивительного, если мы не умеем работать вместе, если мы друг друга не понимаем, друг другу не доверяем? Это не удивительно, но удивительно и трогательно то, что на этом же съезде бывали моменты, когда все члены съезда проникались и охватывались одним общим чувством, когда все сердца сливались

в одном общем высоком и прекрасном настроении, в одном общем святом и чистом порыве любви к Церкви, к добру и правде.

Теперь остается провести в жизнь главнейшее постановление съезда — об устроении приходской жизни — организовать приход. Необходимость скорейшего устроения приходской жизни сознавалась еще задолго до революции.

Но, прежде чем приступить к этой трудной работе, пастырю прихода необходимо самому, как бы сказать, духовно очиститься. Необходимо отрешиться от старых чувствований, сознать себя свободным членом Царства Божия на земле, призванным устроить это Царство в меру своих сил и дарований; дать перед Богом и своей совестью обещание не повторять прежнего греха — служения человеческому более, нежели Божьему; в корне изменить свои отношения к пастве. Пастырь не начальник, а слуга прихода. Не приход для пастыря, а пастырь для прихода. Слова Христа: „Кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою“* должны наконец стать правилом жизни и деятельности современного православного священника»[80].

8 августа 1917 года состоялся второй съезд духовенства и мирян Минской епархии, на котором были избраны делегаты на Поместный Собор Российской Православной Церкви. На Собор отправился епископ Минский Георгий и избранные съездом делегаты. Епископ Георгий возглавил на Соборе Отдел епархиального управления; во время соборных обсуждений он выступил активным противником восстановления патриаршества в Русской Церкви.

13 ноября 1917 года председатель Православного миссионерского общества, которым был тогда митрополит

* Мк. 9, 35.

Московский Тихон (Беллавин)*, обратился с письмом к епископу Георгию с просьбой организовать сбор пожертвований на деятельность Общества. «Ныне Миссионерское общество, — писал он, — вследствие страшной дороговизны жизни, отразившейся и на миссионерских учреждениях, вследствие изменения государственного строя и связанных с сим перемен в жизни народной, вследствие тягостей военного времени, испытывает воистину вопиющую нужду в материальных средствах и стоит перед опасностью полного прекращения миссионерской деятельности на местах. <…>

Понуждаюсь усерднейше просить Ваше Преосвященство, не найдете ли возможным в особом послании к духовенству и пастве напомнить о святом долге пожертвований на дело благовестия Евангелия или по крайней мере особыми распоряжениями предложить причтам и отцам благочинным приложить особое усердие к повышению сборов в первую седмицу Великого поста. <…>

Позволяю себе надеяться, что Ваше Преосвященство с особою любовью и заботливостью примете на себя труд по исполнению дела, от коего зависит благосостояние и дальнейшие успехи наших миссий»[81].

19 января 1918 года патриарх Тихон обратился к пастве Российской Церкви с посланием, обличающим бесчинства большевиков. Епископ Георгий, полагая, что если патриарх обратился к пастве с таким посланием, то, следовательно, он знает что-то такое, из чего следует, что ему за это послание ничего не будет, а значит, и епископу Георгию можно последовать примеру своего иерархического начальника. И 25 января он составил свое собственное

---

* Священноисповедник Тихон (в миру Василий Иванович Беллавин; 1865–1925), патриарх Московский и всея России; память 25 марта / 7 апреля.

послание, которое направил из Москвы в Минск для оглашения его во всех храмах епархии.

«Гонение на Православную Церковь, воздвигнутое нынешними безрелигиозными правителями России, в епархии нашей достигло особой силы и развития, — писал епископ Георгий. — Здесь, вблизи фронта, где собраны самые отрицательные в религиозном отношении элементы, где существуют особые комиссары, действующие в религиозной области более резко и решительно, чем даже петроградские комиссары, поход на Церковь принял особую яркую форму… Так, комиссары Западной области и фронта в декрете от 9 января сего года потребовали от консистории и духовенства передачи церковных документов в комиссариат и совершения таинства Брака и Крещения и разных церковных обрядов не по законам церковным, а на основании гражданских записей. Это было грубым вторжением во внутреннюю жизнь Церкви, посягательством на ее свободу. <…> Так захвачены были духовная семинария и духовное училище, имеющие своей задачей подготовлять пастырей Церкви. <…> По отъезде нашем в г. Москву на Церковный Собор, по решению тех же комиссаров захвачены наш архиерейский дом, дома́ кафедрального собора, монастыри — мужской и женский и консистория. Таким образом, захвачено то, что составляет достояние Минской Церкви, то есть всего православного верующего народа Минской епархии. Эти захваты, как и другие подобные захваты, конечно сделаны во имя народа и для народа, как объясняют захватчики. Но, возлюбленная братия! — разве вы давали согласие на эти захваты? Разве вас об этом спрашивали? Да и могли ли вы, как верные чада Церкви, давать согласие на то, чтобы ваш православный архиерей был лишен своего помещения и не имел где голову преклонити?

Чтобы священники кафедрального собора были удалены из своих квартир? Чтобы монастыри попали в руки неверующих людей? Чтобы прекратилось епархиальное управление за упразднением консистории? Чтобы закрыты были школы, готовящие пастырей? Конечно, для вашего православного сердца это страшный удар… Это тяжелое оскорбление Церкви и вас, православных верующих.

Встаньте же, возлюбленные и благочестивые чада наши, на защиту святой веры и Церкви нашей, на защиту ее храмов и монастырей и всего достояния церковного, которое посвящено Богу! Не дозволяйте нечистым рукам прикасаться к святыням нашим и насильничать над Церковью и грабить ее достояние. <…> Защитите священников ваших, которые глаголят вам слово Божие и освещают вас благодатью таинства. Громко заявите, что вы не позволите оскорблять веру и Церковь, гнать и предавать священнослужителей на посмеяние. Это будет святое и великое дело, это будет великая заслуга ваша перед Богом и Церковью, и награда ваша будет велика на небесах. Это будет мужественное исповедание Христа и Его учения. <…> Через приходские собрания и советы требуйте изменения отношения к Церкви Православной и возвращения церковного имущества, захваченного насильниками.

Я, как архипастырь ваш, благословляю вас на это святое дело. Никто, может быть, так не страдает за Церковь Минскую, как страдаю я, поставленный для руководства вашего ко спасению. Не так материальные лишения Церкви заставляют меня страдать, как это дерзкое осмеяние и поругание Церкви, проявляемое неверующими властями и в их декретах, и в насильственных захватах, ими разрешаемых. Дайте же мне возможность утешиться сочувствием вашим, любовью вашей, преданностью вашей вере и Церкви, твердым стоянием вашим за Христа»[82].

Оба послания — и патриарха Тихона, и епископа Георгия — были зачитаны в храмах Минска 27-го и 28 января, когда в городе находились большевики. Самого епископа в это время в городе не было — он вернулся в епархию, когда большевики уже покинули город. Немецкие войска, перейдя 18 февраля в наступление, 21 февраля заняли Минск, а вскоре и всю территорию Минской губернии, и епископ с радостью приветствовал их как освободителей от большевиков. 25 апреля 1918 года епископ Георгий был возведен патриархом Тихоном в сан архиепископа.

Положение духовенства, особенно сельского, страдавшего от производившихся немцами реквизиций, со временем становилось всё тяжелее, и архиепископ Георгий стал ходатайствовать перед немецкой администрацией об освобождении от реквизиций православного духовенства, на что получил от нее вполне определенный ответ: «Удаление… Германии от морских сообщений благодаря бывшим союзникам России принуждает там все круги, также и духовенство, — к ограничениям, которые гораздо больше тех, которые возложены здесь на население вообще. Вследствие сего, к моему сожалению, освободить здешнее духовенство (от реквизиции) при закупке жизненных средств является невозможным»[83].

В ноябре 1918 года началось общее отступление немецких войск с территории России. Архиепископ Георгий сообщил духовенству о своем намерении покинуть епархию и уйти вместе с немцами. Один из членов консистории, протоиерей Стефан Кульчицкий[84], заметил ему на это, что архипастырю не следует покидать свою паству в такой ответственный момент. На это архиепископ Георгий ответил: «Я не создан быть мучеником и должен уехать». Главнокомандующий Восточным фронтом генерал-фельдмаршал Леопольд Баварский, которому архиепископ Георгий,

приветствуя вступление немецких войск в Белоруссию, преподнес икону, заблаговременно поставил его в известность о готовящемся отступлении и распорядился выделить ему для переезда с отступавшими войсками отдельное купе в поезде[85]. Уезжая из Минска, архиепископ забрал с собой епархиальную казну и ризницу. Вместе с ним выехали архимандриты Афанасий (Вечерко) и Александр (Иноземцев), с последним он поселился в городе Бари в Италии[86].

В 1919 году в Минск прибыл епископ Слуцкий Мелхиседек (Паевский), викарий Минской епархии; после бегства архиепископа Георгия он был назначен временно управляющим Минской епархией. 8 августа 1919 года начавшие наступление польские войска под командованием Юзефа Пилсудского захватили Минск, а в октябре — Бобруйск. Из центральной Белоруссии большевики были изгнаны, и захваченные территории предполагалось присоединить к Польше, создав на их основе новый вариант Речи Посполитой. 31 октября 1919 года поляки издали «Распоряжение генерального комиссара Восточных земель, касающееся возвращения римо-католическому духовенству костёлов и каплиц, переделанных в храмы греко-российского вероисповедания»[87]. За неделю до этого, 23 октября, местная польская администрация, угрожая оружием, отобрала ключи от Крестогорского Успенского храма у его настоятеля священника Михаила Зубковича и передала их католикам. По уходе польских войск православная община Успенского храма обратилась к волостной милиции, и храм был возвращен православным.

Успенский храм расположен в двадцати двух километрах от Минска в урочище Крестогорск, отличающемся живописностью места, представляющем собой два ряда взаимно перекрещивающихся холмов, образующих подобие креста, откуда и произошло название, — и на самом

возвышенном месте здесь находится храм. Причиной для постройки на этом месте храма послужило явление на дереве в середине XVII века иконы Божией Матери. Икона была написана на медной пластине и именовалась Млекопитательницей, так как на ней изображена Божия Матерь, кормящая Богомладенца. По обращению с молитвами к Божией Матери исцелялось множество приходивших сюда людей. В XVII веке на этом месте была построена деревянная церковь. Впоследствии церковь перешла к униатам. В начале XIX века она была захвачена католиками и значилась как филиал минского кафедрального костёла. По учреждении Минской римско-католической епархии был построен более обширный деревянный храм в чисто католическом стиле. С этого времени униатские священники перестали совершать здесь богослужения и служили уже только католические ксёндзы. В 1858 году началось строительство на месте деревянного костёла каменного; он строился Особым комитетом, во главе которого стояла графиня Мария Николаевна Тышкевич, урожденная княгиня Радзивилл, на средства, собранные от благотворителей из разных вероисповеданий: жертвователями были католики и православные. В 1862 году храм был выстроен и освящен. Вскоре после окончания строительства началось польское восстание, и, поскольку ксёндзы, служившие в костёле, приняли деятельное участие в повстанческой деятельности, храм был у них отобран и передан православным. В 1866 году живущие в окрестности крестьяне-католики присоединились к православию, и 13 ноября костёл был освящен как православная церковь. Против передачи костёла православным выступили польские помещики во главе со строительницей графиней Тышкевич, усиленно хлопотавшей о его возврате католикам.

Первым настоятелем после перехода храма к православным стал священник Кирилл Смолич. Начало служения его в Успенском храме было весьма непростым — во избежание провокаций священника первое время охраняли жандармы. Всю жизнь отец Кирилл безмездно учительствовал и законоучительствовал в устроенных им церковно-приходских школах, первых в то время в епархии. На 50-летие пастырского служения протоиерея Кирилла священник Леонид Бирюкович* заметил ему, что «в приходе … нет из знающих Вас ни одного человека, который не вспоминал бы Вас с истинным благоговением и сердечною признательностью»[88]. Отвечая на многие произнесенные в тот день благодарственные речи, отец Кирилл сказал, что «крепость сил [его] телесных слабеет. Один Господь ведает, что ждет меня. Коленопреклоненно прошу у всех прощения и молитв о мне, тяжком грешнике, а когда Господь отзовет меня в вечность, прошу усугубить ваши молитвы, да не буду низведен по грехам моим на место вечных мучений»[89]. Местный причт, ведя свое дело в течение многих лет добросовестно, с крайней осторожностью и в то же время смело, исключительно своими трудами на приходе завоевал уважение прихожан, приобретая ежегодно воссоединяющихся с православием. В приходе были благоустроены четыре кладбищенских храма и построена церковно-приходская школа с общежитием для детей, что было редким тогда явлением в России. При храме не было никакого поселения, и приход состоял из двадцати пяти расположенных в округе хуторов и деревень, в которых проживало в то время около двух тысяч человек. Приход не имел пахотной земли и считался бедным, основные доходы

---

* Священномученик Леонид Платонович Бирюкович (1864–1937); память 12/25 августа.

поступали от богомольцев, приходящих сюда в праздники, и в особенности на праздник Успения Богоматери[90].

После опубликования в 1905 году указа о веротерпимости усилились случаи проявления польского фанатизма, возбужденного посещением этих мест католическим митрополитом, и в том же году католики стали добиваться возврата им Крестогорской церкви, не гнушаясь уже никакими средствами. 23 июля 1906 года епископ Минский и Туровский Михаил прибыл в Крестогорск, чтобы утешить прихожан Успенской церкви, ободрить и укрепить их в намерении оставаться верными православию. Протоиерей Кирилл Смолич в своем приветственном слове объяснил кратко и просто причину нашедших на приход скорбей: «Должно быть, мы тяжко прогневили Господа или оказались делателями неискусными»[91], — сказал он.

После кончины в 1909 году протоиерея Кирилла Смолича настоятелем Крестогорского Успенского храма был назначен священник Михаил Зубкович, прослуживший здесь до своей кончины летом 1921 года, и на его месте с 20 августа того же года настоятелем стал служить протоиерей Димитрий Павский. Доход в то время в храме распределялся между настоятелем, который получал две трети от всех доходов, и псаломщиком, получавшим одну треть. Однако у почившего отца Михаила остались сироты, и отец Димитрий разделил доход священника пополам, отдав осиротевшей семье отца Михаила половину[92].

11 сентября 1921 года под председательством протоиерея Димитрия состоялось первое заседание приходского совета Успенской церкви, на котором он призвал всех «к единодушной работе на пользу храма и прихода»[93]. На следующем заседании, состоявшемся 18 сентября, священник и члены приходского совета обсудили необходимость преподавания Закона Божия детям. Новый

Крестогорская Успенская церковь

настоятель обратил внимание членов совета, что многие крестят детей не в их приходском храме, а в волостном, на что получил ответ, что тот ближе расположен к гражданским учреждениям, которые занимаются регистрацией рождений, браков и смертей. Отец Димитрий просил членов церковного совета обратиться к односельчанам, чтобы те активнее посещали богослужения, а также выделили помещение для проведения регулярных занятий по Закону Божию.

В 1922 году католики обратились с просьбой к центральной власти в Москве, чтобы православный Крестогорский храм был передан им во владение. В случае передачи католики обязались платить значительную арендную плату, так как храм по советским законам находился в собственности государства. На это из Москвы им пришел ответ: Церковь отделена от государства и передача здания храма административным путем невозможна, но если католики считают храм своим, то им следует обратиться в суд. 12 марта 1922 года католики подали заявление в суд, аргументируя свою просьбу отсутствием поблизости католического храма. Судья, однако, отказался рассматривать

Епископ Слуцкий Мелхиседек (Паевский)

дело, заявив, что его следует рассматривать съезду судей, так как передача храма от одних христиан другим может иметь большой общественный резонанс. 11 сентября 1922 года православная община заключила договор с местными властями на получение в бессрочное пользование Успенского храма в Крестогорске.

27 июня 1926 года на приходском собрании прихожане постановили отремонтировать храм, а на оставшиеся от ремонта деньги выстроить сторожку, а также выстроить каменную колокольню и собрать пожертвования с зарегистрированных прихожан, с тем чтобы впоследствии все требы — крещения, венчания и погребения — совершались церковным причтом бесплатно.

Весной 1922 года в России началось изъятие церковных ценностей из храмов. Епископ Мелхиседек направил обращение к духовенству и пастве Минской епархии, в котором он призвал верующих сдать государству все церковные ценности, что справедливо было расценено властями как жест особой лояльности к советской власти и предложение к тесному с ней сотрудничеству. Обращение было отпечатано тиражом десять тысяч экземпляров и направлено во все храмы епархии.

ОГПУ в это время начало активно вмешиваться во внутренние дела Православной Церкви. В начале июня 1922 года сотрудники ОГПУ провели в Москве переговоры с епископом Мелхиседеком, который, по их словам, произвел на них весьма хорошее впечатление. Он «большой дипломат, — писали они, — переживший все оккупации и ладивший со всеми правительствами. В данное время Мелхиседек старается везде подчеркнуть лояльность по отношению к советской власти <…> издав по сему поводу* воззвание к верующим. <…> Поскольку московское управление Церкви будет находиться под нашим влиянием, пожалуй, можно согласиться на автономию <…> если автономная Церковь будет в зависимости от московского управления»[94], то есть от созданной ОГПУ обновленческой группы.

В сводке 6 отделения Секретного отдела ОГПУ от 14 сентября 1922 года сообщалось, что «19 июля при участии монархистов и старых царских чиновников состоялось собрание уполномоченных городских приходов. По докладам протоиерея Кульчицкого провозглашена автономия Белорусской Церкви. 7 августа епископ Мелхиседек возведен в сан митрополита»[95]. Делегация из представителей

* Имеется в виду изъятие церковных ценностей.

духовенства и мирян торжественно преподнесла ему белый митрополичий клобук в Петропавловском кафедральном соборе города Минска. Для нужд автономии предполагалось открыть три епископские кафедры — Слуцкую, Бобруйскую и Туровскую. Одновременно с объявлением автономии в соответствии с условиями, выдвинутыми ОГПУ, было признано законным обновленческое ВЦУ.

В своем послании к верующим «митрополит» Мелхиседек писал: «Исходя из осуществленной ныне идеи автономии, положенной в основу обновленного строя управления Белорусской Церкви, и пребывая в единомыслии с такими авторитетными иерархами, как митрополит Владимирский Сергий [Страгородский] и другие, заявившие особым актом о своем признании каноничности ВЦУ и законности его распоряжений, Церковное Управление Белоруссии считает имеющее местопребывание в Москве ВЦУ законным органом управления Церкви Российской до созыва Поместного Всероссийского Собора и пребывает с ним в духовном единении, союзе мира и братского общения…»[96]

После признания законным обновленческого ВЦУ «митрополит» Мелхиседек получил от него разрешение на совершение нескольких хиротоний. Он предложил в качестве кандидатов в епископы целибатного священника Феодосия Раменского и двух вдовых протоиереев — Иоанна Пашина* и Николая Шеметилло. Для совершения хиротонии «митрополит» Мелхиседек пригласил двух викариев Смоленской епархии — епископов Вяземского Венедикта (Алентова) и Гжатского Феофана (Березкина), на тот

* Священномученик Иоанн (в миру Иван Дмитриевич Пашин; 1881–1938), епископ Рыльский; память 26 февраля / 11 марта.

момент также признавших обновленческое ВЦУ. «При наречении во епископа священник Феодосий Раменский письменно засвидетельствовал свою благодарность ВЦУ и как при наречении, так и при хиротонии провозглашал многолетие ВЦУ»[97].

24-го, 25-го и 29 марта 1923 года «митрополит» Мелхиседек возглавил три хиротонии во «епископов»: Николая Шеметилло, Иоанна Пашина и Феодосия Раменского, последний, как первый помощник «митрополита», должен был находиться в Минске; он принял монашеский постриг с именем Филарет и был назначен «митрополитом» Мелхиседеком на Бобруйскую кафедру. 10 апреля «митрополит» Мелхиседек был вызван в ОГПУ в Москву для обсуждения дальнейшего плана действий. Но вскоре был освобожден из заключения патриарх Тихон, и «митрополит» Мелхиседек после вступления патриарха в отправление своих обязанностей оказался в расколе и был вынужден принести покаяние — однако он посчитал, что дарованное ему минским духовенством звание митрополита автономной Церкви можно считать законным. 24 сентября он участвовал в созванном патриархом в Донском монастыре собрании епископов, и, хотя патриарх Тихон убеждал его «отказаться от самовольно принятого митрополитства и в протоколах заседания Синода подписаться только епископом по старшинству хиротонии, на убеждения патриарха он не склонился и под протоколами Синода подписался „митрополит Минский и Белорусский“»[98].

24 ноября он вернулся в Минск как архиерей, возглавляющий автономную Белорусскую Церковь, но подчиняющийся патриарху Тихону, что не понравилось ОГПУ. В своем отчете 12 декабря 1923 года начальник 6 отделения СО ОГПУ Е. А. Тучков написал, что в Минске почти всё городское духовенство принадлежит к тихоновскому

течению, здесь нет ни одной обновленческой церкви. Тихоновцы организовали свое епархиальное управление, которым руководит митрополит Мелхиседек, назначивший викарием епископа Мозырского Иоанна (Пашина), бывшего обновленца, перешедшего в тихоновщину[99].

«В течение 1924 года нами велась подготовительная работа по изысканию способов дать отпор тихоновщине, и таковой способ был найден путем заведения дела о церковных ценностях. Канцелярия Мелхиседека продолжает существовать и до настоящего времени. Нами принимаются меры к ее ликвидации через НКВД…»[100] — писали сотрудники Минского ГПУ.

В результате против «митрополита» Мелхиседека и ряда священнослужителей было возбуждено уголовное дело по обвинению в сокрытии ими в 1922 году церковных ценностей от конфискации их государством. Судебный процесс начался 10 августа 1925 года и длился семь дней. Все обвиняемые были приговорены к условным срокам заключения. «Публики собралось хотя и много, но она сохраняла полное спокойствие… — сообщало ГПУ. — Когда приговор… был объявлен… Мелхиседек по предложению своего защитника сказал речь, в которой благодарил суд за приговор и крикнул: „Да здравствует советская власть!“ После речи (не установлено, кем именно) был запет Интернационал, подхваченный… в том числе и Мелхиседеком. В момент пения верующие не обратили внимания на то, что пел и Мелхиседек, но назавтра слух об этом стал распространяться и вызвал среди верующих… порицание, доходившее в отдельных случаях до отказа тихоновцев из мирян посещать службы Мелхиседека… В общем, митрополит своим… пением Интернационала себя скомпрометировал. Так говорит не только Минск, но и вся епархия…»[101]

Против «митрополита» Мелхиседека и возглавляемой им автономии выступили епископы Могилевский Никон (Дегтяренко) и Гомельский Тихон (Шарапов), которые назвали «митрополита» раскольником и запретили подчиненному им духовенству вступать с ним в общение. Однако Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Крутицкий Петр (Полянский)* признал их резкие заявления ошибочными. Считая, как и патриарх Тихон, епископа Мелхиседека православным, он, однако, выразил однозначно отрицательное отношение к бесчинно образованной им автономии. «Вопрос об автономии Белорусской Церкви и Вашем митрополичьем сане при Святейшем Патриархе не получил канонического разрешения, — писал он ему 5 октября 1925 года. — Вы же сами не позаботились в течение двух лет при жизни покойного Патриарха так или иначе ликвидировать этот вопрос или принять меры к тому, чтобы дать ему определенное каноническое разрешение. Поэтому как объявление автономии Белорусской Церкви, так и принятие Вами сана митрополита является с канонической точки зрения актом самочиния, не одобряемым церковными правилами. Полагаю, что вопрос об автономии подлежит решению Поместного Собора Русской Церкви, а признание за Вами митрополичьего сана — особому епископскому рассмотрению.

В настоящее время при натиске католичества на православие и общих тяжелых условиях церковной жизни требуется наибольшая сплоченность и теснейшее единение между епархиями. Раздробление же церковного тела Русской Православной Церкви на мелкие автономные части

---

* Священномученик Петр (в миру Петр Федорович Полянский; 1862–1937), Местоблюститель Патриаршего престола, митрополит Крутицкий; память 27 сентября / 10 октября.

может повести к нежелательным последствиям в интересах Православной Церкви. Ввиду этого считаю за лучшее, если бы Вы сами изыскали меры к ликвидации допущенного церковного самочиния и вернулись к нормам канонического устроения белорусской церковной жизни. Тогда бы для нас открылась каноническая возможность, сообразно с местными условиями церковной жизни, предоставить Вам некоторые прерогативы чести»[102].

13 декабря 1925 года «митрополит» Мелхиседек был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму в Москве. После тюремных переговоров с властями он в январе 1926 года вошел в состав организованного ОГПУ Временного Высшего Церковного Совета и был из заключения освобожден. Вскоре стало ясно, что этот новый «григорианский» раскол также не имеет перспектив стать законной церковной властью. Превращение его в законную церковную власть не имело своей целью и ОГПУ, которое ставило своей задачей наибольшее дробление Церкви с оставлением небольшой, с признаками канонической законности части, которая бы целиком контролировалась государством и подчинялась ему. И в июне 1926 года «митрополит» Мелхиседек принес покаяние за участие в расколе заместителю Местоблюстителя митрополиту Нижегородскому Сергию (Страгородскому) и был назначен им, но уже без титула «митрополит», епископом Минским и Туровским. Сотрудники ОГПУ предложили епископу Мелхиседеку возглавить создаваемую ими в качестве еще одного раскола, уже белорусскую автокефалию, но епископ отказался и был 23 мая 1927 года арестован и заключен в Бутырскую тюрьму.

В 1927 году сотрудники Белорусского ГПУ стали вести активные переговоры, чтобы склонить епископов Филарета (Раменского) и Николая (Шеметилло), выступавшего еще в 1920 году за белорусизацию местных школ

и усиление элемента белорусской государственности, к объявлению автокефалии Белорусской Церкви. Давая в свое время разрешение на хиротонию их во епископов, ГПУ предполагало создать с их помощью раскол в форме автономии или автокефалии.

На 1 июня 1927 года на территории Белоруссии было 1 110 приходов с 1 140 священниками. Из них 300 приходов с 308 священниками были обновленческими, 810 с 833 священниками — православными. 20 июля ГПУ Белоруссии, готовясь к массовым арестам активных членов церковно-приходских советов, распорядилось «заняться сбором компрометирующих материалов <…> в отношении тех церковников, которые действительно по своему социальному положению в прошлом (бывшие купцы, чиновники, офицеры и полицейские чины) в настоящее время могут являться врагами советской власти»[103].

В 1927 году у епископа Николая случился инсульт, и в дальнейшем общественное движение под контролем ГПУ за автокефалию возглавил епископ Филарет. 9–10 августа 1927 года в Минске прошел Белорусский епархиальный съезд. На съезде епископ Филарет предложил избрать президиум, в который был избран в числе других протоиерей Димитрий Павский. Собравшимся было оглашено приветственное послание епископа Николая, по болезни не сумевшего принять непосредственное участие в заседаниях. После обсуждения докладов участники съезда, представлявшие 333 прихода, постановили объявить Белорусскую Церковь автокефальной и обратиться с соответствующим посланием к пастырям и пастве Белорусской Церкви. В этом послании, в частности, говорилось: «Ровно пять лет тому назад, в один из самых острых моментов разрухи церковной, в пору происшедшего тогда безвластия в Церкви и нарождения обновленческой смуты, в Минске

в среде церковных людей возникла мысль оградить свою местную Церковь от тяжких потрясений, выдвинув в качестве спасительного якоря идею самобытности Белорусской Церкви и ее права на национальное самоопределение»[104]. Послание было отпечатано в государственной типографии весьма значительным для церковных документов того времени тиражом в тысячу экземпляров.

Документ подписали епископ Бобруйский Филарет и ряд священников, в том числе и протоиерей Димитрий Павский. Временное управление Белорусской Церковью до возвращения епископа Мелхиседека было поручено епископу Филарету.

17 сентября 1927 года епископ Мелхиседек был освобожден из заключения и на Пасху 1928 года был возведен митрополитом Сергием (Страгородским) в сан архиепископа. В сентябре того же года он был назначен на Красноярскую кафедру.

Руководство ГПУ в Белоруссии отдавало приоритет в борьбе с Православной Церковью такому инструменту, как автокефалия, и 12 марта 1928 года заместитель ГПУ Белоруссии Лев Борисович Залин писал своему руководству в Москву: «Приходилось принимать самые разнообразные меры, изыскивать всевозможные способы и сохранять особый такт лавирования, дабы в результате через посредство Бобруйского епископа Филарета (Раменского) склонить большинство тихоновцев к автокефалии»[105]. В связи с этими планами ГПУ Белоруссии предполагало «начать работу по подготовке к Всебелорусскому автокефальному съезду»[106]. Однако руководство ОГПУ в Москве было против националистической радикализации в антицерковной политике; к этому времени ему удалось добиться значительного взаимопонимания с заместителем Местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским),

который был согласен подчиниться почти во всем представителям государственной власти. И в планы ОГПУ уже не входило уничтожение в Белоруссии всех приходов, находившихся в подчинении митрополиту Сергию, с заменой их на автокефальные. В ответ на планы сотрудников ГПУ в Белоруссии организовать Всебелорусский автокефальный съезд начальник Секретного отдела ОГПУ Терентий Дмитриевич Дерибас написал: «С намеченными Вами мероприятиями по церковникам на 1928 год СО ОГПУ в основном согласен. Конкретно СО ОГПУ не возражает против перевода тихоновцев в автокефалию. Однако в этом последнем случае Вам необходимо иметь в виду, чтобы известный процент тихоновцев на территории БССР сохранился и существовал бы наряду с автокефалистами»[107].

После объявления в Минске автокефалии заместитель Местоблюстителя митрополит Нижегородский Сергий запретил епископа Филарета и находящееся у него в подчинении духовенство в священнослужении и назначил на Минскую кафедру епископа Арсения (Смоленца). Однако пребывание последнего здесь не имело никакого успеха, и он вскоре покинул Минск. Вместо него на Минскую кафедру был назначен епископ Павел (Вильковский), который повел двойную политику. В находившихся в его распоряжении в Минске двух храмах он поминал на богослужении архиепископа Мелхиседека, но не обозначал ни его титула, ни своего. Епархиальное управление автокефалистов для разъяснения этого недоумения пригласило его на совещание, но епископ Павел отказался прийти, заявив, что он готов явиться на совещание только в том случае, если последнее согласится признать власть митрополита Сергия. «С невыполненной миссией епископу Павлу пришлось постыдно выехать из Минска или, как

Епископ Павел (Вильковский)

выразился митрополит Сергий (Страгородский), „бежать с поля сражения“»[108].

В 1929 году повсеместно усилились гонения на Православную Церковь, направленные как на приходы, подчинявшиеся заместителю Местоблюстителя митрополиту Сергию, так и на приходы автокефалистов и обновленцев. Все эти годы протоиерей Димитрий служил в Успенской церкви в Крестогорске, всячески стараясь поддерживать церковную жизнь прихожан и ремонтировать по мере возможности храм. Он аккуратно вел приходские записи и привел в порядок записи, оставленные прежним настоятелем. 17 ноября 1929 года он сделал последнюю запись о назначении приходского собрания и в 1930 году был арестован. В 1931 году Острошицко-Городецкий суд приговорил протоиерея Димитрия к пяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере.

Из заключения церковная жизнь в Белоруссии выглядела уже совсем иначе, стали очевидней те многочисленные капканы и западни, которые были повсюду расставлены ГПУ. И когда в 1933 году он освободился из заключения, то в Белоруссию уже не вернулся, уехав на родину жены в село Ульяново Погорельского района Калининской области*. Правящим архипастырем Тверской епархии был в это время архиепископ Фад-

* До 1929 года — село Ульяновское Зубцовского уезда Тверской губернии.

дей (Успенский)*. Отец Димитрий, глядя на жизнь этого архипастыря-праведника и рассматривая его глазами ожесточенную борьбу за автономию или автокефалию или за привилегию называться «митрополитом» и иметь право на ношение белого клобука, все эти мероприятия и приоритеты стал воспринимать совершенно иначе. В августе 1933 года архиепископ Фаддей назначил служить протоиерея Димитрия в храм Успения Пресвятой Богородицы в селе Ульяново.

Во второй половине 1937 года по указанию И. В. Сталина начались массовые аресты среди населения страны, коснувшиеся не только каждого города, но и каждого села, а иногда и деревни. 22 июля был вызван на допрос в качестве свидетеля заведующий ульяновским сельским клубом. Он заявил, что священник Димитрий Павский говорил, что современные дети растут, по существу, беспризорными и советская власть их скорее развращает, нежели воспитывает, а родители не обращают на это внимания, в результате те не уважают ни родителей, ни вообще старших. Свидетель также заявил, что на собрании двадцатки священник говорил, что сожительство невенчанных считает блудом, смертным грехом, и, пока они не обвенчаются, он не может их разрешить от этого греха.

На следующий день, 23 июля 1937 года, отец Димитрий был арестован и помещен в тюрьму в городе Зубцове. Затем был допрошен в качестве свидетеля председатель ульяновского сельсовета, который показал, что священник в селе пользуется большим авторитетом, что если он скажет, что вместо работы нужно идти в церковь, то все пойдут в церковь. «Весной 1937 года во время весеннего

---

* Священномученик Фаддей (в миру Иван Васильевич Успенский; 1872–1937), архиепископ Тверской; память 18 ноября / 31 декабря.

сева, в разгар работ, во все церковные праздники верующие на работу не выходили, а шли в церковь»[109], — заявил председатель. Он также обвинил священника в том, что из-за него крестьяне воспротивились отдать церковную сторожку под аптеку. Председатель рассказал, что в июне священник уговорил крестьян одной из деревень, чтобы, ввиду засухи, они помолились Богу о ниспослании дождя, и по просьбе крестьян был отслужен молебен, и, действительно, через несколько дней пошел дождь.

Протоиерей Димитрий был допрошен в тот же день. Основываясь на показаниях свидетелей, следователь спросил священника, говорил ли он о воспитании детей при советской власти, о том что современные дети растут, по существу, беспризорными.

— Этого я не говорил, — сказал священник, выслушав зачитанные ему показания, и пояснил: — Дело было Великим постом, примерно в апреле 1937 года; перед исповедью мне был задан вопрос: что такое грех кощунства? Я ответил, что это неуважение к святыне, пояснив, что если это делают дети, то им можно простить, а взрослые за это отвечают перед Богом.

— В мае 1937 года вы верующим говорили, что сожительство без венца — это страшный грех и разрешить исповедника не можете до тех пор, пока не будет совершен церковный обряд. Подтверждаете это? — спросил священника следователь.

— В апреле или в начале мая 1937 года перед исповедью ко мне обратились верующие с вопросом: можно ли исповедаться состоящим в гражданском браке? Я ответил, что если одна половина верующая, то можно, а если обе половины неверующие, то таких я не приму.

— Обвиняемый Павский, чем был вызван ваш отказ от передачи церковной сторожки под помещение аптеки?

— Когда я и члены двадцатки были вызваны в президиум сельского совета, я действительно категорически заявил, что сторожку передавать отказываюсь. Это мной было сказано потому, что я знал мнение двадцатки и я не являлся хозяином по использованию здания.

— Обвиняемый Павский, по чьей инициативе вы служили молебен по случаю засухи о ниспослании дождя?

— Молебен служил по инициативе верующих.

— Вы ознакомлены со всеми пунктами обвинения. Признаете ли вы себя виновным в контрреволюционной деятельности? — задал ему следователь последний вопрос.

— В контрреволюционной деятельности я себя виновным не признаю, — ответил священник.

10 августа 1937 года тройка УНКВД по Калининской области приговорила протоиерея Димитрия Павского к расстрелу; он был расстрелян 14 августа 1937 года[110] и погребен в общей безвестной могиле.

Память священномученика Димитрия Павского совершается 1 (14) августа

Примечания

[1] Тверские епархиальные ведомости. 1898. № 1. Часть неофиц. С. 11–13.

[2] Там же. 1911. № 22. Часть неофиц. С. 473.

[3] Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 835. Оп. 1. Д. 2815. Л. 13.

[4] Тверские епархиальные ведомости. 1894. № 15. Часть офиц. С. 192.

[5] Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 10. Оп. 2. Д. 1515.

[6] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 802. Оп. 11. 1912 г. Д. 85. Л. 2 об.–3.

[7] Там же.

[8] Тверские епархиальные ведомости. 1902. № 18. Часть неофиц. С. 630.

[9] РГИА. Ф. 796. Оп. 438. Д. 1363. Л. 1 об.; Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 136. Оп. 1. Д. 41154. Л. 163 б.

[10] Новгородские епархиальные ведомости. 1903. № 21. Часть неофиц. С. 1238–1241.

[11] Минские епархиальные ведомости. 1904. № 18. Часть офиц. С. 328.

[12] Там же. 1907. № 20. Часть неофиц. С. 397–398.

[13] Там же. 1906. № 10. Часть неофиц. С. 270–271.

[14] Там же. № 21. Часть неофиц. С. 597–599.

[15] «Плоды демократии в начальной школе» // Народное образование. 1906. Ноябрь.

[16] Минские епархиальные ведомости. 1907. № 8. Часть неофиц. С. 257–258.

[17] РГИА. Ф. 802. Оп. 11. 1912 г. Д. 85. Л. 2 об.–3; НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 41154. Л. 164 б.

[18] Минские епархиальные ведомости. 1908. № 20–21. Часть неофиц. С. 729.

[19] Там же. С. 735.

[20] Там же. 1911. № 13–14. Часть неофиц. С. 405–406.

[21] Там же. № 20. Часть неофиц. С. 572.

[22] Там же. 1910. № 13–14. Часть неофиц. С. 325–326.

[23] Там же. С. 326–327.

[24] Там же. 1908. № 19. Часть неофиц. С. 594.

[25] Там же. С. 595, 598.

[26] Там же. С. 600.

Гродненский делегат священник Сергий Иваце-вич* сказал: «Я протестую против высказываемых часто

---

* Сергий Данилович Ивацевич (ок. 1870–1931) — протоиерей, сын священника. В 1884 году окончил Жировицкое духовное училище, в 1890 году — духовную семинарию в Вильне и был назначен псаломщиком в Сретенскую церковь местечка Дрогичин Кобринского уезда Гродненской губернии. В 1891 году он был рукоположен во священника к Петропавловской церкви села Самогруд Сокольского уезда. С 1900 года — законоучитель Гродненской женской гимназии и настоятель гимназической церкви святых Жен-Мироносиц. С 1914 года законоучитель мужской гимназии города Бердянска Таврической губернии и настоятель Александро-Невской гимназической церкви, затем полковой священник 192-го пехотного Рымникского полка. Награжден орденом святого Владимира 4-й степени с мечами за отлично-усердную службу Церкви Божией и особые труды, понесенные во время военных действий. После революции 1917 года протоиерей Сергий служил в Покровской церкви Бердянска. Умер 9 февраля 1931 года в Бердянске и похоронен на городском кладбище.

суждений, что духовенство в тяжелую годину для Церкви ведет себя индифферентно. Нет, оно работает. Каждое отпадение вызывает в пастыре боль отца по погибшим детям. Скажу более: даже в отпавших они стараются привить росток жизни. Но скорбная действительность ставит в тупик пастырей в их энергичных мерах против католичества. Где же загадка? Отцы и братчики! Мы редко задумываемся над тем, чем силен наш враг. За время своего служения на разных окраинах своей родной епархии я следил за положением и отношениями православия и католичества. Пришел к заключению, что враг силён своей соорганизованностью, определенностью цели, объединенностью и систематичностью действий. Из обмена суждениями членов братств четырех епархий приходим к выводу, что мы окружены железным кольцом пропаганды, ведомой жестоким врагом, врагом, чувствующим свою мощь в своем единстве системы, врагом, приятно уяснившим нашу слабость, нашу растерянность вследствие разрозненности нашей, отсутствия духовного горения, вследствие часто и полной неосведомленности о близости врага. Ведь не погрешу, если заявлю, что часто съезд священников не знает, что в соседнем приходе идет пропаганда. Иной раз знает, да спокоен. Скажу более: даже епархиальное начальство не всегда вполне осведомлено о силе и распространении католической пропаганды. Объясняются некоторые нежелательные явления, что при перемещении из прихода на приход не всегда руководятся религиозными задачами того или другого прихода, не принимаются во внимание личные достоинства пастыря. Выслуга лет, исполнительность в совершении треб, неподсудность служат лучшей гарантией в устройстве житейского благополучия и поощрительного внимания начальства. <…> И вот развивается легкий карьеризм не во имя высших пастырских

идеалов, а ради интереса. На этой почве создается недоброжелательство и зависть, тухнет огонь души иерейского служения. Даже от иноверца пришлось выслушать указание, что у нас не всегда награда есть мерило пастырских заслуг. Необходимо поэтому, чтобы епархиальное начальство было осведомлено о пастырских достоинствах иерея и о положении и требованиях вакантного приходского места. Не награды только или старшинство службы пастыря принимались бы во внимание при назначении на приход, а действительная потребность прихода. <…>

Но этого мало. Ратоборцев-иереев нужно руководить, объединить. Необходимо то око, которое в возможной полноте знало бы и движение католической пропаганды в каждом уголке епархии. Необходимо руководить в борьбе. Таковым должен быть один из членов консистории или особое доверенное лицо при епископе. Но если

Священник Сергий Ивацевич
с воспитанницами Гродненской гимназии

это лицо примет фискальные только обязанности, то для дела оно ноль. <…> При этом условии будет единство и система борьбы с католичеством, а в этом и будет наша сила. Приходы получат в глазах духовенства оценку не с материальной стороны, а со стороны ответственности перед Церковью. Испытанная ревность пастыря будет оценена. Но может ли быть об этом речь при мощном и скорбном зове нашего народа к своим пастырям: тако да просветится свет вашего служения перед нами и прославим мы нашу мать, Православную Церковь? Нельзя поэтому пройти шага, чтобы не было больных мест в нашем положении, которые требуют исцеления. И всякий шаг на этот путь будет шагом к укреплению силы и широкой нашей пастырской борьбы с исконным врагом — католичеством»*.

Член Минского братства Дмитрий Васильевич Скрынченко** сделал на съезде доклад, который он назвал

---

* Минские епархиальные ведомости. 1908. № 19. Часть неофиц. С. 647–649.

** Дмитрий Васильевич Скрынченко (1874–1947) — русский церковный и общественный деятель, публицист, историк, педагог, сын сельского псаломщика. В 1901 году окончил Казанскую духовную академию. В 1901–1903 годах преподавал латинский язык в Пермской духовной семинарии, затем по 1912 год историю и латинский язык в Минской духовной семинарии. Ревизовавший Минскую духовную семинарию в 1911–1912 учебном году Петр Федорович Полянский, будущий Местоблюститель Патриаршего престола, очень высоко оценивал деятельность Дмитрия Васильевича как преподавательскую, так и общественную. П. Ф. Полянский писал о нем: «На уроках <…> чтение подлинника латинских писателей всегда сопровождается объяснениями не только грамматического характера, но местами и исторического, философского и богословского. Будучи во всех отношениях прекрасным наставником, г. Скрынченко заслуживает внимания и как лучший местный общественный деятель. С некоторого времени он состоит редактором местных епархиальных ведомостей и патриотической газеты „Минское слово“ и несет обязанности председателя Минского отдела Всероссийского национального союза. Как в органах печати, так и в собраниях Союза он с безграничной любовью

«Трагедия народа». «Мы живем в удивительно тяжелое и опасное время, — сказал он. — Я разумею не теперешнюю общероссийскую смуту, когда рушится всё, чем жив был родной народ и родная история. Я разумею и говорю собственно о нашем Западном крае. То, что здесь

к Родине постоянно выступает перед русским обществом, призывая его к национальному объединению и к защите русских интересов в Западном крае. Этим объясняется с одной стороны неподкупное уважение, с которым относятся к нему лучшие русские люди, а с другой — травля, низкая месть, которые расточаются против него инородцами, с отвратительным участием даже некоторых русских. Предательские руки последних не брезгуют никакими средствами, чтобы очернить деятельность этого талантливого, неутомимого и бескорыстного борца за родное русское дело» (РГИА. Ф. 802. Оп. 11. 1912 г. Д. 115. Л. 25). С 1905-го по 1912 год Скрынченко был редактором «Минских епархиальных ведомостей», в течение ряда лет был редактором газеты «Минское слово». Выступал за пробуждение русского православного национального самосознания и против полонизации Северо-Западного края. Участвовал в деятельности православных братств, был участником 1-го съезда представителей православных братств Западной Руси (Минск, 1908), 2-го Братского съезда (Вильна, 1909). В 1912–1913 годах преподавал в Мариинской гимназии в городе Житомире. В 1913–1919 годах преподавал во 2-й классической гимназии в Киеве. Занимался проблемами педагогики как церковной, так и светской школы, результатом этой работы стала его книга «Русская национальная школа». В годы Первой мировой войны занимал патриотическую позицию, в книге «Украинцы» рассматривал украинство как антирусскую «пятую колонну» европейских держав. Сотрудничал в газетах «Киев» и «Киевлянин». В 1914–1916 годах выступил с критикой «Афонской смуты» и имяславия. Власть большевиков не принял. В 1918 году Д. В. Скрынченко участвовал во Всеукраинском Церковном Соборе и Киевском епархиальном Соборе. Резко выступал против «украинизации» богослужения и против автокефалии Православной Церкви в Юго-Западном крае. С 1920 года находился в эмиграции, жил в городе Нови-Сад, Сербия. В 1921 году принимал участие в качестве секретаря в работе Русского Всезаграничного Церковного Собора; во многом разделял позицию митрополита Антония (Храповицкого), которого лично знал со времени учебы в Казанской духовной академии. В 1921–1937 годах преподавал историю и русский язык в сербской женской гимназии, в 1937–1941 годах — Священное Писание, историю и латинский язык в мужской гимназии.

разыгрывается, страшнее и опаснее смуты и вообще революции. Революция — накипь в истории, и накипь иногда естественная: на организме государственном открылись язвы, они жгут и вызывают народное раздражение. Язвы закрылись — и революции нет! Значит, повторяю, не революция страшна для нашего края, а совсем другое, что медленно и неуклонно, почти как рок, движется на наш край, на белорусов.

Эта сила — католицизм и с ним неразрывный полонизм. Судите сами: двадцатимиллионный русский народ — белорусы начинают во многих местах переходить в католичество, говорить по-польски и называть себя поляками.

Разве это не трагедия народа? Разве мы не присутствуем на страшном зрелище умирания народа? Бросается родное, национальное, топчется в грязь родная история и на белорусский организм надевается польская скорлупа — вера и язык. Скажите: в истории какого народа найдете вы подобное явление массового умирания народа? Разве не поражает вас уродливость этого явления? Разве вы еще не схватываетесь за свою голову и не кричите от нестерпимой народной боли? Разве вы еще так хладнокровны и с воплем не спрашиваете себя: так что же делать? Что делать? <…> А о чем говорит история? Что здесь было всего каких-нибудь 60–70 лет назад? Куда девалось дворянство этого края? А говорили ли вы с белорусом крестьянином, перешедшим в католичество? Разве вы не видели в нем человека, враждебно настроенного к православной вере и всему родному русскому, от которого он отказался?

Если в вас (я говорю не только собравшимся здесь) болит душа за гибель для вас родной истории, родных всем белорусов, то вы не можете не задуматься над вопросами: как же остановить эту трагедию народа, как спасти край от поглощения его польщизной. Ведь не допустите же вы,

что народ этот так подгнил в своем корне, что с удовольствием плюет на всё свое и с радостью надевает на себя польско-католическую скорлупу! Конечно, если бы корни народа нашего края подгнили до такой степени, то нам не о чем было бы и хлопотать — нам надо бы лишь предоставить свершиться неизбежному року! И присутствовать при душу надрывающем зрелище — смерти огромной ветви русского народа…

Скажите же: подгнили ли эти корни, действительно ли наступает медленная, но неизбежная смерть целого народа?

Думаю, что вы запротестуете против этого. Да я, впрочем, не хочу и спрашивать вас. Я знаю, что народ не хочет этой смерти: со всех сторон нашего края идут крики об этом. Народ не только не хочет, нет, он борется за свою самобытность — но сил у него недостает: он в большинстве темен и, конечно, падает перед страшным натиском врага.

Но умеет ли он бороться или нет, это не останавливает рокового хода, — трагедия всё же совершается. И вот я и все вы не можем не спрашивать с болью: как же быть?

Имея дело с большим материалом по истории края, сталкиваясь с людьми разных вероисповеданий, я пришел к такому выводу:

Народ принимает католичество и польщизну или а) по невежеству и темноте своей, или б) под гнетом экономических факторов, или же в) добровольно.

Рассмотрим все эти обстоятельства спокойно, деловито, взглядом стороннего наблюдателя и вынесем трезвое решение: можно ли остановить и даже уничтожить трагедию народа или нет. Если можно, то как?

Народная темнота… На этой именно почве играют свою коварную песню иезуиты-ксёндзы. Они говорят,

что этот край всегда был католическим и польским, что белорусы — это бывшие поляки, „белоляхи“ и что только Муравьев* насильно заставил их быть православными,

Граф Михаил Николаевич Муравьев-Виленский

* Граф Михаил Николаевич Муравьев-Виленский (1796–1866) — выдающийся государственный деятель. Участник Отечественной войны 1812 года и Бородинского сражения, в котором был тяжело ранен на батарее Николая Раевского. В 1813 году после выздоровления вернулся в армию и принимал участие в битве под Дрезденом. В 1820 году вышел в отставку по состоянию здоровья. Во время двухлетнего голода в Смоленской губернии организовал столовую, обеспечивая до 150 крестьян пищей ежедневно, побудил дворянство обратиться к министру внутренних дел графу В. П. Кочубею с просьбой о помощи крестьянам. В 1827 году подготовил императору Николаю I записку об улучшении местных административных и судебных учреждений и ликвидации в них взяточничества, после чего был назначен в Министерство внутренних дел и в том же году — витебским вице-губернатором. В 1828 году назначен могилевским губернатором. В 1830 году подал записку на имя императора о необходимости распространения российской системы образования в учебных заведениях Северо-Западного края и в том же году — записку «О нравственном положении Могилевской губернии и о способах сближения оной с Российской империей». По его представлению в 1831 году вышел императорский указ о подчинении жителей края общероссийскому законодательству, о введении в судопроизводство русского языка вместо польского. В 1831 году подал записку «Об учреждении приличного гражданского управления в губерниях, от Польши возвращенных, и уничтожении начал, наиболее служивших к отчуждению оных от России». Во время восстания 1830–1831 годов принимал участие в разгроме повстанческого движения в Витебской, Минской и Виленской губерниях. Занимался ведением следственных дел над повстанцами и организацией гражданского

обратил костёлы в православные церкви и т. п. И такая ксёндзовская проповедь имеет успех, тем более что католики из стариков умышленно распространяют вздорные

управления на белорусских землях. Оказывал энергичное содействие епископу Иосифу (Семашко) в деле восстановления иконостасов в униатских церквях; впоследствии, в 1839 году при содействии Муравьева епископ Иосиф отменил унию. В 1833 году Муравьев подал записку о необходимости обеспечения духовенства из казны, о повышении ему жалования в два раза, улучшении жилищных и бытовых условий жизни. В 1835 году он был назначен военным губернатором Курска, где зарекомендовал себя как непримиримый борец с недоимками и лихоимством. В 1839 году назначен директором Департамента податей и сборов. В 1849 году ему было присвоено звание генерал-лейтенанта. В 1857 году назначен министром государственных имуществ. На этих должностях Муравьев проявил себя как принципиальный и неподкупный чиновник. В 1857 году он подал в Секретный комитет по крестьянскому делу записку: «Замечания о порядке освобождения крестьян». Его проект отличался от проекта, который одобрил император Александр II, и в их отношениях возникла напряженность, император обвинил его в скрытом противодействии своей политике по крестьянскому вопросу. М. Н. Муравьев подал в отставку и в связи со слабым здоровьем уже не предполагал возвращаться к государственной службе. В 1863 году на территории Северо-Западного края вспыхнуло восстание, перекинувшееся сюда из Царства Польского и имевшее цель восстановление Речи Посполитой. Многие европейские страны и российские революционеры-эмигранты поддержали восставших и потребовали от России пойти им на уступки. Восстание было обязано своим возникновением действиям высокопоставленных российских чиновников — и в первую очередь наместника в Царстве Польском великого князя Константина Николаевича, брата императора Александра II, и виленского генерал-губернатора Владимира Ивановича Назимова и подчиненных им чиновников, ведших сочувственную к полякам политику и провоцировавших их на насилие. Когда восстание началось, они ничего не предприняли к его подавлению, и оно быстро охватило всю Польшу и перекинулось на Литву и Белоруссию.

В 1863 году Назимов был заменен на Муравьева, которого император Александр II пригласил к себе, чтобы лично просить его принять эту должность. «Я с удовольствием готов собой жертвовать для пользы и блага России», — ответил на его просьбу Муравьев.

Одним из первых мероприятий нового губернатора явилось обложение высокими военными налогами польских помещиков. Имения польских помещиков, замеченных в активной поддержке восставших,

слухи про Муравьева и потому еще, что наглядным доказательством муравьевских якобы насилий служат церкви,

---

отбирались в государственную казну. В ходе подавления восстания было казнено 128 человек, около 10 тысяч было отправлено в ссылку, в арестантские роты или на каторгу. Все приговоренные были активными участниками восстания. Из 77 тысяч повстанцев 16 % было подвергнуто наказаниям, все остальные вернулись домой. В ходе восстания восставшими были убиты и пропали без вести 1 174 солдат и офицеров. Восставшие казнили 750 человек мирных жителей. После подавления восстания губернатор приказал чиновникам-полякам подать в отставку за их сочувствие и помощь восставшим. Одновременно он пригласил со всей России людей для работы в государственных учреждениях и открыл доступ к должностям в различных сферах местному православному населению. Была проведена крестьянская реформа. Муравьев обязал местную администрацию охранять крестьянское самоуправление от произвола. Земельные наделы белорусских крестьян увеличились на четверть. К моменту вступления Муравьева в должность польским помещикам-католикам принадлежало в четыре раза больше земли, чем православным. Позже число православных землевладельцев увеличилось с 1 458 до 2 433, а количество земли, имевшейся в их распоряжении, вдвое. Передача земли от восставшей шляхты белорусским крестьянам происходила наглядно и быстро, что подняло престиж русской власти. Муравьевым была проведена огромная работа, основной целью которой было восстановление исторического самосознания белорусов. Вместо польских были введены белорусские школы. Были выделены средства для преподавания хорового православного пения. К 1 января 1864 года в Северо-Западном крае было открыто 389 народных училищ, местная школа перестала быть элитарной и стала народной. Результаты оказались впечатляющими. Администрацией Муравьева был выработан план по ремонту действующих и строительству новых церквей. Православным священникам в Белоруссии было увеличено жалование и выделены из государственной казны средства для помощи пострадавшим от мятежников. Было заказано в Центральной России большое количество православных молитвословов, которые по низким ценам распространялись среди населения. Генерал-губернатор Муравьев распорядился приобрести 300 тысяч православных крестиков и раздать их бесплатно в приходах. Один из купцов пожертвовал миллион таких крестиков. По низким ценам среди крестьян распространялись православные иконы. В 1864 году император Александр II посетил Вильну и на смотре войск лично отдал честь М. Н. Муравьеву. В 1865 году по личной своей просьбе Муравьев был уволен с должности генерал-губернатора, получив право самому выбрать себе преемника для управления краем.

бывшие раньше костёлами. Ксёндзы даже позволяли себе говорить, что будто бы и сам царь перешел в католичество и т. п. Как бороться со всем этим злом? Как парализовать ксёндзовскую наглость?

Мне думается, надо сделать следующее:

Ходатайствовать пред правительством о том, чтобы во всех не только средних, но и начальных школах введена была как обязательный предмет история местного края.

Пусть дети, среди которых есть и много католиков, видят, как врут ксёндзы; пусть знают, что этот край был искони русским и православным и только лишь временно польским, что белорусы вовсе не поляки, что изменниками родному народу и истории явились паны, раньше бывшие русскими и православными.

Но этого мало: надо начинать деятельность не только среди школьников, но и среди всего народа, даже неграмотного. А для этого надо: пустить в народ миллионы листков по краевой истории, в которых простым русским языком разъяснить <…> как поселились здесь славяне — наши предки, как просветились православной верой, как подпали под владычество Польши, как жилось там им, как иезуиты насильно склоняли народ к унии и католичеству, как с этим боролись „братства“, как русский царь освободил крестьян от крепостной зависимости и т. д.

Когда народ увидит, что здесь всегда была православная вера и православные храмы, что поляки насильственно уничтожали эти храмы или отбирали их под костёлы, то поймет, что М. Н. Муравьев никакого насилия не делал: он только восстановил здесь то, что всегда было. Да и возвращение костёлов под православные храмы он не делал бы, если бы ксёндзы и паны не обратили костёлы в места противорусской пропаганды и даже складочные места для оружия „повстанцев“. <…>

Ввиду того что Православная Церковь имеет громадное значение для государства и ввиду того что ксёндзы уничтожают этот фактор даже обманным путем, ходатайствовать перед Государем Императором о следующем: пусть он особым манифестом или каким-либо актом, долженствующим быть прочитанным во всех церквях, костёлах, школах, волостях и сборнях, скажет, что он всегда любил, любит и держится только православной веры, что он желает, чтобы и его подданные, особенно жители нашего многострадального края, были православными, что он недоволен ксёндзовскими обманами и насилиями и с грустью смотрит на переход православных в католичество.

Ходатайствовать, чтобы такие изменники православию, как князья Белосельские-Белозерские, вводящие своим поведением смуту в народное сознание, были удалены от двора и лишены государственной службы: изменник родной веры есть изменник русской чести и национальных чаяний*.

Ходатайствовать, чтобы местная власть, чиновники и военные были все православными. Здесь недопустима игра в „безразличие национальностей и вероисповедания“.

Другой немаловажной причиной перехода православных крестьян в католичество является экономический гнет польских панов.

---

* Речь идет о потомках князя Глеба Васильковича Белозерского, о Зинаиде Александровне Белосельской-Белозерской (1789–1862), в замужестве Волконской, хозяйке знаменитых салонов в Санкт-Петербурге, виднейшей проповеднице католичества, и о ее племяннике, генерал-лейтенанте Константине Эсперовиче Белосельском-Белозерском (1843–1920). После перехода в августе 1908 года в католичество, что произошло за несколько дней до открытия съезда, о чем сообщали российские газеты, он продолжал состоять в свите императора генерал-адъютантом вплоть до 1917 года.

Экономический гнет польских панов над белорусами так полно и ясно освещён исторической литературой и современной патриотической русской прессой, что останавливаться долго на этом вопросе я не считаю нужным. В целях настоящего момента кратко лишь скажу следующее: владения польских панов, как паутина, опутали земли крестьян. Если иметь в виду, что белорусы почти не занимаются никакими промыслами, особенно отхожими, и в общем очень бедны, и заработок (нередко насущный) они могут получить лишь в панских экономиях, то станет понятной та особенная роль, которую играют в нашем крае польские паны. И нужно отдать последним справедливость: они очень умело пользуются своим властелинским положением. Они всячески покровительствуют лишь католикам и прижимают православных и не только дают тайком понять, но и прямо приневоливают православных переходить в католичество. Для этой же цели они строят костёлы среди нередко сплошного православного населения, устраивают процессии, собрания, завлекающие народ в польщизну. Если теперь, когда еще не все свободы дарованы польским панам, они так сильно действуют на народ в смысле его окатоличения и ополячивания, то что же будет, когда в нашем крае будут выборные предводители дворянства, мировые судьи, когда не будет земских начальников, когда земства будут сплошь польскими? Отчасти образчиком этого теперь служит наше Минское городское самоуправление, где почти сплошь господствуют поляки и где почти всё, вплоть до сторожей и фонарщиков во всем городе, предоставлено католикам. <…>

Поговорим лучше о том, как спасти край от того невозможного положения, в которое поставила его жестокая судьба. По-моему, надо сделать следующее:

Всеми законно оправдываемыми мерами разъяснить нашему правительству и любимому самодержавному царю необходимость особой политики на нашей окраине. А эта политика должна заключаться вот в чем:

Все администраторы, чиновники и всё население должны быть убеждены, что Россия не потерпит отторжения этого края для развалившейся, но всё еще не хотящей умереть Польши. Нерешительной, колебательной и преступно попустительной политики здесь быть не должно. Население должно быть определенно убеждено, что здесь — Россия, а не Польша и что Польши тут никогда не будет; для этого нужно просить Государя Императора издать особый какой-либо акт, призывающий белорусов быть верными и не бояться польско-панских выступлений и напоминательно требовать, чтобы местная администрация строго соблюдала существующие законы.

Россия, как государство, не может терпеть тайных и явных врагов своих, которые в нашем крае в лице польских панов уже много лет мутят край. История показала, что польские паны неисправимы и по-прежнему действуют изменнически, мечтая и действуя для будущего польского крулевства*. Такое положение не может быть терпимо до бесконечности, и государство должно раз и навсегда поставить точку над „i“. Государство должно обезоружить и разбить своего врага. Иного средства здесь нет, как [следующее]: нужно, по примеру Пруссии, отчуждить в государственный фонд земли польских панов, как отчуждается, например, земля под железные дороги.

---

* То есть королевства, от польского слова «круль» — король; аналог — употребление слова «бискуп» вместо «епископ» для показания незаконности претензий на такое именование.

Я вовсе не трудовическую* программу провожу, а стою только на страже государственных интересов. Без этого здесь будет долго еще рассказываться „сказка про белого бычка“, пока польские паны не подготовят нам своего рода Цусиму и пока край фактически не отвалится от России. Невозможного здесь нет: ведь ополячилась же, например, Виленская губерния, дворянство всего Западного края, ведь здесь же кипели польские мятежи и население бегало от русских „до лясу“**. Нужно ли, чтобы еще раз пробил роковой час? <…>

Теперь рассмотрим то обстоятельство, когда белорус добровольно переходит в католичество. Как бороться с этим?

Белорус добровольно переходит в католичество или а) по невежеству своему, увлекаемый казовой*** стороной костёльной помпы, или б) вследствие иезуитской тактики и обманов ксёндзов, или же наконец в) потому, что находит много недостатков в нашей церковной жизни.

Первым обстоятельством, то есть невежеством в религиозных вопросах, болеет всё русское общество, не исключая и высших классов. Значит, и бороться против этого недостатка нужно общими средствами.

---

* Трудовая группа или трудовики — парламентская политическая организация, влиятельная и популярная в народе, возникшая в I Государственной думе в апреле 1906 года как группа депутатов преимущественно из крестьян и интеллигентов народнического направления. В нее входили депутаты, считавшие необходимым решить аграрный вопрос посредством передачи земли в руки трудящихся, то есть бывшие по своим взглядам левее конституционных демократов в этом вопросе. В I Думе трудовая группа по численности и по влиянию уступала только кадетам, не отличалась определенно от смежных групп и не подчинялась строгой партийной дисциплине. Существовала до 1917 года.

** В лес.

*** Показной.

Нужно:

выпустить миллионы листков по церковным вопросам с кратким, но обстоятельным изложением истории Церкви: <…> какую организацию дал Церкви Иисус Христос, апостольский собор, о жизни святых отцов, о властолюбивых притязаниях Римского папы, о разделении Церквей, об еретических отступлениях Римской церкви, о попытках ее уничтожить православие, особенно в нашем крае (уния), о защитной борьбе православных (братств) и т. д. Кроме листков, выпустить краткую дешевую и доступную для народа церковную историю.

Независимо от этого ходатайствовать об учреждении должности особых противокатолических миссионеров, которые и составляли бы эти листки и разъезжали бы по епархии беспрерывно, особенно там, где больше католических гнезд. Плодотворность деятельности таких миссионеров должна быть контролируема епископом и поддерживаема братствами.

Во всех приходах епархии должны организоваться братства как здоровые ядра, о которые должен разбиться католический натиск.

Ходатайствовать о введении во всех школах всех типов преподавания церковной истории с указанием заблуждений Римско-Католической церкви. <…>

Ввиду того что народ видит много недостатков, образовавшихся исторически в нашей Церкви, особенно в нашем богослужении, и по сопоставлении с костёльным видит нередко преимущества в последнем, надо, по-моему, позаботиться о следующем:

ходатайствовать перед Святейшим Синодом о скорейшем созыве Русского Поместного Собора и о восстановлении патриаршества: пора освободить нашу Церковь

от власти светских чиновников, нередко ни во что не верующих.

Ходатайствовать о скорейшем устройстве у нас таких школ, которые подготовляли бы дельных, истинных пастырей Церкви.

Указать на необходимость улучшения обрядового церковного богослужения. При этом надо обратить особое внимание на институт псаломщиков. И если он не удовлетворителен, то или уничтожить его или как-либо видоизменить. Козлогласие одного псаломщика по сравнению с пышным костёльным богослужением при посредстве органа производит удручающее впечатление.

Возвысить авторитет пастыря и сделать его недосягаемым для кляуз мелких завистников: суд над пастырями должен быть тайным, чуждым возмутительных волокит при теперешних духовных следователях.

Но это возвышение пастырского авторитета должно совершаться главным образом путем самодеятельного со стороны пастыря возвышения своего достоинства. Прошла пора беспечального существования под защитой правительственной власти. Теперь такая защита не предвидится, и пастыри должны, если еще не все проснулись, проснуться к ревностной, до самопожертвования, апостольской деятельности. Нельзя спать, когда уже пришел „предающий“ враг. Иначе может случиться то, что народный поэт образно выразил так: „Знать, во время сна к безоружному силы вражие понахлынули. С богатырских плеч сняли голову — не большой горой, а соломинкой“*.

В церковном богослужении надо ввести общенародные пения религиозных кантов и мелодий. Религия прежде всего есть чувство, и католицизм умело понял это,

---

* Из стихотворения «Лес» А. В. Кольцова, посвящено памяти А. С. Пушкина, написано в 1837 году.

допустив широко разного рода чувствительные кантычки* в церковное богослужение.

Я здесь наметил лишь общую схему того, как надо бороться с католицизмом и полонизмом, и предлагаю ее вашему вниманию.

В заключение я хочу еще сказать следующее. В настоящее время наступила пора всеобщей самодеятельной работы. Кто не хочет смерти своей нации, должен непрерывно работать. Прочь вековые благодушие и лень! Помните слова поэта: „Пускай наносит вред врагу не каждый воин. Но каждый в бой иди! А бой решит судьба…“**»***.

Делегат Виленского Свято-Духовского братства Александр Иванович Миловидов**** сказал: «В настоящее время Северо-Западный край переживает четвертый по счету исторический культурный натиск, в котором

---

* Канты — в западно-русских губерниях среди православных и среди униатов и католиков было широко распространено пение церковно-народных кантов, гимнов и колядок по памяти и по сборникам — «Богогласникам».

** Из стихотворения «Элегия» Н. А. Некрасова.

*** Минские епархиальные ведомости. 1908. № 19. Часть неофиц. С. 649–660.

**** Александр Иванович Миловидов (1864 – после 1935) — русский историк, археограф, библиограф, последователь М. О. Кояловича. По окончании Тульской духовной семинарии и Московской духовной академии был под руководством С. А. Рачинского народным учителем. С 1894 года — преподаватель греческого языка в Виленской духовной семинарии. Состоял председателем действующей с 1895 года Братской комиссии религиозно-нравственных чтений при Виленском Свято-Духовском братстве; был секретарем виленского отдела Общества ревнителей исторического просвещения в память императора Александра III (1903–1915). Научная деятельность А. И. Миловидова была сосредоточена на истории, археографии и библиографии Северо-Западного края. Опубликовал более 50-ти статей в изданиях: «Чтения Императорского общества истории и древностей Российских», «Христианское чтение», «Журнал Министерства народного просвещения», «Русский вестник», «Виленский календарь» и других.

преобладают стремления религиозного и национального характера. Западно-русскому народу объявлена открытая война, и уже при первых столкновениях (в 1905 г.), как выяснил миссионерский съезд, — мы потеряли 172 тысячи душ, из них 31 022 приходится на Северо-Западные губернии. Потери невозвратимые ни для Православной Церкви, ни для русской народности, так как ренегаты, сделавшись католиками, перестали быть и русскими. Но противник не удовлетворился этим первым внезапным нападением и легкой победой, одержанной над неподготовленным и духовно спавшим народом, — он с развернутыми знаменами продолжает нашествие: весь край покрылся сетью польских благотворительных и просветительных обществ, тайных и открытых школ, имеющих задачей полонизацию населения; мутным потоком вливаются в край сотни тысяч польских изданий, целые хорошо сорганизованные и дисциплинированные отряды фанатических ксёндзов, польских учителей, костёльных дедов и девоток* продолжают наносить нам потери. Год тому назад один видный русский историк, хорошо осведомленный о современном положении западно-русского населения, считал это положение худшим, нежели при первом натиске в XVI веке, когда западно-русский народ имел больше средств к защите. Главная опасность современного положения для православия и нераздельной с ним русской народности нашего края заключается прежде всего в том, что передовые наши силы — [образованное] западно-русское общество далеко

* Девотка — в современном русском и польском языке — лицемерно набожный человек, ханжа. В западных российских губерниях того времени девотки — терциарки (от лат. tertius — третий) — женщины и девицы, живущие в миру, но давшие некоторые иноческие обеты, войдя в третью — после монашеских — мирянскую ветвь какого-либо католического ордена, или посвятившие себя на служение при костёле.

стоит от нашего народа, не организовано, не объединено. Доселе было несколько попыток такого объединения на различных политических платформах, но они давали непрочные результаты. Правда, во время думских выборов мы по городам действовали довольно дружно, но причина этого объединения заключалась не столько в политических платформах, сколько в отмеченной историками общеславянской национальной черте объединяться и дружно действовать в виду надвигающейся опасности. Миновала опасность — и вот прекратились наши съезды, переписка, мы снова разъединены, и нас снова бьют поодиночке. Более прочным объединяющим центром в нашем крае может послужить вера православная, наша церковная хоругвь. В продолжающейся борьбе западно-русскому обществу необходимо ближе сплотиться с народом, а для него вера, за которую он готов постоять до крови и которую не отделяет от народности, ближе и понятнее, нежели политические платформы. Как в разгаре боя знамя собирает лучших бойцов и воодушевляет их, так, надеемся, с бóльшим успехом для продолжающейся религиозно-национальной борьбы и западно-русский народ объединится под церковной хоругвью в „союз западно-русских братств“, союз взаимопомощи духовной и материальной. <…>

Но культурная борьба в Северо-Западном крае продолжается и теперь — вместе с тем продолжается начавшийся в XV веке исторический процесс привлечения и культурного поглощения отдельных лиц русской народности. Скажем более: переживаемая нами эпоха представляет наиболее опасный исторический момент этой борьбы, когда снова на весы истории положена судьба западно-русского народа, снова поставлен старый и жгучий вопрос: „кто устоит в неравном споре?“ Опасность его, прежде всего, заключается в том, что манифестами 17 апреля

и 17 октября предоставлено больше средств для просветительного воздействия на народ. Затем, как могут засвидетельствовать все, близко соприкасающиеся с народом в школах, аудиториях, библиотеках и читальнях, в нем теперь с особенной силой проснулось стремление к грамотности, просвещению, жажда знаний. Он, как ребенок, протягивает свои слабые руки, готовый взять то, что ему дадут. Этим положением могут воспользоваться и уже пользуются чуждые ему влияния. В будущем мы можем ожидать усиления пропаганды среди местного населения, 58 % которого своим родным языком считают язык русский.

Кто же защитит наш бедный народ от окончательного его культурного поглощения, кто поможет ему сохранить свою веру, язык, школу, книгу, с утратой которых исчезнет и национальная индивидуальность? Одно правительство в этом великом деле бессильно. Необходима как в школьном деле, так особенно во внешкольном просвещении народа широкая помощь русского общества. <…> В стороне от этого народнического движения стоял Северо-Западный край. Здесь русское общество составляли преимущественно чиновники. Убаюканные правительственной опекой, занятые выполнением служебных обязанностей и еще более многочисленных циркуляров и предписаний, мы дело просвещения предоставляли духовенству и специальному ведомству. Несколько воскресных школ, обязанных своим появлением прежде всего русской женщине с ее любящей душой, несколько народных изданий и возникших кое-где народных аудиторий — вот единственные памятники служения народу местного русского общества. Мы даже и не старались поближе подойти к народу, узнать его духовные потребности и вместе с научением оказать ему помощь в деле развития его национального и гражданского самосознания.

Так было прежде, но так быть не должно. В настоящее время в нашем крае требуется полная мобилизация русских культурных сил и энергичная просветительная деятельность, за которую прежде всего должны взяться православные братства — это их священный долг. <…>

Затем надо иметь в виду, что в деятельности каждого просветительного учреждения первенствующее значение имеют не материальные средства, но лица, воодушевленные идеей, обладающие энергией и знаниями. Такие лица у нас уже есть, и мы крепко надеемся, что когда местное русское общество проникнется сознанием того, как важен переживаемый нами исторический момент и какую могучую притягательную силу для национального объединения и сплочения представляет духовная культура, тогда число этих деятелей быстро возрастет. Западно-русские братства владеют и другим важным условием всякого производительного труда: наш устав предоставляет каждому члену полную возможность для проявления личной инициативы, творчества и применения экономического принципа разделения труда. Только бы побольше этой инициативы, побольше веры и энергии в начале дела, поменьше разъедающего русскую душу скептицизма и критицизма. Надо помнить, что всякое культурное воздействие на массы совершается медленным путем, часто незаметным для самих деятелей прогресса: все эти чтения, библиотеки, читальни, популярные книжки — это только отдельные искры культуры, которые при дружной нашей работе образуют сильное культурное пламя, способное осветить и согреть бедный и темный западно-русский народ»*.

---

* Минские епархиальные ведомости. 1908. № 19. Часть неофиц. С. 661–663, 666–669.

Ректор Минской духовной семинарии протоиерей Андрей Юрашкевич* сделал на съезде доклад, который назвал: «Поляк-католик имеет право быть жестоким и лживым». «Рассказывают, что когда Иоанна Гуса** жгли по повелению Священного Констанцского Собора*** на костре, — сказал он, — одна женщина в порыве благочестивого усердия на костер бросила несколько щепок, найденных ею на улице.

Протоиерей Андрей Юрашкевич

---

* Андрей Данилович Юрашкевич (1854 – после 1923) — протоиерей, ректор Минской духовной семинарии в 1905–1908 годах. Родился в семье причетника Минской епархии. Окончил в 1879 году Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия. В 1884 году был рукоположен во священника к минскому кафедральному Петропавловскому собору. В 1899 году возведен в сан протоиерея. Состоял членом Минского археологического церковно-исторического комитета, почетным членом Минского православного народного братства во имя Животворящего Креста Господня, председателем Николаевского епархиального братства. В августе 1908 года участвовал в 1-м съезде представителей западно-русских православных братств в Минске. С октября 1911 по март 1923 года — настоятель Смольного собора в Петрограде.

** Ян Гус (ок. 1370–1415) — чешский священник и проповедник, был в Пражском университете деканом богословского факультета, затем ректором. Он обличал пороки духовенства (симонию, роскошь, алчность, лицемерие, взимание платы за совершение таинств), а также требовал причащать мирян Святой Кровью Христовой, а не только Святым Телом, выступал за богослужение на родном чешском языке и осуждал практику папских индульгенций, считая, что папа Римский не Бог, а потому не может прощать грехи.

*** Собор Римо-Католической церкви, считающийся в ней XVI-м Вселенским Собором, который проходил в 1414–1418 годах в германском городе Констанц.

Мученик, видевший усердие убогой старушки, воскликнул: „O, sancta simplicitas!“ (О, святая простота!) Остается и нам, православным, повторять „о, святая простота“, когда муж-католик истязает свою жену и детей, склоняя их принять католичество, или же когда жена-католичка оставляет своего мужа православного лишь потому, что он православный, или же когда католики-крестьяне вырезали в Ковенской губернии кожу на животном в виде восьмиконечного креста. Но едва ли мы так скажем, припоминая, как Иосафат Кунцевич* изгонял православных

* Иосафат (в миру Иван Гаврилович Кунчиц; 1580/1584–1623) — униатский архиепископ. Родился в православной семье в городе Владимире-Волынском, обучался у иезуитов в Вильне, перешел в католичество и стал горячим борцом против православия и проповедником унии. Впитав католическую духовность (имел видения, занимался самобичеванием, видел себя особо призванным к делу унии), в точном согласии с ней считал необходимым насильно привлекать православных к Католической церкви. Будучи униатским архиепископом Полоцким, организовывал гонения против православных, закрывал православные храмы в Могилёве, Полоцке, Витебске, Мстиславле, Орше, чтобы лишить возможности совершать богослужение, которое он называл «схизматическим богохульством». В 1618 году мещане Могилёва обратились к Иосафату с просьбой отказаться от «пастырского» визита в город, так как в нем нет униатской паствы. Не получив от него согласия, они закрыли перед ним городские ворота. После этого Иосафат Кунцевич получил королевский мандат, по которому ему передавались все православные церкви и монастыри в городе. Два десятка «зачинщиков» были казнены. 12 ноября 1623 года витебский православный священник Илия Давыдович Воскресенский, рано утром направлявшийся на воскресную службу в шалаш за реку, был арестован по приказу Иосафата Кунцевича и посажен в заключение в его дворец. Увидевший это крестьянин Иван Гузнищов стал звать на помощь и бить в набат. Сбежавшиеся православные горожане освободили священника, а униатского архиепископа убили. Вскоре после этого 93 человека были приговорены к смертной казни, 19 человек были казнены, среди них и Иван Гузнищов, остальные же, в том числе священник Илия Воскресенский и еще четыре православных священника, бежали. Иосафат Кунцевич был причислен к лику блаженных Католической церкви. В 1867 году, после польского восстания, буллой папы Пия IX он был причислен к лику святых и провозглашён покровителем

из шалашей, устроенных ими для молитвы за городом в Витебске, в котором храмы были насильно отняты у православных жителей и отданы униатам? Едва ли мы так скажем, когда наши помещики лишают православных службы в своих имениях, лишают православных права покупать у них дрова, арендовать поля, сенокосы и другие угодья? Едва ли мы так скажем, когда ксёндз Билякевич в Ковне спускал ночью в церковный подвал-усыпальницу женщину в наказание за ее грехи*. Едва ли мы так скажем при виде всех тех жестокостей и несправедливостей, какие католическая иерархия и ее верные сыны в течение многих веков европейской истории и истории нашего края проделывали с православными и другими иноверцами, не боясь ни Бога, ни Его суда, напротив, чувствуя себя правыми или, больше того, — делающими благочестивое дело „во славу Бога“, „во славу Католической едино-спасающей церкви“. Этим людям следует напоминать слова Христа Спасителя, сказанные Им апостолам Иоанну и Иакову: „Вы не знаете, какого вы духа“ (Лк. 9, 55).

Руси и Польши. В конце XX века поляк по происхождению папа Иоанн Павел II назвал Иосафата Кунцевича «апостолом единения».

* В 1899 году 26-летний ксёндз Александр Казимирович Билякевич, родом из крестьян, был признан судом присяжных виновным в насильственном лишении свободы в разное время восьми прихожан, сопровождавшемся истязаниями и мучениями физическими (бичевание) и нравственными, «в обстановке, особо рассчитанной не только на причинение наибольших страданий вообще, но и на унижение их человеческой личности», и приговорен к ссылке в Иркутскую губернию на 2 года и затем на 8 лет в любые сибирские губернии по его выбору (Журнал Министерства юстиции. 1899. № 3. С. 215–216). По свидетельству богослова-миссиолога В. М. Скворцова, изучавшего процесс, у Билякевича нигде, ни в чем и никогда не проявлялось тени раскаяния или сожаления о сделанном им, как у человека, исполнявшего свой долг, а его способ по исправлению грешников путем физического воздействия на их души не его личный, а прямо исходящий из духа католической церковной дисциплины.

Да, вы не знаете, что в вашей душе, в вашем сердце дух не христианский, а противохристианский — дух злобы, ненависти, коварства.

Откуда же в Католической церкви тот дух, по которому католик, делая часто беззаконие, противное заповеди Божественной и человеческой, воображает, что он делает дело Божие, дело святое, а потому делает зло со спокойной совестью, даже с благочестивым усердием, благоговейно, с умиленным, возведенным на небо взором и с благочестиво сложенными на груди руками?

Ведь не Евангелие внушило католику этот дух, не у апостола Петра, будто бы основателя Римской церкви, они позаимствовали его. Не могли католики напитаться этим духом от жизни и учения тех пап, которые умерли мученически в первые века христианства. Нет, в эти времена жестокостью, не разбирающей средств, отличалось римское языческое правительство, но не римские епископы. Римские епископы стали жестокими владыками впоследствии, именно тогда, когда Рим перестал быть столицей вселенной. Но Римская империя, с ее кровавой, не стеснявшейся мерами и средствами политикой, пала — но не пал, не умер ее дух — дух властолюбия, господства, жестокостей. Задачу Рима господствовать над всем миром приняли на себя римские первосвященники и при благоприятных обстоятельствах стали проводить идею всемирной власти в сознание и жизнь тогдашнего европейского мира. Папы стали владыками духовными и политическими. Для создания и укрепления этого владычества они не изобретали новых средств, когда эти средства были готовы, изобретены Римом для своих политических целей. Папы лишь воспользовались ими, прибавив к мечу вещественному — внешней силе, коварству — меч духовный — религию и ее учение. Но о последних средствах заботились они очень

мало. Даже более того: они не хотели, даже боялись того, чтобы верующие знали учение Христа из Его святого Евангелия. Читать Евангелие верующий католик не имеет и не имел права, потому что в Евангелии говорится о царстве не от мира сего, а папы стали царями именно от мира сего. Зато обращено было серьезное внимание на изощрение меча вещественного — на увеличение внешней политической силы папства, на защиту этой силы всякими средствами, начиная интердиктами* и кончая измышлениями о непогрешимости папы.

Мечами этими папство поработало довольно: много государств разорило, миллионы голов сняло, много заблуждений внесло в понятия человеческие. Ложная идея, положенная в основу жизни католического мира, воплотилась в жизнь и дала свои горькие плоды. Тут была своя логика.

Папа — есть наместник Христа на земле, есть вицебог, как кощунственно учил великий богослов Католической церкви Беллармин**.

---

* Интердикт — в Католической церкви — каноническое наказание, лишающее права или ограничивающее возможность совершения и принятия таинств, треб, церковных обрядов (в том числе погребения), но, как правило, не связанное с отлучением от Церкви; целью его является принуждение к исправлению каких-либо явлений, послуживших причиной наложения интердикта. Накладывался и на личность, и на церковную область (приход, город, епархию, страну), активно использовался папским престолом и епископами, в том числе в политических целях, при конфликте со светскими властями.

** Кардинал Роберто Беллармин (1542–1621) — итальянский богослов, святой и учитель Католической церкви. Учил, что папа, как пастырь, обязан вмешиваться в светские конфликты в тех случаях, когда политическая ситуация угрожает духовному благу его паствы. Исходя из этого принципа, папа имеет право сместить светского государя, точнее, провозгласить его еретиком и освободить подданных от обязанности повиноваться ему.

Средневековые богословы очень часто спорили о том, кто выше: ангелы или папы? — и приходили к заключению, что выше — папы, „ибо у Бога и папы одна мысль, одна воля, одно решение?!“* Если папа есть наместник Божий на земле**, то, естественно, он есть владыка духовный и политический: он глава пастырей, их начальник и властитель. Для земных царей и духовных владык существуют законы — для папы нет таких законов. „Как Иисус Христос, — говорит канонист Римской церкви в книге, в свое время бывшей долгое время учебником церковного права в католических университетах***, — будучи на земле, хотя и был подчинен закону, однако ж в сущности был выше его, так точно и папа стоит выше всех церковных законов и может свободно располагать ими, поелику он один дает каждому закону силу“****.

О том, что папы считали себя выше королей и императоров, знает каждый ученик первого класса, ибо знает, как папы командовали королями и заставляли их босыми

---

* См. цитату полностью: «Иные из западных писателей средних веков прямо называли папу Господом Богом (Dominus Deus); иные задавались вопросами такого рода: „кого нужно почитать более: папу или святых ангелов и угодников Божиих?“ — и решали вопрос так, что папу нужно почитать более, чем ангелов и святых людей, — как самого Христа, ибо папа наместник Христовой власти… Можно ли на решение папы, если оно покажется несправедливым, апеллировать к Богу и надеяться, что Бог изменит решение папы? — Нет, ибо у Бога и папы одна мысль, одна воля, одно решение?!» (*Иванцов-Платонов А. М., священник.* О римском католицизме и его отношениях к Православию. Ч. 2. М., 1870. С. 94–95).

** Так назвал папу Иннокентий III.

*** Имеется в виду Грациан Болонский (XII в.), создатель первого общего свода канонического права Католической церкви с толкованиями (т. н. Декрет Грациана), основатель латинской науки канонического права.

**** *Робертсон Дж. К., Герцог И. Я.* История христианской церкви от апостольского века до наших дней. Т. 2. От разделения церквей до наших дней / Пер. и сост. А. П. Лопухин. СПб., 1891. С. 165.

стоять на папском дворе, ожидая милостивого прощения за содеянные против них, пап, грехи*. Что же, может быть, мы, православные, должны благодарить Господа Бога за то, что у нас нет вице-бога? Ошибаетесь, господа, в своем мнении о независимости вашей от наместников Христовых. Правда, вы, как и протестанты, по учению римскому еретики и раскольники. Но в том-то и дело, что по учению пап вы всё же подвластны папе, его дети, заблуждающиеся, но именно его дети. Не верите? Это для вас новость? Поверьте, и вы многое из непонятного поймете. А вот и доказательства сказанного: в 1873 году папа Пий IX в письме к императору Вильгельму заявил, что „всякий человек, принявший крещение, принадлежит некоторым образом папе“. (Раньше Пия IX так утверждал Венедикт XIV и другие папы.) Вообще по учению богословов еретики и схизматики (то есть все мы) не принадлежат к Церкви, потому что отделились от нее, как не принадлежат к войску дезертиры, однако они находятся во власти Церкви… А между тем православные в своем заблуждении думают, что они не имеют никакого отношения к папам и к Латинской церкви. Так заблуждаясь, православные по этому самому и не понимают, почему это католики у нас не желают заниматься проповедью среди евреев, магометан, а идут к нам, православным, как будто бы мы язычники и хуже евреев и магометан. Ясно, что верные папские воины нас, „дезертиров“, желают привлечь в свои ряды, в ряды правоверующего папского воинства, под любвеобильный папский покров, вне которого нет спасения. Папы вице-боги любвеобильны. Папа Евгений IV в декрете [булле «Cantate

---

* *Робертсон Дж. К., Герцог И. Я.* История христианской церкви от апостольского века до наших дней. Т. 2. От разделения церквей до наших дней / Пер. и сост. А. П. Лопухин. СПб., 1891. С. 166, 168.

Domino»] от лица Флорентийского Собора выразил: никто, сколько бы милостыни ни творил, хотя бы даже кровь за Христа пролил, не может спастись, если не пребудет в недрах и единении с Католической церковью. Все, находящиеся вне этой Церкви, неизбежно погибают.

Но ведь вице-бог для того и существует на земле, чтобы никто не погибал, а „дезертир“ возвратился в ряды своих войск. Нужно об этом заботиться всякими мерами. Для этого и существуют у пап военачальники: епископы, ксёндзы, монашеские ордена и другие воинские чины. Военачальники получают соответствующие инструкции и наставления и снабжаются соответствующими правами. И вот первое из прав: „еретики и раскольники (то есть все, кто является ослушником папских повелений) или вышеназванные "дезертиры" могут быть призываемы на суд, наказываемы и предаваемы анафеме“. Средневековый канонист Грациан Болонский приводит следующие слова папы Урбана II: „Кто из ревности к Церкви убьет отлучённого от нее, с тем никоим образом не должно обходиться как с убийцей“. И затем ученый канонист от себя говорит: „Отсюда ясно, что злых (то есть объявленных таковыми церковной властью) следует не только бичевать, но и казнить“.

А вот послушаем, что говорит один из величайших богословов Католической церкви (Фома Аквинат) по вопросу о преследовании и казни еретиков: … [„Если фальшивомонетчики и другие злодеи будут немедленно осуждены на смерть светской властью, то гораздо больше оснований для еретиков — как только они будут обвинены в ереси — быть не только отлучёнными, но даже быть преданными смерти“ (Summa II, 2, 11, art. 3)]. Таковы слова великого отца [Католической] Церкви. Папа Лев XIII велел богословие Аквината считать образцовым; нынешний

папа Пий X повелевает изучать богословие не иначе, как по Аквинату. <…>

А вот и голос по этому вопросу другого римского первосвященника, почти нашего современника, папы Пия IX, который в скором времени будет причислен к лику святых Католической церкви; в своем Силлабусе он говорит: „Мнение, что Церковь не имеет власти употреблять силу <…>“, он осуждает как заблуждение.

Итак, еретики (то есть все мы) — „дезертиры“, „воры“ — „волки“. Для приведения нас в лоно Католической церкви дозволительны все средства. Кто же обязан ловить „дезертиров“, „воров“ и „волков“ и расправляться с ними соответствующими мерами? Прежде всего, конечно, епископы. Они дают в своей присяге при своем посвящении обещание: „еретиков, схизматиков и восстающих против папы по мере сил гнать и преследовать“. Без сомнения, не епископы же собственноручно станут „гнать и преследовать“, а подручные им люди, и прежде всего ксёндзы, которым тоже даны высокие преимущества чести и славы. Папа — вице-бог, но и епископ, и священник не ниже, а пожалуй, и выше святых еще при жизни своей. <…>

Мы приводим по вопросу об отношении Католической церкви к иноверцам показания, частью взятые из старых документов, частью из новейших. Но когда мы вдумываемся в смысл этих документов, то разве мы не получаем какого-то откровения? Разве для нас не уясняется смысл целого ряда событий исторических и современных? „Папа есть сверхчеловек, вице-бог. Он владыка земли и преисподней, он царь над царями. Вся земля ему должна быть подчинена. Кто ему не подчиняется, тот должен терпеть наказание, заслуживает даже смерти. Слуги папские обязуются клятвою губить врагов папы“. — Разве для нас не ясно теперь происхождение инквизиции, Варфоломеевской

ночи, всех ужасов папской истории? Разве для нас не ясно, почему явились на свете иосафаты кунцевичи и другие изверги, терзавшие западно-русский народ, отнимавшие у православных церкви, выгонявшие из городов и сел священников, не принимавших унии, не позволявшие православным совершать богослужение даже в шалашах за городом? Для нас понятно, почему по смерти Иосафата папа Урбан VIII угрожал проклятием тому, кто откажется омочить меч в крови убийц. <…> Клевещут на орден иезуитов, когда приписывают им изобретение правила жизни и деятельности „цель оправдывает средства“. Не иезуиты изобрели это правило, а папство, вся его языческая система. Это правило господствовало в римском мире задолго до иезуитов и вытекает из общего догмата о папском главенстве и папской непогрешимости. Иезуиты же лишь яснее формулировали это положение в своем богословии и последовательнее стали проводить в жизнь. Положение „цель оправдывает средства“ целиком заключается в положении епископской клятвы, а эта последняя вытекает из канонических положений, впервые собранных и приведенных в систему канонистом Грацианом еще в XII веке <…>. Римская церковь с этого времени ни на йоту не изменилась ни в своем учении, ни на практике*. Это мы видели,

* Протоиерей Андрей Юрашкевич, анализируя современное ему католичество, в основном опирался, кроме личного опыта, на сведения из источников второй половины XIX века. С того времени в католичестве произошли существенные изменения. Духовная болезнь католичества — папство — продолжала прогрессировать, в это же время кардинально менялся и мир, который оказывал огромное влияние на Католическую церковь. Католичество за это время кристаллизовалось в своём учении, которое было изложено на I-м и II-м Ватиканских Соборах, что нашло отражение в официальных катехизисах, в которых излагалось учение о папе: «Папа, Епископ Римский и Преемник св. Петра — постоянное и видимое начало и основа единства Церкви. Он — наместник, викарий Христа, глава коллегии епископов и пастырь

видим, чувствовали и чувствуем. Католик жесток по отношению к иноверцу, но это особого рода жестокость — благочестивая, то есть самая ужасная, подлая, не только дозволенная, но даже обязательная. Если заповеди „не убий, не укради, не лжесвидетельствуй“ не исполняются при всем великом значении высшего авторитета их происхождения, если нужны божеские и человеческие законы с их прещениями и угрозами, направленными против тех, кто желал бы нарушить эти заповеди, и если тем не менее нарушаются эти заповеди, то что сказать о том положении вещей, когда человеческий эгоизм находит полный простор в религиозном разрешении бить и убить иноверца, грабить его, лгать, клеветать на него, словом, причинять ему всякое зло, если он не желает быть католиком, а причиняющий это зло не только не ответствен пред Богом, людьми

всей Церкви, над которой он, по Божественному установлению, имеет полную, верховную, непосредственную и вселенскую власть» (Катехизис Католической Церкви. Компендиум. М., 2007. С. 64). На практике стало проявляться всё большее равнодушие к вероисповедной стороне, доминировать в официальных католических текстах многообразие «духовностей» и даже догматических систем (при условии принятия папства). Эти две тенденции не противоречат друг другу, а прямо связаны, как две стороны одной медали: истина вручена папе, и поэтому познание истины не является для католика жизненно необходимым. На практике изменился, став открыто безбожным, и мир, в каком ныне живет Католическая церковь. Католичество было живо, благодаря вере простого народа. Сейчас в значительном большинстве общество состоит из людей неверующих. Нарастающая секуляризация и прогрессирующий отход большинства крещеных европейцев от Католической церкви поставили вопрос о необходимости ответить на «вызовы окружающего мира». Основной ответ был найден в осовременивании Католической церкви, ее злободневности. Отсюда возникло такое явление, как размывание остатков церковного предания (молитв, поста, духовных аксиом), психологизация пастырства. Православное понимание кающегося грешника, нуждающегося в спасении, стало восприниматься как нетолерантность, что явилось прямым следствием хронической болезни современной религиозности — индифферентизма.

и своею совестью, а, напротив, может себя чувствовать как исполнивший волю Божию, как действовавший для славы Божией и церкви Католической. Поистине, здесь величайший простор для самых крайних беззаконий, изуверств и жестокостей. (12 июня текущего года в австрийском парламенте депутат Марков* произнес речь, в которой напомнил, как в 1891 году униатский митрополит Сембратович** склонял униатское духовенство к целибатству. Прелат Часка, через которого митрополит действовал, ничего лучшего не придумал для обольщения униатского духовенства, как перспективу, что pro una decem habebitis (вместо одной — десять будете иметь жен). Поистине целибатское обольщение)***. Но нет хуже того беззакония, которое совершается с доброй совестью, с оправдывающими мотивами. Такие беззакония ныне у нас совершаются современными сверхчеловеками „освободителями“, со спокойной совестью освобождающими ближнего от кошелька и от жизни „во славу революции” и будущих благ человечества. И омерзительнее выступлений этих освободителей ничего и представить нельзя, потому что и здесь „цель оправдывает средства“. Говорят, что талмуд разрешает ограбить

---

* Дмитрий Андреевич Марков (1864–1938) — русин, один из лидеров галицко-русского движения, уроженец села Грушево под Дрогобычем. Избирался депутатом Галицкого краевого сейма и австрийского парламента, где в 1907 году в первый раз произнес речь на русском литературном языке. Отстаивал идею единства русского народа (великороссов, малороссов и белорусов) в своей публицистике и выступлениях. В 1914 году, после объявления Австро-Венгрией войны России, Дмитрий Андреевич был арестован и приговорен военным трибуналом к смертной казни, замененной на пожизненное заключение в Терезинской крепости. Получил свободу после развала Австро-Венгрии в 1918 году. На Парижской конференции 1919 года отстаивал присоединение Карпатской Руси к России.

** Митрополит Галицкий Сильвестр (Сембратович) (1836–1898).

*** Церковные ведомости. 1907. № 35. С. 1719.

и погубить „гоя“, потому что он „гой“. Чем лучше католические правила талмудических? Не были ли первые позаимствованы от вторых? Не знаем. А интересно знать это. Но что иноверец для католика хуже „гоя“ — это не подлежит сомнению. „Во славу Божию“ истреблялись целые народности, но истреблялись благоговейно. Филипп II, виновник Варфоломеевской резни, в которой убито в одну ночь не менее 30 тысяч гугенотов, с благочестивым усердием поздравлял слабосильного [двенадцатилетнего французского] короля Карла IX, допустившего беззаконие, и выражал сожаление, что не все еретики были перебиты. Конечно, ведь перебиты они были по одобрению папы Григория XIII (1572 г.), с его благословения. Как же было не радоваться христианнейшему королю при удачном исполнении такого великого события, совершённого „во славу Божию“? Но один ли Филипп II радовался подобному событию? Ведь инквизиция создана была „во славу Божию“. Ведь обвинение иезуитов в отравлении и убийстве королей, как например Генриха III, Генриха IV, совершившиеся „во славу Божию“ по правилу „цель оправдывает средства“, — еще не опровергнуто, да и едва ли будет опровергнуто. Для „славы Божией“ совершены неимоверные жестокости, напоминавшие первые века христианства, в Юго-Западной и Западной Руси, а папы поощряли и благословляли эти жестокости. Для „славы Божией“ в настоящее время православных изгоняют со службы там, где водворились поляки, православных крестьян всячески притесняют, преследуют, обманывают их всякаго рода измышлениями, даже такими, что сам царь уже принял католическую веру и не даст земли православным. Со спокойной совестью это делает ксёндз, так как делает „во славу Божию“. Со спокойной совестью у нас поляк-чиновник угнетает своих подчиненных, заменяя русских поляками, помещик притесняет

крестьян, православного священника. С той же совестью простые люди — католики не дают житья своим соседям, членам своей семьи. Поселиться среди католиков-поляков православному — значит обречь себя на мучения и всякого рода обиды, тогда как католик среди православных никогда не встретит обиды и огорчения, ибо у православных „цели не оправдывают средств“. Православный человек по-христиански добр и терпим. Но сделайте его католиком, и вы увидите быстрое превращение доброго, христиански настроенного человека в злобного человека, в злобного и несправедливого фанатика, которому всё дозволено, который со спокойной совестью станет творить над своими ближними всякого рода зло. Эта перемена замечалась и в старые годы (Еремия Вишневецкий* и др.), и замечается в настоящее время. Православный крестьянин, сегодня благодушный и терпимый, завтра, по принятии католичества, становится зверем и таким остается в своих отношениях к иноверцам, особенно православным. Жить православному человеку среди католиков решительно, повторяем, невозможно. Люди с развязанной совестью дозволяют себе в отношении иноверца всякого рода пакости

---

* Князь Иеремия (Ярема) Михаил Корибут-Вишневецкий (1612–1651) — государственный и военный деятель Речи Посполитой. Родители его отличались приверженностью православной вере, мать была двоюродной сестрой митрополита Киевского Петра (Могилы). Учился у иезуитов и в 1631 году перешел из православия в католичество, по-видимому нарушив данную матери клятву не изменять своей вере. Активно способствовал с помощью иезуитов распространению католической веры на Вишневеччине, родовых владениях на левобережье Днепра, самых больших в Польском государстве, используя сначала экономические методы, а затем и военные. Принимал участие в подавлении ряда казацко-крестьянских восстаний, в том числе Богдана Хмельницкого; отличался жестокостью и приверженностью к пыткам; сделался, по словам выдающегося историка Н. И. Костомарова, «жестоким ненавистником и гонителем всего русского». Сын Иеремии, Михаил, был в 1668 году избран польским королем.

и изуверства. Православие в Виленской и Ковенской губерниях тает ежедневно, тает не вследствие проповеднического усердия ксёндзов, а вследствие невыносимого положения среди католиков, дозволяющих себе по отношению к православным всё, на что соизволяет разнузданная нехристианская совесть. Даже старообрядцы — этот крепкий русский элемент — предпочитают оставить в Ковенской губернии давно насиженные места и терпеть разорение и переселяться в далекую Сибирь, чем ежедневно испытывать оскорбления…

Но, может быть, вы скажете, что на всякого рода беззакония есть закон, суд, власти. Возражение ваше неосновательно. Разве папа, стоящий выше церковных и гражданских законов, обязан подчиняться нашим гражданским законам? А разве история не говорит нам, что, где возможно было католической иерархии обходить и не соблюдать неугодные ей законы, там она обходила и не соблюдала их. Ведь цели оправдывают средства. Ведь в истории кровавыми страницами начертан тот принцип, что „если кто из коронованных лиц оказывал неповиновение папе, папа считал себя вправе восстановлять против такого ослушника его подданных, освобождая их от данной королю присяги*“, причем после не вменялось в грех даже убийство столь опасного „врага церкви“. Законы государственные обязательны для католика настолько, насколько они благоприятны Католической церкви. Если же они противоречат ее интересам, они не обязательны для католика. Отсюда поймите, как правы со своей точки зрения наши ксёндзы, для коих русские политические и гражданские законы фактически не существуют. Они так умеют обходить их и оставаться чистыми, что никакая администрация

* В данном случае Юрашкевич пересказывает учение Беллармина.

не уловит их. Ропп*, Виленский епископ, уволенный от должности русским правительством, в ореоле мученика продолжает, как пишут и говорят, управлять Виленской епархией и совершенно не считает нужным сообразоваться с высочайшими повелениями, не санкционированными папскими повелениями. Зачем же нам удивляться, что ксёндзы на каждом шагу нарушают законы и не исполняют их? Правда, и мы дозволяем себе иногда не исполнять их, но мы себя не оправдываем, свои поступки считаем беззаконием, а ксёндз, поощряемый свыше, считает свои действия содеянными „во славу Божию“.

Всегда и везде католичество, как воплощение в жизни системы папства, составляло государство в государстве, со своими законами и мнениями. Законы эти, несогласные с законами гражданскими, несогласны с законами евангельскими. Католичество у нас в Западном крае не только папское католичество, с папскими притязаниями, до настоящего времени не изменившимися, хотя иногда и бессильными, является сверх этого польским католичеством. Как русский народ воплотил в себе любвеобильный дух истины православия, так поляки воплотили в своей истории и в своем характере основные черты папства — фанатичного, коварного, жестокого, лукавого, чуждого христианской любви и милости, а потому нетерпимого, стремящегося достигнуть своих антихристианских целей противохристианскими средствами. Этот антихристианский дух так тесно сросся с польским духом, что один другому стал родствен и близок. Но поляк этого не видит и не замечает. Искренно он слушает своего ксёндза, искренно верит в его слово, искренно проводит это слово в жизнь, не замечая и не понимая, что он, желая быть

* Барон Эдуард Юльевич фон Ропп.

христианином, становится чистым язычником, действуя в славу Божьего врага. Отсюда великая опасность от католичества и от полонизма для Русского государства и для русского народа. Это тот наш враг, который вероломно нарушит всякий союз с вами, причинит вам много зла и будет в душе думать, что он чист пред Богом и своею совестью. Католицизм — враг русской государственности и враг русского народа, враг, с которым мир невозможен. Он сам в себе не носит начал христианского мира и лишает мира всех, кто с ним соприкасается.

Не верь, русский человек, поляку, не верь католику! Он непримиримый твой враг и не может быть иным, хотя бы и хотел этого! Об этом говорит история, это говорит современная жизнь. Если поляк-католик говорит тебе иные — дружественные речи, ты не верь ему, потому что его эгоистическая и иезуитская совесть дозволяет говорить неправду. И ты это знаешь по речам, какие недавно слышал от него и слышишь в настоящее время! Ныне он стал еще злее, коварнее и жесточе. Ибо, надеясь при помощи русских дураков восстановить старую Польшу „от моря и до моря“, он с ненавистью и жестокостью относится ко всякому, кто стоит у него на дороге и не помогает в затеянной мечте. А наши западно-русские поляки еще злее других поляков: это ведь бывшие русские ренегаты, изменники, с наследственной извращенной совестью, не убоявшейся изменить Богу и родному народу. Исторически верно, что ренегатская совесть — злая совесть!»*

[27] Минские епархиальные ведомости. 1908. № 19. Часть неофиц. С. 698.

---

* Минские епархиальные ведомости. 1908. № 19. Часть неофиц. С. 684–696.

[28] Предложение комиссии относительно употребления «польского языка в школах или так называемом дополнительном богослужении» было принято съездом в следующем виде: «I. По Высочайшему повелению от 8 октября 1865 года преподавание Закона Божия римско-католикам в Западном крае должно вестись на русском языке. Доселе Высочайшей властью это повеление не отменено, а отменил его бывший министр народного просвещения И. И. Толстой по следующим, неправильно понятым основаниям. Образованная при Виленском генерал-губернаторстве и Учебном округе комиссия по вопросу об языке преподавания пришла к заключению о возможности допущения преподавания Закона Божия детям римско-католического вероисповедания на языке семьи, конечно при определении этого языка беспристрастными компетентными лицами. Но затем почему-то определение языка было предоставлено родителям, которые, естественно, под давлением ксёндзов и страхом церковных кар называли своим домашним языком польский, хотя громадное большинство римско-католического населения края, будучи белорусским, таковым имеет белорусский язык. Эта неестественная подмена языка сопровождается страшным вредом в смысле разрушения народного самосознания. Замечается, что молодое поколение, даже православно-русское, начинает говорить по-польски, считая это знаком хорошего тона. А дети римско-католики, да и их родители, через это приучаются к мыслям о том, что они не только римско-католики, но и поляки. Таким образом, правительственная даже школа подготавливает молодое поколение к пониманию костёльного дополнительного богослужения на польском языке и толкает в полонизм. Посему признается необходимым и благовременным, ввиду возбуждения этого вопроса и в правительственных сферах, обратиться

от имени настоящего съезда представителей братств Западного края к министру народного просвещения с ходатайством отменить пункт 2-й циркуляра министра народного просвещения 22 февраля 1906 года, как искажающий смысл приведенного выше Высочайшего повеления, помогающий извращению национального племенного самосознания белорусов римско-католиков, вредно действующий и на православных, как оказательство излишнего и ненужного благоволения к ксёндзам. С таким же ходатайством обратиться и по вопросу о разрешении преподавания арифметики на польском языке в нашем крае, объяснив, что белорусское население всюду знает русский язык лучше польского, что местный белорусский говор есть ветвь языка общерусского, а не польского.

II. По вопросу об изменениях языка дополнительного богослужения в костёлах Западного края выяснилось следующее: польский язык, обязательный в дополнительном богослужении в костёлах, не является в нашем Западном крае результатом совершенной необходимости ни со стороны канонической, ни с исторической, ни с современной бытовой этнографической. А именно: Правила Тридентского Собора о „lingua vernacula“ [родном языке] применялись с лет древних в нашем крае до 1697 года в смысле предоставления русскому языку права и места в римском костёле. С тех пор (с 1697 года) постановление Тридентского Собора извращено поляками римско-католиками и особенно пропагаторами польщизны ксёндзами в смысле обязательного требования употребления польского языка в дополнительном богослужении»*.

---

* Минские епархиальные ведомости. 1908. № 19. Часть неофиц. С. 606–608.

[29] Минские епархиальные ведомости. 1913. № 12. Часть неофиц. С. 337–338.

[30] Там же. 1909. № 10. Часть неофиц. С. 226.

[31] Храм построила владелица соседнего имения Степановское-Волосово Елизавета Алексеевна Нарышкина (1838–1928), выдающаяся благотворительница, последняя обер-гофмейстерина императрицы Александры Федоровны, председательница Санкт-Петербургского дамского комитета Общества попечительного о тюрьмах и ряда других человеколюбивых учреждений.

[32] Минские епархиальные ведомости. 1909. № 17. Часть неофиц. С. 397–398.

[33] Там же. 1912. № 12. Часть неофиц. С. 1–3.

[34] РГИА. Ф. 802. Оп. 11. 1912 г. Д. 85. Л. 2 об.–3; НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 41154. Л. 164 б.

[35] Минские епархиальные ведомости. 1910. № 22. Часть неофиц. С. 443–445.

[36] Там же. 1911. № 13–14. Приложение к части неофиц. С. 1–2.

[37] Там же. 1912. № 2. Часть неофиц. С. 42.

[38] Там же. 1911. № 10. Часть офиц. С. 138.

[39] Там же. № 23. Часть неофиц. С. 602.

[40] Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 588. Оп. 1. Д. 561. Л. 2.

[41] Там же. Л. 16.

[42] Там же. Л. 37.

[43] НИАБ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 273. Л. 1.

[44] РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1911 г. Д. 548. Л. 13.

[45] Минские епархиальные ведомости. 1912. № 6. Часть неофиц. С. 142–146.

[46] РГИА. Ф. 802. Оп. 11. 1912 г. Д. 85. Л. 3–3 об.

[47] *Скрынченко Д. В.* «Живая мысль, рождающая правду». Богословские труды, публицистика, воспоминания. Воронеж, 2019. С. 217.

[48] Минские епархиальные ведомости. 1912. № 22. Обложка.

[49] Там же. 1913. № 11. Часть офиц. С. 261–262.

[50] Там же. № 23. Часть офиц. С. 483.

[51] Архимандрит Алексий (в миру Александр Иванович Кабалюк) родился в 1877 году в семье русинов-униатов. Они жили в карпатском селе Ясиня, располагавшемся на территории Австро-Венгрии. Желая стать монахом, Александр поступил послушником в греко-католический монастырь Киш-Баранья. В 1905-м и 1906-м годах он посетил Киев и Почаев. В 1908 году он отправился в Пантелеимонов монастырь на Афон и здесь был присоединен к Православной Церкви. Местная община русинов приняла решение направить Александра в Россию для получения образования и священного сана, и он поступил послушником в Яблочинский Онуфриевский монастырь на Подляшье в Седлецкой губернии. В 1910 году он был пострижен в монашество с именем Алексий и рукоположен во иеромонаха. В 1911 году он вернулся на родину в Ясиню, где устроил домовую церковь, оборудовав ее иконостасом, который привез из России. Не желая, по примеру апостола Павла, материально обременять прихожан, он работал точильщиком. На родине он стал проповедовать православие среди униатов и, несмотря на запрет жандармов покидать село, ездил с миссионерской проповедью по окрестным деревням. Результатом его миссионерской деятельности стало возвращение в православие около 35-ти тысяч униатов. По распоряжению властей за отцом Алексием была установлена слежка. Спасаясь от преследований, отец Алексий уехал в Америку, где вместе со священником Александром

Хотовицким* духовно окормлял большую карпатороссскую общину. Благодаря его проповеди в православие вернулись тысячи карпатороссов, живших тогда в Америке. В 1913 году австро-венгерские власти обвинили в государственной измене православных крестьян-русин и устроили большой судебный процесс над девяноста пятью из них. Власти предполагали, что на этом процессе иеромонах Алексий будет главным обвиняемым. Узнав об этом, отец Алексий вернулся на родину, чтобы предстать перед судом. Суд приговорил его к четырем с половиной годам тюремного заключения. После освобождения в 1921 году он стал игуменом основанного им Никольского монастыря в селе Иза и в 1923 году был возведен в сан архимандрита. В 1944 году после присоединения территории, где находился монастырь, к СССР он в составе делегации карпатороссов прибыл в Москву с просьбой принять Подкарпатскую Русь в состав РСФСР; делегаты заявили, что они не желают присоединения этой территории к Украинской ССР, так как не хотят быть ни чехами, ни украинцами, а только русскими (русинами), автономными, в пределах советской России. Советские власти, будучи по существу русофобскими, проигнорировали их пожелание. Отец Алексий тяжело переживал этот отказ. Архимандрит Алексий скончался 2 декабря 1947 года и был погребен в основанном им Свято-Никольском монастыре. В 2001 году он был прославлен Украинской Православной Церковью в лике местночтимых святых в чине преподобных. Православные Восточной Словакии почитают его как исповедника.

[52] Минские епархиальные ведомости. 1914. № 4. Часть неофиц. С. 66.

---

* Священномученик Александр Александрович Хотовицкий (1872–1937); память 7/20 августа.

[53] В униатский период православные традиции подвергались непрерывному вытеснению, а их место занимали традиции католические и латинский календарь. Так особенно чтимым униатским праздником стало католическое торжество Тела и Крови Христовых (Corpus Christi), отмечаемое на 60-й день по Пасхе, то есть в четверг, следующий за Неделей (воскресеньем) Всех святых. Особенно торжественный характер этого праздника со всенародной процессией привел к тому, что православные приходы ко времени освобождения от униатской зависимости уже успели впитать эту католическую традицию. Чтобы возвратить верующих к православному литургическому календарю, Церковь стала торжественно праздновать возвращение в лоно православия отпавших некогда в униатство своих чад в тот же девятый четверг по Пасхе и так же со всенародным крестным ходом. До сих пор таким же образом в этот день совершается и торжественное празднование Белостокской иконы Божией Матери в ныне польском Белостоке — со всенародным крестным ходом с этой иконой.

[54] Минские епархиальные ведомости. 1913. № 13. Часть неофиц. С. 358.

[55] Там же. С. 358–359.

[56] Там же. 1918. № 3. Часть офиц. С. 11.

[57] *Кривонос Феодор, священник.* У Бога мёртвых нет. Неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917–1939 годы). Минск, 2007. С. 12.

[58] Минские епархиальные ведомости. 1916. № 6. Часть офиц. С. 45.

[59] Астраханские епархиальные ведомости. 1916. № 24–25. Отдел неофиц. С. 469–470.

[60] Минские епархиальные ведомости. 1917. № 3. Часть офиц. С. 14.

[61] Там же. С. 36.

[62] Протоиерей Иоанн Алексеевич Язвицкий (1868 – после 1933). Окончил Вифанскую духовную семинарию и Московскую духовную академию и около года был надзирателем сначала в Суздальском духовном училище, а затем во Владимирской духовной семинарии, после чего в 1894 году был назначен помощником инспектора Калужской духовной семинарии. С 1900 года — преподаватель литургики, гомилетики и практического руководства для пастырей в Минской духовной семинарии. В 1912 году он был назначен ректором Минской духовной семинарии, пробыл на этой должности до конца 1917 года. Редактировал «Минские епархиальные ведомости». С начала 1917-го по 1919 год занимал должность начальника Пастырской школы в городе Минске и возглавлял 1-ю Советскую школу. Во время польской оккупации в 1920 году был ректором восьмиклассной Христианской православной гимназии с двухгодичными пастырскими курсами при ней. Тогда же он был назначен настоятелем Переспенской кладбищенской церкви святой равноапостольной Марии Магдалины в Минске. В 1928 году он был приговорен к административной высылке из Белорусского военного округа сроком на три месяца. По приглашению епископа Вязниковского Николая (Никольского) отец Иоанн переехал в город Владимир и служил в Николо-Златоврат-ской и Вознесенской кладбищенской церквях до 1930 года. С 1930 года служил в селе Спас-Чамереве Судогодского благочиния. В 1933 году он был арестован и приговорен к пяти годам заключения в концлагерь.

[63] Минские епархиальные ведомости. 1917. № 3. Часть неофиц. С. 39–40.

[64] Там же. 1916. № 16. Часть офиц. С. 200.

[65] Там же. С. 201.

[66] Там же. № 8. Часть неофиц. С. 236–237.

[67] Там же. № 16. Часть неофиц. С. 490–494.

[68] Там же. № 16. Часть офиц. С. 188.

[69] Там же. 1917. № 1–2. Часть неофиц. С. 2.

[70] РГИА. Ф. 802. Оп. 11. 1912 г. Д. 85. Л. 8.

[71] Епископ Феофилакт (в миру Федор Игнатьевич Клементьев). Родился в 1870 году в Харьковской губернии в семье священника. В 1889 году окончил Харьковскую гимназию, в 1893 году — историко-филологический факультет Императорского Харьковского университета и в том же году поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. 15 января 1894 года он принял монашеский постриг, 17 февраля был рукоположен во иеродиакона, 24 декабря 1895 года — во иеромонаха. В 1897 году иеромонах Феофилакт окончил Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия и 26 марта 1898 года был назначен заведующим Российской духовной миссией в Урмии (Персия) с награждением наперсным крестом. В 1900 году утвержден в должности начальника Российской духовной миссии в Урмии и возведен в сан архимандрита. С 1902 года — настоятель Троицкого мужского монастыря в городе Козлове Тамбовской епархии. С 1903 года — настоятель Московского Заиконоспасского ставропигиального мужского монастыря. С 1907 года — настоятель Жировицкого Успенского мужского монастыря Гродненской епархии. В 1911 году хиротонисан во епископа Таганрогского, викария Екатеринославской епархии. С 4 апреля 1913 года — епископ Слуцкий, викарий Минской епархии. С 17 ноября 1917 года — епископ Елисаветпольский, викарий Тифлисской епархии, временно управляющий Кавказским экзархатом. С 1919 года — епископ Прилукский, викарий Полтавской епархии. 16 ноября 1922 года был избран временно управляющим Ростовской (на Дону) епархией, признал обновленческое ВЦУ.

В апреле–мае 1923 года — участник 2-го Всероссийского обновленческого поместного собора. В мае 1923 года утвержден епископом Ростовским и Азовским, председателем Ростовского епархиального управления. Скончался 9 сентября 1923 года, оставаясь в обновленческом расколе*.

[72] Минские епархиальные ведомости. 1917. № 6. Часть неофиц. С. 110.

[73] Там же. С. 110.

[74] Там же. № 7–8. Часть неофиц. С. 114–115.

[75] «Приветствуя с чувством живейшей радости обращенный к городскому духовенству призыв Владыки „объединиться, сплотиться“ ввиду переживаемых Отечеством нашим „головокружительных событий“ и находя призыв этот более чем своевременным, собрание духовенства, однако, полагает, что естественным и живым центром такого единения является в епархии правящий епископ, роль которого в жизни клира и паствы выразительно определена следующими словами святого отца: „Церковь в епископе, и епископ в Церкви, и кто не с епископом, тот и вне Церкви“**. При таком понимании дела, ставя на обсуждение вопрос об условиях пастырского взаимообщения духовенства, собрание никоим образом не могло оставить в тени столь близко соприкасающийся с ним вопрос и об условиях наиболее близкого единения клира с возглавляющим его епископом. К глубокому своему прискорбию, собрание вынуждено было отметить и подчеркнуть имеющийся налицо факт почти полной разобщенности архипастыря с подведомственным ему духовенством. Вникая беспристрастно в причины, породившие указанное

---

* *Лавринов Валерий, протоиерей.* Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016. С. 554.

** *Священномученик Киприан, епископ Карфагенский.* Письмо к Флоренцию Пупиану о поносителях.

печальное явление, пастырское собрание усматривает таковые главным образом в следующем:

1) В канцелярски бюрократическом способе общения епископа с подчиненным ему клиром. Не касаясь сложившихся веками исторических и бытовых условий церковной жизни, содействовавших образованию и упрочению подобной аномалии, собрание лишь указывает на очевидный жизненный факт и неустранимость его пока никакими паллиативами — ни епископскими объездами епархии поистине молниеносного характера, ни заведенными в обиходе архиерейской жизни приемами посетителей, крайне ограниченными в отношении времени и носящими характер того же мертвящего бюрократизма и сухой официальности (обязательная явка на прием в камилавке и т. п.). Благодаря вышеуказанным обстоятельствам, епархиальное духовенство по необходимости бывает лишено живого руководства со стороны епископа, видит редкую удачу и счастье в возможности побеседовать „усты ко устом“ со своим архипастырем; последний же, даже прослуживши десяток лет в епархии, иногда бывает не в состоянии „знать и глашать по имени“ своих соработников на ниве Божией, предпочитая иметь общение с ними „тростью и чернилами“ и беседовать языком убивающих душу живую циркуляров, предписаний, распоряжений епархиального начальства.

2) В наличности безответственных советников при епископе, образующих клику близких к нему и доверенных лиц, обычно злоупотребляющих своей близостью к архипастырю и нередко нарушающих правильное течение епархиальной жизни. При той замкнутости и отрешенности от жизни, которая составляет удел лиц епископского сана, и в то же время необходимости и для них быть осведомленными обо всех течениях ее, становится

вполне понятным и даже неизбежным происхождение фаворитства со всеми сопутствующими ему явлениями (лицемерием, угодничеством, шпионством и т. п.). Однако же это не освобождает духовенство от печальной обязанности в интересах охранения собственной сословной чести и высокого достоинства епископа сказать публичное осуждение столь позорному явлению и принять меры к пресечению зла, вносящего деморализацию в быт и нравы духовенства, расстраивающего взаимные отношения епископа и клира и порождающего рознь, недоверие, вражду там, где должны бы царить „правда, мир и радость о Духе Святом“.

Остановившись подробно на выяснении указанных причин, препятствующих тесному нравственному единению епископа с клиром, пастырское собрание, естественно, не могло ограничиться в обсуждении вопроса одними простыми пожеланиями, чтобы пали перегородки и средостения, заслоняющие епископа от взоров духовенства и паствы. Собрание дает себе ясный отчет в том, что эти пожелания будут далеки от осуществления до тех пор, пока рядовое духовенство будет находиться по-прежнему в исторически завещанном ему бесправном, приниженном состоянии и не будут обеспечены ему самые элементарные права свободной человеческой личности. Не разрешая данного вопроса во всей его широте и сложности, что, несомненно, будет сделано на предстоящем Поместном Соборе Русской Церкви, минское городское духовенство долгом совести почитает указать лишь на те начала, которые должны быть положены в „основу взаимного единения архипастыря и пастырей в интересах тех польз церковных“, о которых говорит Владыка в своем предложении.

1) Епархиальному духовенству должно быть предоставлено право са́мого свободного коллективного

обсуждения своих пастырских нужд и забот на так называемых пастырских собраниях. Как само собой очевидно, этому требованию не удовлетворяют принятые в практике епархиальной жизни благочиннические собрания, инициатива созыва которых принадлежит органам епархиальной власти, которые не свободны от административного гнета и усмотрения благочинных и которые, наконец, обязаны вращаться при обмене мнениями в кругу строго определенных вопросов. Периодически и притом возможно чаще созываемые по усмотрению самого духовенства, свободные от всякого внешнего давления и произвола, пастырские собрания, в нужных случаях усиливаемые представителями от мирян, внесли бы живительную струю в застывшие формы епархиальной жизни и, без сомнения, много содействовали бы нравственному объединению духовенства во главе со своим архипастырем.

2) Одновременно с предоставлением свободы мнения и суждения обезличенному в силу исторических условий русской церковной жизни приходскому духовенству должен быть освобожден от всяких цензурных стеснений печатный епархиальный орган, или так называемые „Епархиальные ведомости“. Назначение его — отображать епархиальную жизнь во всех ее перипетиях, давать посильный отклик на запрос современности и в конечном счете способствовать идейному объединению духовенства и паствы. Между тем бюрократическая опека епархиальной власти и выработанные ею цензурные условия повели к полному вырождению этих повременных изданий, влачащих в большинстве случаев самое жалкое существование и пробавляющихся печатанием сведений официального характера да проповедей и хроник в неофициальной части. Можно с уверенностью сказать, что никакие внешние меры, никакие самые героические усилия редакторов

не поведут к обновлению этих мертворожденных органов, пока не будет открыта возможность духовенству свободно и правдиво высказываться на страницах „Епархиальных ведомостей“.

3) В целях еще большей осведомленности епископа обо всех явлениях епархиальной жизни, а также устранения вредных явлений закулисного характера на церковные дела, собрание считает настоятельно необходимым скорейшее учреждение при епископе церковно-общинного совета в составе представителей от священников, диаконов, псаломщиков и мирян, избираемых на общем собрании городского духовенства и представителей от приходов г. Минска. Не претендуя на какие-нибудь административные и судебные функции в сфере епархиальной жизни, церковно-общинный совет имел бы совещательное значение при епископе, являясь соединительным звеном между архипастырем, духовенством и паствой, способствуя правильному освещению вопросов местного церковного характера и давая в необходимых случаях толчок к проявлению архипастырской инициативы.

4) Наконец исключительные обстоятельства переживаемого момента повелительно требуют, по мнению собрания, и чрезвычайной меры к объединению духовенства и епископа, каковой является созыв епархиального съезда духовенства в ближайшее время. Нужда в этом сознана была сразу после государственного переворота, и в некоторых епархиях подобные съезды уже состоялись, определив отношение духовенства к переживаемым событиям. Не может пребывать в инертном состоянии духовенство и Минской епархии, если хочет принять участие в деле строительства народной жизни. Съезд и связанное с ним коллективное, свободное обсуждение церковно-политических вопросов определили бы должный курс епархии

более, чем циркуляры центральной власти, принимаемые к сведению и исполнению большей частью на бумаге.

Перейдя затем к более частному вопросу об условиях взаимообщения в самой пастырской среде, собрание не могло скрыть от себя того грустного факта, что исторически сложившийся строй церковной жизни, тесно связанный с рухнувшим политическим режимом и обусловивший вышеуказанную разобщенность епископа с клиром, в то же время был неблагоприятен и для развития чувства пастырской солидарности, культивировав в быту духовенства такие свойства и качества, которые менее всего уместны в лице служителей Церкви. В этом отношении внимание собрания было обращено преимущественно на следующее. Вековое приниженное положение рядового духовенства, державшегося всегда в черном теле нашей высшей иерархией, повело к атрофированию чувства чести, а несвойственная пастырскому званию оценка развила в пастырской среде дух мелочного тщеславия, карьеризм, подобострастие, низкопоклонство и т. п. Находя необходимым бороться с этими отрицательными явлениями в жизни духовенства, пастырское собрание пришло к мысли о введении в действие тех судов чести, проект которых был разработан на одном из ранее бывших съездов духовенства Минской епархии и утвержден резолюцией покойного архиепископа Михаила; с другой стороны, собрание выражает пожелание, чтобы практикующийся ныне способ награждения духовенства, был бы если и не уничтожен полностью (что выходит за пределы компетенции епархиальной власти), то по крайней мере переработан настолько, чтобы не противоречил идее пастырского служения и требованиям справедливости»*.

---

* Минские епархиальные ведомости. 1917. № 7–8. Часть неофиц. С. 115–120.

[76] РГИА. Ф. 796. Оп. 204. Д. 80. Л. 6–7.

[77] Минские епархиальные ведомости. 1917. № 7–8. Часть неофиц. С. 123–126.

[78] РГИА. Ф. 796. Оп. 204. Д. 80. Л. 5.

[79] Минские епархиальные ведомости. 1917. № 12. Часть неофиц. С. 209.

[80] Там же. № 9–10. Часть неофиц. С. 142–143.

[81] Там же. 1918. № 1. Часть неофиц. С. 2–3.

[82] Там же. С. 1–3.

[83] Там же. № 2. Часть неофиц. С. 4.

[84] Протоиерей Стефан Иванович Кульчицкий (1879–1937). В 1900 году окончил Минскую духовную семинарию, в 1904 году — Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1904 году он был рукоположен во священника. С 1907 года — преподаватель Минской духовной семинарии. В 1914 году отец Стефан был возведен в сан протоиерея. В 1917 году был участником съезда белорусского православного духовенства в Минске. Участник Поместного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 годов. Служил в кафедральном Петропавловском соборе в городе Минске. Вместе с католическим священником Винцентом Годлевским избран в комитет Минского белорусского представительства. С апреля 1918 года в качестве представителя комитета вошел в состав Рады Белорусской Народной Республики. 9–10 августа 1927 года принял участие в съезде представителей православного духовенства и верующих Минской епархии. Являлся одним из инициаторов образования Белорусской Автокефальной Православной Церкви, был ближайшим помощником епископа Бобруйского Филарета (Раменского). Заслугой протоиерея Стефана стало то, что обновленчество не получило в Минской епархии широкого распространения. Из двух зол — внецерковное обновленчество

или неканоническая автокефалия — он выбрал, как ему казалось, меньшее. Протоиерей Стефан был арестован 28 июля 1937 года и 1 ноября того же года расстрелян в Минске.

[85] *Кривонос Феодор, священник.* У Бога мёртвых нет. Неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917–1939 годы). Минск, 2007. С. 25.

[86] После образования в 1919 году Польского государства на его территории оказалось по разным оценкам от пяти до шести миллионов русских (великороссов, малороссов и белорусов) православного вероисповедания, в распоряжении которых было около трех тысяч храмов. Сразу же после получения Польшей независимости начался процесс массового закрытия и разрушения православных храмов, шедший параллельно с процессами, проходившими в тот же период в советской России. Уже в первый год правления польского правительства у православных было отобрано около четырехсот церквей, многие из которых были разрушены до основания. В городе Холм была взорвана церковь святых равноапостольных Кирилла и Мефодия под предлогом необходимости установления на ее месте памятника Свободы. Из трехсот храмов на Холмщине было оставлено только несколько десятков, все остальные закрыты. В городе Плоцке православный собор был переделан в костёл, лики святых или замазаны или уничтожены. Гимназическая церковь была превращена в католическую часовню. Во Влоцлавске в полковой часовне был устроен танцзал с вывеской на польском языке: «Зал для танцев и развлечений». Взорван был и величественный Александро-Невский собор в Варшаве, причем свое решение разрушить собор Польский сейм обосновывал тем, что он якобы является свидетельством

Александро-Невский кафедральный собор в Варшаве

польской неволи*. Собор был возведен в 1912 году известным русским архитектором Л. Н. Бенуа в стиле русских храмов XII века. 2 июня 1894 года архиепископ Холмский и Варшавский Флавиан (Городецкий) освятил место под строительство, а 30 августа, в праздник святого благоверного князя Александра Невского совершил закладку собора. Третий камень положил протоиерей Иоанн Кронштадтский, который пожертвовал на постройку храма 13 500 рублей. В постройке автору помогали академики архитектуры В. А. Покровский, П. А. Феддерс и архитектор В. Н. Покровский. Живопись была выполнена крупнейшими русскими художниками под руководством В. М. Васнецова: Н. Н. Харламовым, В. В. Беляевым, Н. А. Кошелевым, А. П. Рябушкиным, В. И. Отмаром,

---

* *Свитич А. К.* Православная Церковь в Польше и ее автокефалия // Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии. 1917–1950 гг. Сборник. М., 1997. С. 93–94.

Разрушение Александро-Невского кафедрального собора. 1925 год

М. С. Судковским, Ф. Р. Райляном, Н. П. Шаховским; мозаики были выполнены известнейшей мастерской Фроловых. Общая стоимость постройки с живописью составляла 387 027 рублей 26 копеек, что по тем временам представляло собой громадную сумму; храм вмещал две с половиной тысячи человек. Разборка собора была начата в 1920 году и завершена в 1926-м. Для его уничтожения пришлось использовать 14 800 взрывов. Колонны из собора, сделанные из яшмы, были использованы для изготовления надгробия Ю. Пилсудского в Кракове. Против уничтожения Собора горячо выступил в польском Сенате сенатор В. В. Богданович, который, обращаясь к польским законодателям, сказал: «Достаточно пойти на Саксонскую площадь, посмотреть на оголенные купола наполовину разрушенного собора. Не говорите, господа, что он должен быть разрушен как памятник неволи. Я бы сказал, что пока он стоит, то является наилучшим

памятником для будущих поколений, поучая их, как нужно уважать и беречь свою Родину; разобранный же памятник — позорным памятником нетерпимости и шовинизма! Нельзя не обратить внимание на то, что в этом соборе есть выдающиеся художественные произведения, в которые вложено много духовных сил лучших сынов соседнего народа, — и те, кто создавал эти произведения искусства, не думали ни о какой политике. Польский народ чувствует это. <…> Но наших политиков это никак не трогает. А вот приезжают иностранцы, англичане, американцы, с удивлением взирают на это, фотографируют и фотографии распространяют по всему миру, естественно, вместе с мнением о польской культуре и цивилизации…»*

В 1919 году по инициативе Управления восточных земель был разработан и представлен Министерству исповеданий проект устройства Православной Церкви в Польше, ставящий своей целью отделить православные приходы в Польше от Русской Православной Церкви, чтобы затем, максимально влияя на них, полностью подчинить их власти государства. Для достижения этой цели необходимо было предварительно учредить автокефалию, причем желательно минуя переговоры по этому вопросу с Русской Православной Церковью, которая, будучи гарантом религиозной свободы православных в Польше, могла этому воспротивиться. Власти полагали это сделать захватным способом. Поэтому «проект… предусматривал не объявление новой автокефалии, но возобновление прежней автокефалии Литовско-русской, времен Витольда**, объявленной

---

* *Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л.* Православные в межвоенной Польше и их лидер сенатор В. В. Богданович // Радонеж. № 9–10. М., 1999. С. 10–11.

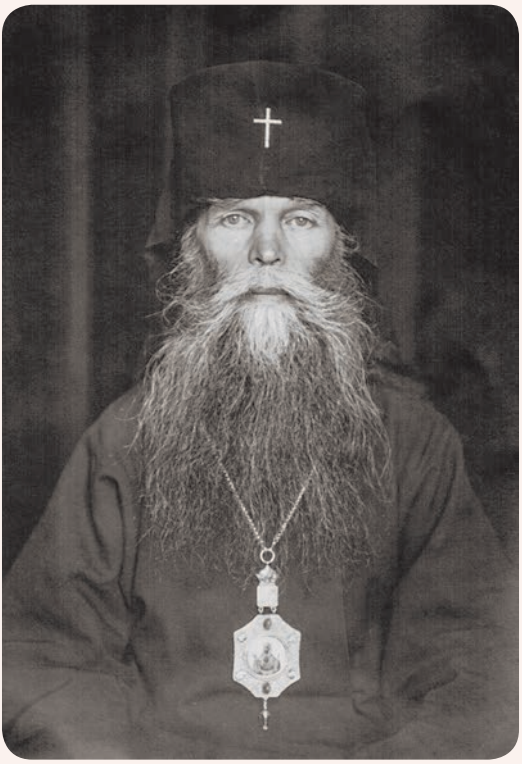
** Польское именование великого князя Витовта.

церковно-национальным собором в 1414 году»*. Но этот проект был отвергнут. Тогда гражданские власти Польши решили обратиться непосредственно к Константинопольскому патриарху, но тот отклонил просьбу польского правительства о даровании Православной Церкви в Польше автокефалии, так как никто из находящихся в Польше епископов о ней не просил.

Как бывает в подобного рода случаях, стали искать епископа-ренегата, который согласился бы узурпировать церковную власть, действуя затем как орудие правительства. Предложили сыграть эту роль епископу Литовскому и Виленскому Елевферию (Богоявленскому; 1868–1940) и управляющему Гродненской епархией епископу Белостокскому Владимиру (Тихоницкому; 1873–1959). Оба епископа отказались. Высказал желание содействовать планам польского правительства в установлении автокефалии епископ Кременецкий Дионисий (Валединский; 1876–1960), который в связи с этим стал даже составлять план действий, но из-за своей нерешительности он вызвал недоверие у польских властей.

Власти стали искать кандидата на эту роль за пределами Польши. Бывший архиепископ Минский Георгий (Ярошевский), у которого деньги почти подошли к концу, узнав, что польское правительство ищет кандидата на Варшавскую кафедру, обратился к польскому послу в Риме Константину Генриховичу Скирмунту (1866–1949) с предложением своих услуг. К. Г. Скирмунт, взяв с него расписку с обязательствами исключительного служения Польше, сообщил польскому правительству о предложении архиепископа Георгия. В июле 1921 года правительство пригласило его в Варшаву, наведя предварительно о нем справки.

* ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 17. Л. 8 об.



Епископ Белостокский Владимир (Тихоницкий)

В информационной записке отдела безопасности Новогрудского воеводского правительства от 19 мая 1921 года об архиепископе Георгии сообщалось: «Занимался преимущественно делами образовательными, без особого вдохновения отправлял службу Божию, проповедовал в высоком и литературном стиле, а политикой совсем не интересовался, как будто бы эта сторона деятельности была ему совсем безразлична. В противовес своим предшественникам, постоянно нападавшим на другие исповедания, — не имел симпатий среди белого духовенства, а тем более не был популярным в тех сферах»*.

* Архив новых актов (Варшава). Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświacenia Publicznego. Sygn. 1003, k. 25 / Цит. по: *Стародуб А. В.*

Желая поближе познакомиться с находившимися тогда в Польше пастырями, архиепископ Георгий в сентябре 1921 года отправился в Гродно, где встретился с епископами Елевферием и Владимиром. Беседа проходила в парке. Архиепископ Георгий с собеседниками был приветлив, во всём с ними на словах соглашался, но своего мнения по наиболее существенным вопросам, касающимся существования Православной Церкви в Польше, не высказывал. По уходе епископов, оставшись наедине с двумя священниками, он вдруг оживился и стал рассказывать о своих впечатлениях о заграничной жизни, с особой неприязнью помянув митрополитов Северо-Американского Платона (Рождественского) и Киевского Антония (Храповицкого). «С длинными всклокоченными бородами и волосами, в длинных засаленных рясах — они выглядят в Европе какими-то дикарями, являются кричащим атавизмом на общем фоне европейской жизни, — заявил он. — Просто стыдно за них. Пора уже бросить это заскорузлое православие с поклонами, постами и елеем… Мы здесь устроимся по-иному. И как легко всё это сделать здесь — завести свою совершенно самостоятельную Церковь, обеспечить в ней почетное и безбедное положение!.. Народ ведь здесь простой и послушный. Вот увидите, как всё это легко и скоро можно устроить»*.

Что́ советское правительство в России делало для уничтожения Церкви, организуя для этой цели завербованных ОГПУ обновленцев, то польское правительство осуществляло через учреждение автокефалии,

---

Православна Церква в Польщі на початку 1920-х рр. крізь призму судового процесу над Павлом Латишенком (архімандритом Смарагдом) // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. Т. 8. Ч. 2. Київ, Хмельницкий, 2002. С. 151–177. Прим. 26.

* ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 17. Л. 19 об.

воспользовавшись беспринципностью сребролюбивых и тщеславных архиереев: архиепископа Георгия и епископа Дионисия. Теперь только всего и нужно было, чтобы большинство архиереев их поддержало.

Министр исповеданий Мацей Ратай (1884–1940), секретно встретившись с епископом Кременецким Дионисием (Валединским) и епископом Пинским Пантелеимоном (Рожновским; 1867–1950), поставил перед ними ясную и конкретную задачу: оторвать православные приходы от Русской Православной Церкви, создав на территории Польши автокефалию. Ни епископ Литовский Елевферий, ни епископ Гродненский Владимир, ни епископ Холмский Сергий (Королев; 1881–1952) не были извещены об этом совещании, так как польскому правительству было хорошо известно, что ни один из них не сочувствует подобного рода раскольническим инициативам.

8 сентября 1921 года в Варшаве состоялся съезд представителей всех православных приходов Польши, который, учитывая распространившиеся слухи об образовании в Польше автокефалии, единогласно принял следующее решение: «Собравшиеся, как представители всего православного населения, проживающего на территории Польши, иначе и не мнят себе Православной Церкви в Польше, как нераздельной частью единой Всероссийской Церкви, возглавляемой Святейшим Патриархом Московским Тихоном»*.

На следующий день председатель Православного церковного совета в Польше Николай Семенович Серебренников** посетил архиепископа Георгия, бывшего

---

* ГА РФ. Ф. 5999. Оп. 1. Д. 7. Л. 19.

** Николай Семенович Серебренников (1873–1951) — купец, общественный деятель, происходил из местных старообрядцев. Он был единственным русским депутатом польского Сейма 1-го созыва,

Минского, и епископа Пинского Пантелеимона, чтобы сообщить архипастырям о решении съезда. Услышав о решении съезда, архиепископ Георгий крайне возмутился и заявил, что съезд не имеет права касаться этого вопроса как канонического, не подлежащего его компетенции, и своими решениями связывать свободу архиерейской совести и суждений по этому вопросу. Епископ Пантелеимон наоборот, осенив себя крестным знамением, сказал, что рад вынесенному съездом решению и что теперь епископы знают мнение своей паствы и могут решительно отвергнуть начинания, несогласные с принятым постановлением.

Епископ Пантелеимон (Рожновский)

В отместку за действия Православного церковного совета, собравшего в Варшаве съезд представителей всех православных приходов Польши, архиепископ Георгий, сам себя уже называвший экзархом Православной Церкви в Польше, 29 октября 1921 года сообщил председателю Совета Николаю Серебренникову, что не дает благословения на деятельность Совета в Польше: Совет, не получивший его благословения, не может считаться легальной организацией на территории Варшавско-Холмской епархии, и он просит служащих Совета немедленно освободить помещения, которые они занимают.

занимался издательским делом, владел русским книжным магазином в Варшаве.

За месяц до этих событий, 16 сентября 1921 года, три архипастыря — архиепископ Георгий, епископы Дионисий и Пантелеимон — сговорились отправить патриарху Тихону письмо, содержание которого должно было ввести патриарха в заблуждение относительно церковных дел в Польше и подвигнуть его к тому, чтобы он благословил их на создание автокефальной Церкви. Обрисовав общими фразами тяжелое положение православия в Польше, они, в частности, писали: «Главною бедою нынешнего здесь тяжелого положения Православной Церкви является отсутствие высшего церковного управления, которое объединяло бы всю церковную жизнь и могло бы по всем вопросам церковной жизни вступать в сношение с правительством. Правительство готово, по принципам своей государственной конституции, оказывать Православной Церкви всякую поддержку и внимание, но решительно заявляет, что оно сделает это только в том случае, если Православная Церковь в Польше устроится, с благословения Вашего Святейшества, на началах автокефалии. Хорошо зная историю Западно-русской Церкви и поставленные Промыслом лицом к лицу с необходимостью теперь же высказаться по вопросу об автокефалии Православной Церкви в Польше, мы сыновне и усерднейше просим Ваше Святейшество отечески войти в рассмотрение судеб нашей Святой Церкви в пределах Польши и дать по вопросу об автокефалии ее свое первосвятительское решение, благосклонное, отеческое.

Мы же со своей стороны смиреннейше докладываем Вашему Святейшеству о своей полной готовности и согласии отдать все свои силы на служение Святой Православной Церкви и на началах автокефалии ее в Польше, если на то последует святительская воля и благословение

Вашего Святейшества»*. Причем один из подписавших письмо, ставший во главе движения автокефалистов, архиепископ Георгий, подписался под ним весьма оригинально: «бывший Минский, которому польским правительством предложено временное управление Варшавской и Холмской епархией».

В тот же день архиепископ Георгий направил письмо епископу Белостокскому Владимиру (Тихоницкому), требуя от него, чтобы он отказался от управления Варшавско-Холмской епархией, аргументируя это тем, что действия государственных чиновников по лишению архипастырей права управлять епархиями вполне законны. «Епископы Дионисий Кременецкий и Пантелеимон Пинский, — писал он, — ознакомившись с тем, что правительство польское отчислило Ваше Преосвященство от управления Варшавско-Холмской епархией и что епископ Бельский Сергий не признается в своих правах как назначенный без согласия польского правительства, что, конечно, весьма неблагоприятно отразится на делах управления названной епархией, предложили мне немедленно для пользы дела вступить в управление Варшавско-Холмской епархией впредь до сношения со Святейшим Патриархом, о чем они уведомляют и других православных архиереев Польши, прося их согласия на это. Я принял предложение с условием, если на мое временное управление Варшавско-Холмской епархией последует согласие со стороны архиереев Польши.

Сим письмом я испрашиваю Вашего согласия и благословения на вступление в указанное управление и надеюсь, что, ввиду проявленного Вами доброго отношения ко мне в Гродно, Вы не откажете в этом. До получения Вашего

* ГА РФ. Ф. 5999. Оп. 1. Д. 7. Л. 3 об.–4.

согласия я не считаю возможным вступить в управление, несмотря на выше упомянутое предложение.

Тот или иной ответ прошу Вас сообщить мне в возможно непродолжительном времени.

Вашего Преосвященства
милостивого архипастыря
покорный послушник и богомолец,
архиепископ Георгий, бывший Минский»*.

В сентябре 1921 года из Гродно был направлен патриарху Тихону рапорт, в котором излагалось положение православных храмов, отбираемых польскими властями и передаваемых католикам. Рапорт подписали: архиепископ Виленский Елевферий, епископы Гродненский Владимир и Бельский (Холмский) Сергий, архимандрит Смарагд (Латышенков) — нареченный епископ в Дубно, председатель Православного церковного совета в Польше Николай Серебренников и исполняющий должность ректора Виленской духовной семинарии Вячеслав Богданович.

В нем, в частности, говорилось: «Из 38 приходов Бельского уезда только 11 приходов осчастливлены правом свободного служения своему Богу.

Такое же сокращение приходов проводится правительством и в других уездах и вызывает негодование населения. В закрытые приходы власти не допускают священников, несмотря на усиленные ходатайства и приговоры прихожан, настойчиво требующих присылки к ним священников.

Так Старо-Корнинский и Дрошчанский приходы Бельского уезда стоном стонут, что власти не дозволяют жить у них при церкви назначенным к ним епархиальною властью священникам. Это обстоятельство налагает

* ГА РФ. Ф. 5999. Оп. 1. Д. 7. Л. 17.

на православное духовенство совершенно новые задачи сдерживать негодование населения, чтобы не быть обвиненными в несоответствии видам властей.

В Журнале уставов (№ 110 год 1920) пропечатан трактат между Великими Союзными и дружественными державами и Польшей, подписанный в Версале 28 июня 1919 года, § 2 Отдела 1 гласит:

Все жители Польши будут иметь право свободного выполнения практик … публично, как и в частной жизни, веры, религий и верований. § 1: Польша обязуется, что каждое учреждение, каждое распоряжение не будет чинить никаких препятствий и преследований против этих постановлений.

Прихожане Ново-Дворской церкви Сокольского уезда за многочисленными собственноручными подписями подали управляющему Гродненской епархии прошение <…>, в коем изложили: 8 сентября (ст. ст.) в большой праздник Рождества Пресвятой Богородицы во время литургии при большом стечении народа явился в храм полицейский чиновник в шапке и с карабином и стал требовать прекращения богослужения и удаления всех из церкви. Народ не подчинился требованию, несмотря на то что полицейский, Александр Бацьконский, много раз повторял свое требование. По окончании богослужения и выходе народа из храма полициант повесил свой замок на дверь церкви. Об этом сообщено прокурору Белостокского окружного суда 29 сентября 1921 года.

12 апреля 1921 года в село Верейки Волковысского уезда явился начальник района Юхневич с ксёндзом из Малой Берестовицы и с толпою людей католиков для отобрания у православных приходской церкви. Когда в момент прибытия означенных лиц местного священника не оказалось дома, была арестована его жена и уведена

с грудным ребенком в имение Верейки и заключена под стражу, где пробыла 4 часа. Достав ключи от церкви, начальник полиции и ксёндз Марцинкевич отворили церковь и в шапках, толпою царскими дверями вошли в алтарь, вырвали укрепленный к месту <…> престол, сломали священный крест под престолом, вынесли престол и все святыни царскими вратами из храма и бросили на землю возле церкви. Когда во время всего этого некоторые из толпы — католики — не решались производить вышеописанные действия, бывший тут же ксёндз Марцинкевич одобрял их словами: „не бойтеся, я уже говорил вам, что папа Римский обещал, что в Польше не останется ни одного схизматика (православнаго) и я за всё отвечаю“. Затем вышеуказанные лица сломали, раздробили в щепки иконостас и выбросили из церкви. Через несколько дней приехал начальник района Юхневич и потребовал, чтобы православные подписали акт, что при отнятии у них церкви было принято ими всё имущество в целости, а для того, чтобы склонить к подписи, Юхневич объявил, что православные должны подписать акт этот, так как в нем говорится только о тех предметах, которые не сломаны, а о сломанных он предложит другой акт к подписи. Первый акт был подписан, а второго Юхневич не писал и не предлагал к подписи и донес по-своему начальству, что всё передано в целости, как и в акте сказано, а местный священник, заявивший о поломке, был обвинен в том, что вводит власти в заблуждение. В результате министр исповеданий письмом от 1 июля 1921 года за № 4961 потребовал от епископа „немедленного удаления православного священника Мартынюка из Вереек и перевода его в другое место, в котором его деятельность не будет приносить столько потерь для жителей“. Через неделю после отобрания приходской Верейской церкви была отобрана церковь кладбищенская

Верейская же, выстроенная православными прихожанами на свои средства из бывшей старой деревянной православной церкви. В марте месяце перед Благовещением в текущем 1921 году в село Высоцк Слонимского уезда приехал из Молчады ксёндз и, испросив у доверчивой жены церковного старосты ключи от церкви (старосты не было дома), отпер церковь, осмотрел и, заперев церковь, ключи забрал с собою. На все просьбы о возврате ключей ксёндз отвечал — до распоряжения властей он ключей не отдаст. Спустя три недели после этого ксёндз вторично приехал в Высоцк уже с милициантом и, войдя с ним в церковь, заперся там. Началась ломка иконостаса. На стук в церкви собрался народ. На неоднократные требования отворить церковь — ответа не было. Когда по просьбе прихожан прибыл из соседнего села комендант, дверь была отворена. Иконостас был уже сломан, иконы, хоругви и другие вещи были снесены на хоры. Народ высказывал негодования, а ксёндз через неделю уже совершал службу, которую совершает до сего времени.

Насильственно захватываются ксёндзами с одобрения властей такие церкви, здания которых никогда прежде не были католическими костёлами, и обращаются в костёлы в таких даже местах, где римско-католиков или вовсе нет, или они в самом небольшом количестве, — для целей, видимо, миссионерских, как например в селе Завыках Белостокского уезда (приписанная к Кожанской), в селе Дойлидах того же уезда, в местечке Жировицах Слонимского уезда, в деревне Козловичах (приписанная к Верцелишской церкви) Гродненского уезда, Городисской Бельского уезда, Годышевской с прихожанами Бельского уезда.

Могучим средством борьбы с православной верой избрало правительство отнятие от православных приходов церковной земли, домов, хозяйственных служб. В этих

случаях священник лишается физической возможности существования и должен оставлять приход, так как прихожане, разоренные войною, не в состоянии содержать своего священника. Гражданские власти отдают в аренду посторонним лицам, преимущественно католикам, церковные земли, вовсе не считаясь с тем, что на местах находятся священники, не имеющие иных средств содержания, кроме церковной земли. <…>

Жировицкий монастырь доносит, что Слонимский надавчий* комитет произвел отчуждение усадебной монастырской земли с 11 домами, огородами и садами; что в православной церкви, никогда не бывшей костёлом, взломан иконостас, устроен костёл, при нем приют на 140 душ детей — из 120 православных и только 20 католиков, а заведывание приютом насильем взято католиками, которые водят православных детей в костёл и заставляют православных детей учить польские молитвы. <…>

Не допуская священников в закрываемые приходы, лишая их физической возможности существования в приходах через отнятие у них земель, жилищ и т. д., правительство, в союзе с дружественным ему латинским духовенством, оставляет массы православного населения без духовного руководительства, а поселяющиеся на место удаленных с приходов православных священников латинские ксёндзы заманивают православных указанием на то, что католики живут в ласке у начальства, занимают должности, имеют поддержку от начальства во всём, тогда как на долю православных остается лишь унижение, нищета, беззащитность. Сытость ксёндзов, внешний их лоск, избыток всякого довольства, дружество с власть имущими действуют обаятельно на темные массы и дают

* Передаточный.

властям приятную уверенность, что все подданные Великой Польши сольются в одну польскую национальность, когда, по вышеприведенным словам ксёндза Марцинкевича, сбудется обещание Римского папы, что в Польше не будет ни одного схизматика (православного). Так объявленная в Сейме свобода совести и вероисповедания (111 статья Закона Конституционного, одобренного Сеймом 17 марта 1921 года) куда тяжелее православному населению в Польше, чем монгольское иго XIII века, когда татарские ханы оказывали Православной Церкви разные льготы и обеспечивали ее права, видя в ней оплот внешнего порядка»*.

29 сентября 1921 года министр религиозных исповеданий и общественного просвещения Польши сообщил епископу Владимиру (Тихоницкому), что тот освобождается от управления епархией по причине болезни. Однако епископ Владимир не согласился ни с этим странным решением, ни с его обоснованием, написав, что он чувствует себя достаточно хорошо, чтобы управлять епархией. А кроме того, такое отстранение его от управления невозможно как совершённое в одностороннем порядке светской властью и неканоничное и ничего, кроме возмущения, среди православного населения такое решение вызвать не может; архиепископ же Георгий (Ярошевский), которому светская власть предполагает передать управление двумя епархиями, не может его принять, и сам признаёт такое решение канонически недействительным.

Вскоре после несостоявшегося Собора архиепископ Георгий и епископ Дионисий составили от лица якобы всего епископата Польши прошение патриарху Тихону

---

* Польша–Беларусь (1921–1953 гг.). Сборник документов и материалов. Минск, 2012. С. 38–42.

Архиепископ Елевферий (Богоявленский)

о даровании Польской Церкви автокефалии как единственного будто бы средства для спасения православных приходов в Польше. Епископ Пинский Пантелеимон согласился было подписать это прошение, но затем, увидев, к чему клонится дело, категорически отказался от участия в церковной авантюре. К епископу Гродненскому Владимиру прошение на подпись привез в Гродно директор Департамента Стржалковский, но епископ отказался его подписывать. Архиепископу Елевферию (Богоявленскому) и епископу Сергию (Королеву), позиция которых была известна, подписывать этот документ не предлагалось.

24 января 1922 года архиепископ Георгий созвал в Варшаве архиерейский Собор, в котором приняли участие, кроме него самого, епископы Дионисий, Пантелеимон и Владимир. Также в нем участвовали архимандрит Александр (Иноземцев)*, ректор Волынской духовной

---

* Архимандрит Александр (в миру Николай Иванович Иноземцев; 1887–1948), впоследствии епископ. Окончил Тобольское духовное училище и Тобольскую духовную семинарию. В 1909 году поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию, где в 1912 году ее ректором, епископом Георгием (Ярошевским), был пострижен в монашество и рукоположен во иеромонаха; по окончании академии в 1913 году оставлен в ней помощником инспектора. В сентябре 1918 года возведен в сан архимандрита и назначен минским епархиальным миссионером. В декабре 1918 года с отступлением немецких войск из Белоруссии выехал на Украину, сопровождая архиепископа Георгия (Ярошевского). В августе 1921 года переехал в Польшу и был ближайшим помощником архиепископа Георгия в организации антиканонической автокефалии Православной Церкви в Польше. Секретарь Собора православной

семинарии протоиерей Александр Громадский и священник Василий Александрович Мартыш, руководитель православного военного духовенства*; трое последних были

митрополии в Польше, состоявшегося 24 января 1922 года в Варшаве. 4 июня 1922 года митрополитом Георгием (Ярошевским) и епископом Дионисием (Валединским) хиротонисан во епископа Люблинского, несмотря на протест канонических архиереев митрополии. После присоединения Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР перешел в юрисдикцию Русской Православной Церкви. Оказавшись за пределами СССР, епископ Александр (Иноземцев) совместно с епископом Волынским и Кременецким Алексием (Громадским) 1 ноября 1939 года создали Священный Синод Православной Церкви в границах Западной Украины и Западной Белоруссии, включив в его состав епископа Острожского Симона (Ивановского). Так возник новый церковный раскол. Летом 1940 года епископов Западной Украины и Западной Белоруссии вызвали в Московскую патриархию для оформления возврата в Русскую Православную Церковь. Акт воссоединения включал покаяние прибывших архиереев, их исповедь и совместную службу с Местоблюстителем митрополитом Сергием (Страгородским). Архиепископ Александр в Москву под предлогом болезни не приехал и был уволен на покой. После нападения на СССР фашистской Германии и оккупации Украины и Белоруссии вошел в юрисдикцию митрополита Дионисия (Валединского). С одобрения митрополита 8–10 февраля 1942 года архиепископ Александр и епископ Поликарп (Сикорский) провели в Пинске самочинный «Собор автокефальных украинских епископов» и рукоположили трех «архиереев». «Собор» принял «в сущем сане» в свою новую «автокефалию» клириков самосвятской, так называемой «Украинской Автокефальной Церкви», возникшей в 1921 году. В августе 1942 года архиепископ Александр председательствовал на «Соборе» в Луцке, провозгласившем неканоническую автокефалию Украинской Церкви, что было осуждено Русской Православной Церковью. «Собор» объявил архиепископа Александра митрополитом. В 1944 году эвакуировался из Пинска в Мюнхен, где вошел в общение с Русской Православной Церковью Заграницей. 15 мая 1946 года Синод РПЦЗ в Мюнхене осудил УАПЦ и исключил «митрополита» Александра из церковного общения. В конце февраля 1948 года он трагически скончался при загадочных обстоятельствах в Мюнхене.

* Василий Александрович Мартыш (1874–1945), протоиерей. Уроженец Холмщины. После окончания в 1897 году Холмской духовной семинарии служил священником-миссионером на Аляске и в Канаде, затем в Силезии. В независимой Польше был протопресвитером

Протопресвитер военного духовенства Василий Мартыш

лично преданы архиепископу Георгию. В качестве представителя государства на Соборе присутствовал директор Департамента исповеданий Антоний Пониковский (1878–1949). В его задачу входило убедить архиереев подписаться под «Временными правилами», написанными в Департаменте и ставящими Православную Церковь на территории Польши под контроль государства и, по существу, лишающими ее каких бы то ни было прав.

30 января «Временные правила» подписали архиепископ Георгий и епископ Дионисий; епископы Владимир и Пантелеимон отказались подписывать этот документ.

30 января 1922 года патриарх Тихон по просьбе польского правительства, переданной через польского посла в Москве, дал архиепископу Георгию «почетный титул митрополита». Впоследствии, разъясняя каноническое положение и границы

Антоний Пониковский

военного духовенства. Выйдя на пенсию в 1936 году, уехал на родину. В Страстную Пятницу, 4 мая 1945 года, был убит напавшими на его дом польскими националистами. В 2003 году прославлен Польской Православной Церковью в числе мучеников Холмских и Подляшских.

епархиальной власти митрополита Георгия, патриарх Тихон писал: «митрополит Георгий не был „митрополитом всея Польши“, то есть канонической юрисдикции „областного митрополита“… не имел»*.

В тот же день патриарх Тихон направил польскому правительству положение о Высшем управлении Православной Церковью в Польше, в котором были прописаны права Польской Церкви на широкую автономию. Правительство не приняло этого положения. В копии, для сведения, это положение было направлено митрополиту Георгию. Получив копию положения, митрополит Георгий переделал его, вычеркнув из него все пункты, которые ограничивали бы его личную власть: об отношении к патриарху, о зависимости митрополита от Собора, о высшем органе управления Церковью и тому подобном. В таком искаженном виде, в сопровождении циркулярного письма от 7 марта 1922 года, он направил документ находившимся в Польше епископам; в циркулярном письме говорилось, что это и есть окончательное и законное распоряжение, причем вина за устранение из документа ряда пунктов возлагалась на польское правительство. Правительство знало, что изначальный документ является подлинным, а отнюдь не тот, который переделал в свою пользу митрополит Георгий. Но так как подлинный документ не устраивал правительство, то через своего посла в Москве Титуса Филипповича (1873–1953) оно потребовало дальнейших переговоров, отвергнув канонически обоснованные предложения патриарха.

На настойчивые требования польского правительства даровать приходам в Польше автокефалию патриарх Тихон дал польским властям по существу исчерпывающий

* ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 17. Л. 24.

Польский посол Титус Филиппович

ответ, написав: «Священные каноны нашей Церкви предусматривают автокефалию для отдельных самостоятельных народов. Если бы польский народ, получивший недавно суверенность, был православным и просил об автокефалии для себя, мы бы ему в этом не отказали, но давать автокефалию для разноплеменных православных, проживающих в пределах Польского государства на положении национальных и религиозных меньшинств, нам не позволяют ни здравый разум, ни священные каноны. Что возможно, то мы уже дали православным в Польше — широкую поместно-церковную автономию»*.

В начале 1922 года представитель польского правительства снова явился к патриарху Тихону, чтобы узнать, как тот отнесется к тому, если православное население в Польше будет всё же отторгнуто от Русской Церкви при посредстве автокефалии.

— А что, Ваше Святейшество, — спросил он, — что, если собирающиеся в Варшаве епископы объявят автокефалию?

Патриарх встал, оперся руками о стол, и сказал:

— А если они осмелятся самочинно объявить автокефалию, то я у них, как сынов противления, отыму и автономию…**

---

* Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти 1917–1943 гг. / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 181.

** Там же. С. 191.

Для того чтобы обеспечить себе большинство при голосовании, митрополит Георгий принял решение хиротонисать епископа из верных лично ему кандидатов, что он, однако, не мог тогда сделать, не испросив на это благословения патриарха, и потому направил прошение патриарху Тихону о хиротонии архимандрита Александра (Иноземцева) во епископа Холмской епархии. 20 марта, отвечая на его прошение, патриарх отказал ему в благословении на хиротонию архимандрита Александра и одновременно освободил митрополита Георгия от управления Холмской епархией, определив ее правящим архиереем епископа Сергия (Королева).

Во второй половине мая 1922 года митрополитом Георгием был созван в Почаевской лавре архиерейский Собор. На нем отсутствовал епископ Пантелеимон (Рожновский), который по указанию митрополита Георгия был сослан в глухой разоренный Мелецкий монастырь, куда он был отправлен в сопровождении полицейского агента с такой скоростью, что ему было отказано задержаться хотя бы на один день, чтобы помолиться, а по прибытии в монастырь ему не разрешили совершить богослужение. На попытку других архипастырей заступиться за епископа Пантелеимона и вернуть дело в каноническое русло митрополит Георгий ответил категорическим отказом, заявив, что «он не может допустить в епископы тех, кто вставляет ему палки в колеса»*. Брат епископа Пантелеимона, у которого тот просил помощи в прекращении этого безобразного дела, 10 сентября 1922 года написал ему: «Говорил

---

* *Свитич А. К.* Православная Церковь в Польше и ее автокефалия // Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии. 1917–1950 гг. Сборник. М., 1997. С. 113.

с Казиком* о твоем деле и просил помочь тебе, так как ему с его связями это нетрудно. Казик ответил мне, что он готов для тебя всё сделать и что лично пойдет хлопотать за тебя, но только в том случае, если ты подпишешь конкордат**, а до тех пор ничего делать не будет. То же мне сказал еще один господин, к которому я обращался. Пока ты не подпишешь конкордат, никто ничего сделать для тебя не хочет. Остается одно — подписать, ведь все русские епископы подписали конкордат! Но это, понятно, дело твоей совести. Обнимаю и целую тебя. Твой Роберт»***.

Епископ Сергий (Королев), которого патриарх Тихон назначил управляющим Холмской епархией, и вовсе не был приглашен на Собор. Он был вызван из Яблочинского монастыря к воеводе в город Люблин, якобы по делам монастыря, и здесь арестован, а затем выслан в Чехословакию. Все действия митрополита Георгия по преследованию православных епископов были согласованы с польскими властями; вскоре митрополит получил от властей телеграмму, в которой сообщалось, что операция по высылке епископа Сергия за границу прошла вполне успешно. После этого к митрополиту Георгию прибыла делегация от Холмской епархии с просьбой защитить их правящего архиерея. Митрополит Георгий, сделав вид, что ему ничего неизвестно о высылке епископа Сергия и, проявив неординарный талант в лицемерии, стал весьма эмоционально заверять делегацию, что это всего лишь

---

* По всей видимости, речь идет о другом брате епископа Пантелеимона, Казимире Рожновском (1875–1939), давнем сподвижнике Ю. Пилсудского по польской социалистической партии, общественном и научном деятеле, после возвращения из России работавшем крупным чиновником в польских министерствах труда и социальной защиты и иностранных дел.

** Договор между правительством и епископами.

*** ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 17. Л. 22.

недоразумение и преосвященный Сергий непременно возвратится в свою епархию, как только будет улажен вопрос с его подданством. Отпустив поверивших его словам делегатов, митрополит Георгий, возвратившись в свою комнату, прокомментировал: «Нашли о чем просить… чтобы я поддерживал своих врагов… нашли дурака…» Впоследствии, критикуя главу Польского государства Юзефа Клеменса Пилсудского*, на тот момент сторонника

* Юзеф Клеменс Пилсудский (1867–1935), польский революционер и государственный деятель, первый глава государства (1918–1922) новой независимой Польши. Принципиально и последовательно проводил польскую националистическую политику, пытаясь воссоздать аналог прежней Речи Посполитой, а на ее территориях — федеративное, под главенством Польши, польско-литовско-белорусско-украинское государство от моря до моря («Междуморье»), для чего было необходимо «распороть Россию по национальным швам», как говорил об этом Пилсудский: «Расчленение России лежит в основе польских интересов на востоке». Пилсудский родился на Виленщине в дворянской семье видного участника восстания 1863 года (затем коммерсанта в Петербурге, владельца ликеро-водочного предприятия). Мать, происходившая из окатоличенного белорусского шляхетского рода Билевичей, внушала ему ненависть к России, представление о ней, как относящейся к полякам с большой жестокостью. После окончания гимназии Пилсудский изучал медицину в Харьковском университете, но вскоре был из него исключен как политически неблагонадежный. В марте 1887 года он был арестован по обвинению в подготовке покушения на императора Александра III и сослан на 5 лет в Восточную Сибирь (его старший брат Бронислав и старший брат В. И. Ленина Александр Ульянов были приговорены по этому делу к смертной казни; Б. Пилсудскому император заменил казнь на 15 лет каторги на Сахалине). В 1892 году Юзеф Пилсудский вернулся в Польшу, исполненный решимости организовать восстание для восстановления независимости Польши. Вступив в польскую социалистическую партию (ППС), он вскоре стал ее лидером. В 1900 году Пилсудский был заключен в варшавскую тюрьму, где столь успешно симулировал сумасшествие, что его перевели в военный госпиталь в Санкт-Петербурге, откуда он бежал в 1901 году в австрийскую часть Польши; в 1902 году он вернулся для партийной работы в российскую часть Польши. После начала русско-японской войны польские социалисты начали подготовку соглашения с японской разведкой. Согласно условиям соглашения, поляки

демократического устройства Польши, за нерешительность в действиях по отношению к идейным противникам, митрополит Георгий ставил за образец себя, на практике продемонстрировавшего, с какой решимостью в подобных случаях следует поступать, отбрасывая ненужные с его точки зрения моральные соображения. «То ли дело я, — сказал он, — наметил своих врагов, без пощады разогнал их, — и теперь сижу прочно на своем месте».

обязались мешать мобилизации, организовывать оппозицию российской власти, готовить вооруженное восстание и создать агентуру для снабжения Японии информацией о русской армии. В обмен ППС получала 10 тысяч фунтов стерлингов. В июле 1904 года Пилсудский посетил Токио и предложил японцам создать польский легион из взятых в плен российских солдат-поляков, а также выдвинул проект «прометеизма», ставший делом его жизни, суть которого состояла в ослаблении и расколе Российской империи путем поддержки в ней национальных движений. На встрече с начальником японского Генерального штаба Ямагатой Аритомо Пилсудский предположил, что организация поляками партизанской войны позволит отвлечь внимание российских властей, и просил японцев о поддержке (в том числе оружием). Поляки выполнили свои обязательства и даже устроили несколько взрывов на железной дороге. После этого Пилсудский тайно вернулся в российскую часть Польши для руководства революционным движением, распространившимся по всей территории Российской империи. Пилсудский организовывал партийные боевые группы, акции протеста, стал исключительным специалистом по проведению ограблений поездов, банков, почтовых отделений (за счет чего финансировалась деятельность боевых групп) и террористических актов. В октябре 1905 года Партийный совет ППС назначил Пилсудского руководителем Боевого отдела. Сознавая структурную слабость Российской империи и предвидя европейскую войну, Пилсудский пришел к выводу, что необходимо организовать ядро будущей польской армии. В 1908 году он создал нелегальную организацию Союз военных действий, финансируемую на деньги (более 200 тысяч рублей) из ограбленного под личным руководством Пилсудского российского почтового поезда. В 1910 году с помощью австрийских военных властей ему удалось превратить нелегальный Союз военных действий в легальный Союз стрелков, что фактически стало школой для подготовки польских офицеров. На встрече польских сторонников в Париже в 1914 году он заявил, что война неизбежна и что проблема независимости Польши

Через посланцев, которых он направил к архиепископу Литовскому и Виленскому Елевферию и епископу Гродненскому Владимиру, он старался убедить архиереев, что порвал с поляками и теперь всей душой жаждет общей работы с ними. Поверив в искренность заверений митрополита Георгия, архипастыри прибыли в Почаев. Собрав в Почаевской лавре архиерейский Собор, митрополит Георгий

будет окончательно решена только в том случае, если Россия будет побеждена Австро-Венгрией и Германией, а Германия будет побеждена Францией, Великобританией и Соединенными Штатами. Первая мировая война оправдала ожидания Пилсудского. 5 ноября 1916 года Германия и Австро-Венгрия провозгласили независимость Польши, надеясь, что польские дивизии будут развернуты на Восточном фронте и в этом случае немецкие дивизии могли быть переброшены на Запад. Пилсудский, назначенный главой военного ведомства вновь созданного Польского государственного совета, принял идею создания польской армии при условии, что она будет частью суверенного Польского государства. Его позиция была усилена русской Февральской революцией 1917 года. Германское правительство, однако, отказалось связывать себя обязательствами относительно будущего Польши, требуя взамен, чтобы существующие польские части принесли присягу на верность. Пилсудский отказался, и в июле 1917 года был арестован. Освобожденный после краха Германии на Западе, Пилсудский 10 ноября 1918 года прибыл в Варшаву в качестве национального героя. Через четыре дня он был единогласно принят обществом как глава государства и главнокомандующий польской армией. Спустя несколько дней он сформировал правительство, одним из первых шагов которого стало установление восьмичасового рабочего дня, социального страхования по болезни, гарантированной минимальной зарплаты на государственных предприятиях и ряда иных стандартов, принятых в то время в странах Западной Европы. Вскоре он возглавил польские войска, которые стали быстро продвигаться на восток, занимая обширные территории, принадлежавшие Польше до ее раздела в XVIII веке. Благодаря опыту сотрудничества Пилсудского с разведывательными органами Японии, а во время Первой мировой войны Австрии и Германии, с их помощью в Польше была создана мощная служба разведки и контрразведки. В 1920 году контрнаступление Красной армии вынудило поляков отступить на запад почти до Варшавы, но Пилсудский провел маневр, который в августе принес Польше победу. Решающая

сделал попытку провести разбойничью автокефалию явочным порядком. В течение трех заседаний митрополит, ссылаясь на арест в Москве патриарха Тихона и используя это обстоятельство как аргумент в пользу отделения

роль в поражении РККА принадлежала подразделению польских криптологов, которые в августе-сентябре 1919 года взломали практически все шифры белых и красных, что дало ясную картину всего происходящего на территории России. После принятия Конституции и новых всеобщих выборов Пилсудский 14 декабря 1922 года передал свои полномочия своему другу Габриэлю Нарутовичу, вновь избранному президенту Польской Республики, но тот был убит через два дня. Пилсудский разочаровался в парламентской системе. 12 мая 1926 года, во время политического кризиса и экономической депрессии, он во главе нескольких полков предпринял наступление на Варшаву, — в результате правительство и президент Войцеховский ушли в отставку. Парламент избрал Пилсудского президентом Республики, но он отказался от этого поста, оставив за собой до своей смерти пост министра обороны. Фактически он руководил всей польской политикой; в 1926–1928-м и в 1930-м годах занимал пост премьер-министра.

Юзеф Клеменс Пилсудский

После прихода в Германии 30 января 1933 года к власти Адольфа Гитлера Пилсудский принял его предложение и 24 января 1934 года заключил 10-летнее германо-польское соглашение о ненападении. В феврале оно было продлено до 31 декабря 1945 года. Был продлен существовавший уже в это время советско-польский договор о ненападении. В 1935 году Пилсудский умер от рака печени. За месяц до смерти он сказал своему адъютанту: «Я проиграл свою жизнь. Мне не удалось создать свободную от русских Украину».

Исследователи истории Польши — российские, западные и польские — признают, что с 1926-го по 1939 годы в Польше существовал жесткий режим диктатуры, с преследованием национальных меньшинств и оппозиции.

от Московского Патриархата всех находящихся в Польше православных приходов, убеждал архипастырей принять его предложение. Архиепископ Елевферий и епископ Владимир не согласились с предложением митрополита Георгия и, заметив ему, что на Соборе отсутствуют епископы Пантелеимон и Сергий, просили при голосовании давать решающую силу только большинству голосов, так как все голоса разбиваются на два и два с перевесом в сторону председателя, митрополита Георгия. Митрополит не принял их возражений, и архиепископ Елевферий и епископ Владимир, сочтя свое пребывание на Соборе бессмысленным и даже вредным, заявили, что покидают зал заседаний. Однако митрополит Георгий остановил их, сказав, что этот вопрос он откладывает, что сейчас на очереди стоят вопросы от депутатов Гродненской епархии и Здолбуновского братства и надо спешно решить несколько мелких приходских дел. Архиереи поверили ему и остались, и митрополит Георгий неожиданно для них зачитал свой доклад с предложением хиротонисать во епископа архимандрита Александра (Иноземцева), умолчав о том, что патриарх Тихон уже отказал в совершении его хиротонии. Возмущенные этим наглым обманом, архиепископ Елевферий и епископ Владимир выразили протест и покинули зал заседаний, напутствуемые насмешками, руганью и угрозами присутствовавших здесь сторонников митрополита Георгия. После их ухода митрополит Георгий и епископ Дионисий, совершая, по существу, подлог, распорядились, чтобы секретарь записал, что решения об отделении от Русской Церкви и о хиротонии архимандрита Александра (Иноземцева) были приняты архиерейским Собором единогласно. 4 июня 1922 года архимандрит Александр был хиротонисан во епископа Люблинского. Польское правительство без промедления дало ему гражданство, а Департамент

исповеданий — разрешение с 12 июня управлять Пинской и Новогрудской епархией. В 1925 году он был назначен епископом Полесским и Пинским.

Польское правительство, однако, настаивало, чтобы в деле учреждения автокефалии всё же была соблюдена если не законность, то хотя бы видимость законности, и митрополит Георгий вынужден был созвать 14 июня 1922 года третий Собор, на котором присутствовал представитель польских властей директор отдела в Департаменте исповеданий Станислав Пекарский (1868–1943). Незадолго перед этим он заключил епископа Пантелеимона под арест в монастырь, а епископа Сергия выслал за границу. На заседании первым делом была зачитана декларация правительства с требованием провозгласить автокефалию. Архиепископ Елевферий предложил отложить обсуждение вопроса до следующего дня, что вызвало со стороны епископов Дионисия и Александра протест, так как это, по их мнению, тормозило работу правительства. «Это саботаж против правительства, — заявили они. — Мы не имеем права своим ответом задерживать правительство, которое спешит на приемку горного Шлензка…»*

Архиепископ Елевферий, сказавшись больным, покинул заседание. Оставшийся епископ Владимир безуспешно пытался воззвать к совести присутствующих. «Мы ведь не уполномочены решать такие кардинальные вопросы, имеющие роковое значение для последующих веков, — сказал он. — Это дело Областного Собора с представителями от клира и мирян. Епархии высказались против… Осуждая Московский церковный комитет [обновленческий], мы сами поступаем не лучше его, спеша воспользоваться несчастьем нашего Святейшего отца. Ведь мы же

* ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 17. Л. 23.

сами его избирали… Мы ему обещали сыновнее повиновение. Разве позволит нам совесть?!»*

Несмотря на протесты двух архипастырей, митрополит Георгий своим голосом и голосами оставшихся — архиепископа Дионисия (Валединского) и хиротонисанного для этого случая епископа Александра (Иноземцева) — вынесли решение об учреждении автокефалии и провозгласили себя «Польским Синодом». Вечером того же дня премьер-министром Польши был устроен прием в честь новообразованного Синода, на котором он поблагодарил митрополита Георгия и его сотрудников за успешно выполненное поручение.

Деяния разбойнического Собора вызвали протест со стороны большинства архипастырей и верующего народа. Архиепископ Елевферий и епископ Владимир направили патриарху Тихону обширный доклад, в котором подробно описали те беззакония, которые совершились в церковной жизни Польши. В своем особом мнении, направленном митрополиту Георгию, они, в частности, писали: «Выслушав Правительственную декларацию, считаем долгом по содержанию ее заявить нижеследующее:

Создавшееся в Москве положение, если верить газетным сведениям, арест Св[ятейшего] Патриарха, устранение Высшего Церковного Управления и образование самочинного Церковного Комитета — мы считаем явлением временным, не дающим права обсуждать такие чрезвычайные меры, как применение в той или иной степени вопроса об автокефалии. Что же касается временных мер для управления местными церковными делами, то по данному вопросу мы остаемся при том же мнении, какое нами высказано в формуле, предложенной нами

* ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 17. Л. 23.

с еп[ископом] Владимиром на Соборе епископов в Почаевской лавре, а именно: 1) До возобновления деятельности Высшего Церковного Управления в Москве, во главе со Св[ятейшим] Патриархом, все дела, требуемые обстоятельствами, решать на месте теми способами или учреждениями, которые укажет местный областной Церковный Собор в составе епископов и представителей клира и мирян. А до того времени вопросы, касающиеся местной Церкви, относящиеся по положению к компетенции Св[ятейшего] Патриарха и Св[ященного] Синода, решаются Собором епископов, по единогласному постановлению последнего. В этот период времени не принимать никаких распоряжений от незаконно образовавшегося в Москве Центрального Комитета; 2) Оставаться в подчинении Св[ятейшему] Патриарху и по вступлении его вновь в управление Всероссийским Патриархом доложить ему обо всём том, что было принято превышающего права автономной Православной Церкви в Польском государстве, и испросить его одобрения.

В частности же, по возбужденному вопросу об автокефалии долгом вынуждаемся сказать, что этот вопрос превышает компетенцию епископов.

По историческому исследованию этого вопроса <…> автокефалия может быть осуществлена при наличии четырех условий: 1) воля народа, создающего автокефалию Церкви, 2) согласие той Церкви, из которой выделяется новая Церковь, 3) признание новой Церкви другими автокефальными Церквами и 4) согласие правительства того государства, в котором новая автокефальная Церковь учреждается. <…> Отсюда первым и главным условием для автокефалии является воля народа, до выявления которой никакие последующие меры к осуществлению автокефалии приниматься не могут. С этим вполне согласуется

§ 6 Положения об управлении Православной Церковью в Польском государстве, утвержденного Св[ятейшим] Патриархом и Высшим Церковным Управлением, в каковом параграфе высшим органом управления местной Православной Церкви указан Церковный Собор, а не Собор только епископов…»*

17–30 июня 1922 года состоялось представительное собрание духовенства и мирян Литовской епархии, принявшее постановление, которое затем было направлено митрополиту Варшавскому Георгию, польскому правительству, всем находящимся в Польше епархиальным архиереям, русскому Церковному управлению заграницей, всем автокефальным Церквам и патриарху Тихону. В нем, в частности, говорилось: «<…> с душевной горечью отмечая, что три иерарха Православной Церкви в Польше, в том числе и митрополит Варшавский Георгий, пользуясь теми потрясениями, которые в настоящее время переживает Церковь Всероссийская, употребляют все усилия, чтобы отделить себя и свои паствы (путем, не предусмотренным никакими канонами и не имея на то соборного волеизъявления своего народа — паствы) от своей матери-Церкви, епархиальное собрание духовенства и мирян Литовской епархии вынуждено заявить от лица всей Литовской паствы, что она по-прежнему, доколе этот вопрос не решится в каноническом порядке, считает себя нераздельной частью той Церкви, к которой она до сего времени принадлежала, что в этот час, когда Св[ятейший] Патриарх находится в заточении, она чувствует особенно тесную духовную связь с ним, что она глубоко скорбит об отделяющихся и умоляет их во имя мира Христова не делать этого шага таким путем, а для решения этого вопроса, равно как

* ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 17. Л. 18–18 об.

и других дел, связанных с устройством церковного управления в Польше, созвать полный Церковный Областной Собор, соответствующий канонам и практике Всероссийской Церкви и состоящий из клира и мирян. Доколе же этот Собор не состоится, доколе не будет восстановлено нарушенное „Положение о высшем церковном управлении в Польском государстве“, доколе отказывающиеся не воссоединятся и не восстановится единение — воздержаться от всяких распоряжений, связанных с провозглашением автокефалии…»*

Такой же съезд представителей духовенства и мирян состоялся 14–15 июля 1922 года и в Гродненской епархии, где было принято следующее решение: «<…> согласно законам Православной Церкви 1) автокефалия дается только отдельным народам, но не государствам, 2) дается только в том случае, если о ней просит и добивается ее весь народ или, по крайней мере, бóльшая часть его, что 3) такой серьезный, коренной, чрезвычайной важности вопрос церковной жизни, как введение автокефалии, может быть решен только на правильно созванном Областном Церковном Соборе из епископов и представителей клира и мирян всей области, что 4) автокефалия становится законной формой церковной жизни только с момента получения на нее благословения всех православных патриархов и в первую очередь Патриарха Московского и согласия всех автокефальных Церквей, и, констатируя, что 1) белорусы и украинцы современной Польши составляют только малую часть этих народов, что 2) они автокефалии никогда не просили, что 3) Областной Собор для выработки форм Высшего Управления Православной Церкви в Польше созван не был и что 4) благословения на автокефалию

* ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 17. Л. 18 об.

от восточных патриархов и автокефальных Церквей не получено, [съезд] усматривает в акте введения автокефалии для Православной Церкви в Польском государстве, подписанном только тремя епископами Польши, насилие над религиозным сознанием православного народа Польши, узурпацию его законных <…> прав, а также нарушение законов Св[ятой] Церкви и от лица всего православного населения епархии заявляет самый решительный протест против навязываемой ему автокефалии, выражает самую непоколебимую, непреклонную волю и впредь, доколе вопрос этот не будет разрешен на Областном Церковном Соборе, пребывать в братском единении и общении с Православной Русской Церковью, с которой связан неразрывными историческими узами в общей религиозной жизни, в сыновнем послушании и каноническом подчинении ее высшему руководителю и отцу — Патриарху Московскому Тихону, в законном избрании которого оно участвовало через своих представителей на Московском Соборе в 1917 году»*.

Митрополит Георгий вновь обратил свой взор на ищущих епископских кафедр архимандритов и, находя таких кандидатов, по одному вызывал их к себе для беседы. Некоторые, ознакомившись с существом дела, по христианскому долгу и пастырской совести отказывались от его предложений, но нашлись и такие, кто, подобно Симону волхву, были готовы на всё ради получения архиерейской хиротонии, связывая с нею получение земных благ и преимуществ. Это было невиданное до сего времени в Русской Церкви явление, которое проводилось с такой дерзостью, когда архиерейские кафедры открыто превращались в ходкий товар. Таким

* ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 17. Л. 19.

образом были хиротонисаны во епископов архимандрит Антоний (Марценко)* и протоиерей Александр Громадский, постриженный в монашество с именем Алексий.

---

* Антоний (в миру Александр Францевич Марценко; 1887–1954), впоследствии архиепископ. В 1910 году окончил Одесскую духовную семинарию, в 1914 году — Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1912 году пострижен в монашество с именем Антоний епископом Калужским и Боровским Георгием (Ярошевским), им же рукоположен во иеродиакона. В 1913 году был рукоположен во иеромонаха. С 1914 года служил в Урмийской миссии в Персии. Уволен из Миссии указом Святейшего Синода 5 марта 1915 года по рапорту начальника Миссии епископа Сергия (Лаврова). По возвращении в 1915 году в Россию был насельником Глинской пустыни. В 1919 году возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Пинского Братского Богоявленского монастыря. В 1920 году эмигрировал в Сербию, в 1922 году переехал в Польшу и был назначен митрополитом Георгием председателем Варшавской духовной консистории и настоятелем Александро-Невского кафедрального собора. В разгар споров о польской автокефалии отстаивал позицию митрополита Георгия против защищавшего православных епископов и мирян В. В. Богдановича. Не брезговал в своей полемике ложью и передергиванием фактов. Об архиепископе Виленском Елевферии писал, что будто тот «бесчинствует в церкви». Но «напрасно мечтают сеятели смуты [то есть православные] о его [архиепископа Елевферия] возвращении: мертвые не воскресают» (Виленское утро. 31 октября 1922 г. № 381. С. 4). 29 октября 1922 года собравшиеся на богослужение в Константино-Михайловском храме в Вильне прихожане составили заявление о неприятии воззвания митрополита Георгия, которое тот рассылал в канонически не подчинявшиеся ему епархии. Заявление подписали 88 человек, избравшие делегацию из 4 человек для того, чтобы зачитать его представителю митрополита Георгия, архимандриту Антонию. Но, когда делегация пришла к нему на прием, он «не дал делегатке прочесть и пяти строк и с криками „вон“, „прочь“ стал делегатов выставлять грубо со спины, причем делегатка, читавшая заявление, получила два толчка в грудь. В самом конце „приема“ архимандритом был вызван иеродиакон отец Никодим, которому архимандрит, крича, приказывал: „убрать их вон отсюда“» (Виленское утро. 10 ноября 1922 г. № 391. С. 4). В 1923 году по согласованию с польским правительством архимандрит Антоний был хиротонисан во епископа Люблинского, викария Варшавско-Холмской епархии. Приветствовал неканоническое провозглашение 1 ноября 1924 года патриархом Константинопольским Григорием VII автокефалии Польской Православной Церкви. В 1924 году был назначен ректором Виленской

В сентябре 1922 года патриарх Тихон назначил епископом Слуцким, викарием Минской епархии, архимандрита Смарагда (Латышенкова)*, с тем чтобы его

духовной семинарии, в 1926 году — Волынской духовной семинарии. В 1926 году освобожден от ректорства. В 1928 году уволен на покой с проживанием в Мелецком монастыре Варшавско-Холмской епархии. В 1930 году назначен епископом Камень-Каширским, викарием Пинско-Полесской епархии. В 1931 году принес присягу о лояльности Польскому государству. С 1934-го по 1937 год управлял Гродненской епархией. В 1940 году через покаяние был воссоединен с Русской Православной Церковью. В 1941 году возведен в сан архиепископа. Во время Великой Отечественной войны служил на территории, оккупированной Германией. В августе 1941 года был назначен на Херсонскую и Одесскую кафедру, которую занимал до марта 1944 года. Затем переехал в Чехословакию и в городе Карлсбаде (Карловы Вары) служил в русском храме. В 1946 году назначен на Орловскую и Брянскую кафедру и в том же году — на Тульскую кафедру. В 1951 году был арестован. Военным трибуналом войск МГБ Тульской области приговорен к 25 годам ИТЛ по обвинению в «измене Родине». Скончался 18 декабря 1954 года в Озерлаге Иркутской области.

Епископ Люблинский Антоний (Марценко)

* Архимандрит Смарагд (в миру Павел Антонович Латышенков; 1885 – после 1935) родился в местечке Оникшта Вилкомирского уезда Ковенской губернии в семье псаломщика. Он окончил Литовскую духовную семинарию и в 1909 году — Санкт-Петербургскую духовную академию, вторым по успехам после известного в будущем патролога Александра Сагарды, и был оставлен профессорским стипендиатом для подготовки к научной и преподавательской деятельности. 19 февраля 1911 года епископ Холмский и Люблинский Евлогий (Георгиевский) постриг Павла в монашество с именем Смарагд, 26 февраля

хиротония была совершена архиепископом Елевферием вместе с другими архиереями. «Выдающийся администратор, прекрасный проповедник, истовый священнослужитель, знаток истории края и истории Церкви Вселенской и ее канонов, архимандрит Смарагд был известен как твердый противник автокефальных тенденций и поборник единства Церкви. Он неоднократно принимал участие

рукоположил в иеродиакона, а на следующий день во иеромонаха с зачислением в штат Холмского архиерейского дома. 5 апреля отец Смарагд был назначен преподавателем основного, догматического и нравственного богословия в Холмской духовной семинарии, а 4 октября 1912 года инспектором этой семинарии. Возведен в сан архимандрита. Во время Первой мировой войны, когда в июле 1915 года российские войска оставили Холм, отец Смарагд стал деятельным сотрудником архимандрита Серафима (Остроумова), ректора эвакуированной в Москву Холмской духовной семинарии. В апреле 1916 года архимандрит Серафим был хиротонисан во епископа Бельского, викария Холмской епархии, и отец Смарагд был назначен исполняющим должность ректора. Осенью 1918 года семинария выехала на Украину, но вернуться в Холм не смогла. Приютил семинарию викарий Волынской епархии епископ Кременецкий Дионисий (Валединский) в Богоявленском монастыре в городе Кременце. В июле 1919 года архимандрит Смарагд фактически спас жизнь епископу Дионисию — помог укрыть больного архиерея и был сам арестован большевиками вместо него. Епископ Дионисий желал подчинить себе Холмскую семинарию, против чего выступил архимандрит Смарагд. Встретив отказ, епископ Дионисий 27 марта 1920 года направил ему требование освободить помещения в Богоявленском монастыре, но тот не подчинился распоряжению. В письме к Кременецкому уездному коменданту 16 октября 1920 года архимандрит Смарагд объяснил свои действия тем, что не подначален епископу Дионисию и устранить его с поста ректора может только Синод во главе с митрополитом Киевским. Дело пошло на рассмотрение к епископу Владимиру (Тихоницкому), которому в ноябре 1920 года польское правительство дало разрешение на управление Варшавской и Холмской епархиями. Епископ Владимир подтвердил правомерность действий ректора семинарии. Вскоре группа духовенства из Кременца, в том числе и архимандрит Смарагд, была арестована большевиками и вывезена в Дубно. Дважды им назначали расстрел и подводили к подготовленной яме. Казнь была в конце концов отменена, но от священников потребовали написать воззвание к восставшим крестьянам

в совещаниях епископов — противников автокефалии, и с его авторитетом и мнением не могли не считаться»*.

Архимандрит Смарагд (Латышенков)

Узнав о предстоящей хиротонии архимандрита Смарагда, митрополит Георгий стал предпринимать шаги, показавшие в нем незаурядного интригана. Он направил архимандриту Смарагду в Холм, где его в то время не было, о чем митрополиту Георгию было хорошо известно, письмо с требованием сдачи им, как ректором Холмской духовной семинарии, имущества и документов. Не получив письма, архимандрит Смарагд не смог выполнить распоряжение митрополита, и митрополит Георгий

с призывом не воевать против советской власти. Большинство из них согласилось составить воззвание, но решило написать его в расплывчатых выражениях. Единственный, кто категорически отказался это сделать, был архимандрит Смарагд. Находясь в Дубно, он был назначен настоятелем монастыря. В 1919 году, после того как архиепископ Волынской епархии Евлогий (Георгиевский) вынужден был оставить кафедру и уехать за границу, его обязанности стал исполнять епископ Владимир-Волынский Фаддей (Успенский). 28 февраля 1921 года он подал Священному Синоду епископов Украины кандидатуру архимандрита Смарагда на замещение новооткрытой кафедры епископа Дубенского, викария Волынской епархии. Однако после подписания Рижского мирного договора, которым была определена граница между Польшей и советской Россией, юрисдикция Синода украинских епископов на отошедшие к Польше части бывшей Волынской епархии фактически прекратилась и ими стал управлять епископ Дионисий. Тогда патриарх Тихон назначил архимандрита Смарагда епископом Слуцким.

* *Свитич А. К.* Православная Церковь в Польше и ее автокефалия // Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии. 1917–1950 гг. Сборник. М., 1997. С. 123.

запретил его в священнослужении за неисполнение распоряжения. На Соборе архиереев епископ Гродненский Владимир заявил о неправомерности применения такой меры к человеку, не получившему письменного уведомления, и просил снять запрещение, на что митрополит Георгий пригрозил применить по отношению к архимандриту Смарагду еще более суровые меры. Опасаясь, что хиротония всё же может состояться в Вильне, митрополит Георгий запретил епископу Владимиру выезжать из Гродно, а епископу Сергию (Королеву) из Яблочинского монастыря. О действиях митрополита Георгия относительно архимандрита Смарагда патриарху Тихону был направлен 23 февраля 1922 года доклад трех архиереев, в котором они написали: «Необходимо немедленно разрешить архимандрита Смарагда от незаконного и пристрастно наложенного запрещения и подтвердить распоряжение об его хиротонии. <…> Считаем долгом предостеречь: как бы долгие и явно несправедливые неприятности не истощили терпения архимандрита Смарагда и он не сделал бы какого-либо рокового, непоправимого шага»*.

В сентябре 1922 года митрополит Георгий организовал принятие Священным Синодом, состоящим из него самого и двух полностью зависимых от него архиереев, решения об увольнении архиепископа Елевферия от управления Литовской и Виленской епархией, считая его архиепископом Литовским уже только в пределах Ковенской Литвы. Это решение было доведено до польского правительства, которое распорядилось арестовать архиепископа; тот был арестован после всенощного бдения

---

* *Свитич А. К.* Православная Церковь в Польше и ее автокефалия // Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии. 1917–1950 гг. Сборник. М., 1997. С. 125.

под праздник Покрова Божией Матери и заключен в католический монастырь, где пробыл четыре месяца, и затем выслан заграницу. 12 октября Священный Синод, руководимый митрополитом Георгием, также издал указ об увольнении и епископа Гродненского Владимира, который не сразу удалось исполнить полиции, так как православные круглосуточно дежурили у покоев епископа.

31 декабря 1922 года во двор архиерейского дома явились представители власти и вручили находившемуся здесь епископу Владимиру приказание министра исповеданий о выезде его из города Гродно в Волынскую губернию. В это время двор заполнился толпой прихожан, которые попытались воспрепятствовать высылке епископа Владимира из города. Когда представители власти, арестовав епископа, сели в экипаж, люди ухватились за колеса и попытались остановить его, требуя, чтобы епископа оставили хотя бы на время. Представители власти попытались успокоить людей обещаниями, но им уже никто не верил. И тогда епископ сам вышел к людям и попросил их успокоиться.

Высылка епископа была на некоторое время отложена, но не отменена. Сопровождаемый полицией и представителями местной администрации, епископ Владимир был вывезен из Гродно в 3 часа ночи 21 января 1923 года и заточен в Дерманский монастырь на Волыни, а на его место был назначен епископ Алексий (Громадский; 1882–1943).

Та, в некотором роде провокационная наглость, с которой действовал митрополит Георгий, попирая и Божеские и церковные законы, а также и общепринятые нравственные правила, признаваемые даже среди людей неверующих, глубоко потрясла архимандрита Смарагда, окончательно расстроив его нервную систему. Он несколько раз приходил к митрополиту Георгию объясняться

Архиепископ Алексий (Громадский)

и при встречах обвинял его в неканоничности и изменах. Митрополит Георгий в ответ предложил ему занять архиерейскую кафедру в обмен на помощь в проведении автокефалии в Польше, но архимандрит Смарагд отказался и высказал свои возражения против проводимой митрополитом политики. Но митрополит Георгий, ослепленный властолюбием, не пожелал в них вникать.

И наступила трагическая развязка. 8 февраля 1923 года в 6 часов вечера архимандрит Смарагд пришел к митрополиту для последнего разговора. «Он в течение более двух часов вел с ним беседу, но, когда митрополит Георгий выразил сомнение в загробной жизни» и стал уговаривать «архимандрита „перейти в его лагерь“, то архимандрит Смарагд выхватил револьвер и несколькими выстрелами убил митрополита со словами: „Вот тебе, палач православия!“»*. Затем он сам попросил прибежавшего на звук выстрела секретаря митрополита вызвать полицию и был арестован.

---

* *Свитич А. К.* Православная Церковь в Польше и ее автокефалия // Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии. 1917–1950 гг. Сборник. М., 1997. С. 125.

На состоявшемся сразу же после его ареста допросе архимандрит Смарагд показал, что «убил митрополита Георгия с заранее обдуманным намерением, считая его политику гибельной для Православной Церкви в Польше и не будучи в состоянии простить ему преследования, направленные против архиепископа Виленского Елевферия и епископов Владимира, Сергия и Пантелеимона»*.

Находясь в тюрьме, архимандрит Смарагд обратился с письмом к министру юстиции. Извинившись, что не владеет в достаточной степени польским языком, он написал его на русском языке, излагая, что было действительным мотивом, побудившим его совершить убийство. Он писал, что в его поступке нет ни малейшего элемента обиды и руководствовался он лишь соображениями блага Православной Церкви: «Я не мог спокойно смотреть, как митрополит Георгий губил Православную Церковь». Он подробно описал тот вред, который приносил митрополит Православной Церкви в Польше. Неоднозначное мнение о митрополите Георгии было и у тех русских архипастырей, которые были вне этого церковного конфликта в Польше; например, митрополит Киевский Антоний (Храповицкий) называл митрополита Георгия «заведомым атеистом»**.

10 февраля состоялось чрезвычайное заседание Синода под председательством архиепископа Волынского Дионисия (Валединского), с участием епископа Полесского и Новогрудского Александра (Иноземцева) и викарного епископа Алексия (Громадского). Синод постановил лишить духовного звания архимандрита

---

* Сегодня. Рига, 1923. № 34. 13 февраля. С. 2.

** Латвийский государственный исторический архив. Ф. 7131. Оп. 1. № 48. Л. 71–72.

Смарагда и поручить управление Варшавской епархией архиепископу Дионисию*.

Архимандрит Смарагд был предан полевому суду, который за убийство «государственного чиновника», как писали о митрополите Георгии польские власти, предполагал предать его смертной казни. Суд начался в 9 часов утра 16 апреля 1923 года в здании Варшавского окружного суда, заседая в порядке полевого судопроизводства. На суд было вызвано 45 свидетелей. Защитниками выступили известный виленский адвокат Врублевский, адвокаты Гулькевич, Ганкевич и председатель украинской фракции Польского сейма Подгорский. Зал был переполнен публикой. В предъявляемом подсудимому обвинении следствие попыталось доказать, что мотивом убийства было озлобление, вызванное отстранением архимандрита Смарагда от должности. Приглашенный давать показания подсудимый отверг навязываемые ему судом мотивы, заявив, что не отрицает факта убийства, но виновным себя по мотивам мести и вообще личного характера не признает. К совершению убийства его побудили не личные мотивы, а политика митрополита Георгия. Он убил митрополита, видя в нем врага Православной Церкви и русского народа в Польше. Он сказал, что несколько раз приговаривался большевиками к смерти, не боится смерти и готов умереть за православие. Он подробно рассказал о мероприятиях митрополита Георгия, проводимых им для введения в Польше автокефалии, и заявил, что сам он является противником автокефалии, так как она несет полонизацию. В качестве иллюстрации он привел случаи притеснения Православной Церкви в Белоруссии еще до попытки введения автокефалии. Он сказал, что не признает каноничности Синода

* Сегодня. Рига, 1923. № 37. 16 февраля. С. 4.

Православной Церкви в Польше и что политика митрополита Георгия вела Православную Церковь в Польше к гибели. Также он заявил, что не считает митрополита Георгия главой Церкви в Польше и своим духовным начальником, не признает и каноничности Церкви в Польше в том виде, в котором она теперь образовалась.

Прокурор Михайловский потребовал для подсудимого смертной казни, так как Смарагд убил человека, который был представителем государственной власти. Эти доводы подверглись справедливой критике адвокатом Врублевским, заявившим, что глава Церкви в Польше, получивший благословение патриарха Тихона, никоим образом не является чиновником Польского государства. Никаких признаков, характеризующих состояние государственного чиновника у лица, состоящего в духовном сане, нет и не может быть.

Адвокат представил суду документы, подписанные патриархом Тихоном, из которых следовало, что власть митрополита Георгия распространялась только на Варшавскую епархию, и попросил приобщить их к делу. Но после возражения прокурора ходатайство адвоката было отклонено.

Подсудимый давал показания на русском языке, так что и его адвокат невольно переходил на русский язык, и председателю суда Коссаковскому пришлось несколько раз прерывать его: «Пане адвокате! Уже в пятый раз я напоминаю Вам, что в Речи Посполитой государственным языком является польский!»

В качестве свидетеля был вызван епископ Пантелеимон (Рожновский); он сказал, что является лояльным гражданином Польши, но как раз во имя добрых отношений между польским и русским народом он выступает против политики покойного митрополита Георгия и не

может согласиться с тем, что митрополит благословил к исполнению так называемые «временные правила» об управлении Православной Церковью в Польше. «Что же Вы нашли в этих правилах особенно неприятное для Вас?» — спросил епископа прокурор. «По существу этих правил выходило, что судьба православных священнослужителей зависела в конце концов от низших агентов администрации и полиции. Мог ли я примириться с этим?» И далее епископ Пантелеимон рассказал, что, когда в канцелярии министра исповеданий Антония Пониковского он отказался подписать «конкордат», ему тут же предложили подписать извещение об устранении с кафедры и ссылке в монастырь.

Среди других в качестве свидетеля был вызван сенатор В. В. Богданович, который дал подробные показания о последних событиях в Православной Церкви в Польше. Его показания часто прерывались председателем суда. Богданович подробно остановился на канонической стороне назначения митрополита Георгия митрополитом всей Польши, он раскритиковал его поведение, его точку зрения, которая убедительно оспаривалась епископами и епархиальными съездами. Он заявил суду, что политику митрополита считает нарушающей каноны Православной Церкви, что также возмущало православное население Польши. Адвокаты задали свидетелю вопросы, должные выяснить мотивы убийства, но все они были отклонены председателем.

Заседание продолжилось на следующий день, 17 апреля. Был вторично вызван сенатор Богданович, который рассказал, что виделся с подсудимым в самый день убийства. Архимандрит Смарагд тогда сказал ему, что Церковь губит не столько правительство, сколько епископы и нет никаких надежд на изменение политики митрополита Георгия.

Архимандрит Тихон (Шарапов)

Был вызван свидетелем настоятель Жировицкого монастыря архимандрит Тихон (Шарапов). Он показал, что первоначально архимандрит Смарагд сам уклонился от занятия предложенной ему ранее кафедры, желая сохранить свободу мнений и возможность служить родному народу. Впоследствии архиепископ Виленский Елевферий получил от патриарха Тихона распоряжение хиротонисать архимандрита Смарагда во епископа Слуцкого в городе Вильне. Будучи совершенно независимым от митрополита Георгия, архиепископ Елевферий всё же почел неудобным совершать хиротонию без его согласия, несмотря на то что благословение на совершение хиротонии было дано ему его непосредственным начальником — патриархом. В свою очередь, опасаясь, что хиротония всё же может состояться в Вильне, митрополит Георгий запретил епископу Владимиру (Тихоницкому) выезжать из Гродно, а епископу Сергию (Королеву) из Яблочинского монастыря. Архимандрит Тихон в своих показаниях дал положительную характеристику церковной деятельности подсудимого, подтвердив сведения о его популярности на Волыни.

В качестве свидетеля был вызван и епископ Белостокский Владимир (Тихоницкий), который показал, что давно знает подсудимого. Он сказал, что ему было послано митрополитом Георгием распоряжение, чтобы он

не выезжал из Гродно, где тогда жил, так как в это время предполагалось совершение хиротонии архимандрита Смарагда. Епископ Владимир охарактеризовал подсудимого как ревностного слугу Церкви и хранителя канонических начал ее управления, тяжело переживавшего разруху последних лет, высылку епископов и тому подобное.

Защитник Врублевский представил циркуляр митрополита Георгия, содержащий сведения о том, что правительство Польши не утвердило целиком положение о Православной Церкви в Польше. Председатель суда огласил эти документы. Однако из-за протеста прокурора председатель не приобщил их к делу и вернул защитнику. Затем выступил обвинитель, который продолжал настаивать на том, что митрополит Георгий был государственным лицом (что противоречило польской Конституции) и что убит он был своим подчиненным (что не соответствовало действительности) при исполнении служебных обязанностей, и потребовал смертного приговора для подсудимого*.

18 апреля состоялось последнее заседание суда. На нем выступили адвокаты, а после них — прокурор. После этого подсудимый сказал последнее слово. Восстанавливая в нем последовательность следственного процесса, Смарагд заявил, что никогда не говорил, что убил официальное лицо. «Хотя я убийца, — сказал он, — но я не был лжецом. Никогда не скажу, чтобы убийство было хорошим делом. Если бы я хотел оправдываться, я мог бы сказать, что здесь же, в Варшаве, польский народ повесил своих епископов, служивших Екатерине II.

---

* За свободу. Варшава, 1923. № 84. 17 апреля; № 85. 18 апреля; № 86. 19 апреля.

Не покладая рук я боролся за свою Церковь, и если автокефалия не была принята сразу, то в этом виноват только я, архимандрит Смарагд. Я волновался и мучился за свою Церковь, но поступиться своей совестью я не мог. Много я передумал. Я предпринимал всевозможные легальные шаги, чтобы помочь нашей Церкви. С епископом Владимиром я был у Пилсудского и говорил о положении Церкви на Кресах*.

Пилсудский в ответ мне сказал, что всё это — результат горечи от насилий, производившихся раньше русскими. На ходатайство о созыве Собора не было ответа. <…>

Я честный польский гражданин и хочу лишь, чтобы нам дали возможность устраивать свободно свою церковную жизнь. Правительство не может желать угнетения нашего религиозного чувства. Больше я ничего не хочу.

Я буду счастлив, если я мои молодые годы, и священный сан, и жизнь отдал для того, чтобы общество задумалось над теми условиями, в которых мы живем. И я буду после смерти счастлив, если буду знать, что православие в Польше живет мирно и спокойно. Дай Бог Польше жить, крепнуть и развиваться.

Я люблю Церковь больше жизни. Я не участвовал в политических партиях и не стремился к оторванию Кресов от Польши. Я никогда не гнался за выгодой и за чужой копейкой. <…>

Я присоединяюсь к прокурору и прошу суд вынести мне смертный приговор. Я смерти не боюсь, и преданность своему делу я готов запечатлеть своею смертью»**.

---

* Крес, по-польски, — край, граница. Польское название территорий нынешних западной Украины, запада и севера Белоруссии и юга Литвы, входивших в состав межвоенной Польши.

** За свободу. Варшава, 1923. № 86. 19 апреля.

В тот же день в половине пятого вечера был оглашен приговор — передать дело в Окружной суд для слушания в обычном порядке уголовного судопроизводства. 16 ноября в Варшавском окружном уголовном суде было продолжено слушание дела об убийстве митрополита Георгия. Обвинителем выступил товарищ прокурора Окружного суда Михайловский. Суд принял решение о передаче дела в XII отделение Окружного суда для дополнительного следствия*.

Состоявшийся суд приговорил Смарагда к 12 годам каторжной тюрьмы**.

26 ноября 1926 года Смарагд писал из Мокотовской каторжной тюрьмы в Варшаве управляющему Западно-Европейскими приходами митрополиту Евлогию (Георгиевскому):

«Ваше Высокопреосвященство,
Дорогой Владыка, отец и друг!

Всё как-то не приходилось мне побеседовать ни словесно, ни письменно непосредственно с Вами, дорогой Владыка, хотя с любовью, преданностью и благодарностью всегда помнил о Вас — и прежде, и теперь. Путем чтения и устного предания знал, конечно, о Вас и обо всём как грустном, так и радостном, что с Вами и около Вас совершается. <…> Потом в тюрьме следственной дошла до меня от Вас весточка, что Вы „всегда вспоминаете обо мне, по-прежнему любите и непрестанно молитесь за меня“ … и „как бы Вам хотелось, чтобы эти слова дошли до меня“. … Как видите, они дошли! — А теперь захотелось оторвать у Вас несколько минуток Вашего, всегда занятого, времени, чтобы Вы их уделили самому недостойнейшему — и тем

* За свободу. Варшава, 1923. № 266. 17 ноября.

** Сегодня. Рига, 1924. № 222. 30 сентября. С. 1.

паче, что вчера сердечно вспоминали о Вас вместе с Виктором Ивановичем Семеновым, который дерзнул внити в темницу посетить меня и принести мне некое утешение телесное и даже пищу духовную <…>.

Напишите мне, дорогой Владыка, о своем здоровье и настроении, о Сергиевском подворье, о богословском институте, о моем добрейшем епископе Вениамине [Федченкове], <…> о епископе Сергии [Королеве], об отце [архимандрите Виталии] Максименко, коему да будет возвещено, что „Великого Адаманта приветствует с любовью малоценный изумруд“ (а помнит ли он наши кладбищенские беседы в Жировицах?), а наипаче и более всего о моем незабвенном отце и друге Владыке Владимире [Тихоницком], коему да будет написано, что я об одном только сожалею, что уже не имею и не буду иметь возможности сильнее доказать всю силу своей к нему любви, преданности и благодарности! Впрочем, он и так верит и знает это, как и то, что, по возможности, в жизни я старался избегать неправды! <…> Напишите ему, чтобы он ни на минуту никогда не горевал и не тосковал ни обо мне, ни о моей участи. Ему писали об этом и в то время, когда я был еще в следственной тюрьме. Такая уж, видно, моя судьба на земле! Недаром уж и от собора в Люблине*, в котором я возводился в архимандриты, уже не осталось ни камня, при спасительном безмолвии Глав**, да и поставлялся я в неделю Крестопоклонную, и слушал горькие крестные пророчества архиепископа Анастасия [Грибановского], и приговор получал на Воздвижение Креста в 1924 году, и от апелляции отказался на Воздвижение Креста в 1925 году. <…>

---

* Крестовоздвиженский собор в Люблине был снесен в 1924–1925 годах.

** Имеются в виду архиереи — главы Церкви в Польше.

Слева направо: митрополит Евлогий (Георгиевский), архиепископ Владимир (Тихоницкий) и епископ Сергий (Королев)

Только горько и скорбно за Православную Церковь и за утучнение себя, скорбно за темноту народную, скорбно за наш славянский разлад, малодушие и разноголосицу, скорбно за всё, содеваемое руками не пастырей, а наемников! Горька чаша, а конца-краю ей не видно! А духовная семинария? — Разве не загубила ее спасительная „иконо́мия“ века сего и Главы, да еще сугубой и „автокефальной“. И пусть бы чуждые руки подносили к истерзанным устам отравленный кубок! — Но свои, да еще со словами Христовыми на устах! Всё это ведь со „скорбью“ и „любовью о Христе“, посему … и „во славу Божию!“ Впрочем, есть еще Последний Суд! Требую Его Суда! Да будет Он там

всем нам Судиею за всё и про всё! Там, у Страшного Его Престола, истяжемся! <…>

Не откажите, Владыка дорогой, передать мой привет А. В. Карташеву, отцу Георгию Спасскому и Юлии Константиновне [его супруге, урожденной Зенькович] <…>.

Ну, будьте здоровы, дорогой мой друг и отец, да хранит Вас Бог и моего старца! Помолитесь за меня и благословите хотя издалека Вашего Смарагда.

Вы, может быть, спросите: как я живу? — Неплохо, с Божией помощью! Не так худо, как, может быть, Вы думаете. А настроение? Что тут писать? Скажу Вам словами, которыми писал Владыке Пантелеимону: „Не тоскуйте, не скорбите и не горюйте обо мне, верный и самоотверженнейший мой друг! Я нисколько не жалею того, что не испытываю всей полноты и приволья так называемого "пользования жизнью", ибо с 5 до 25 лет учился, а с 25 лет был монахом! Не думайте обо мне! У всякого и так своего горя довольно без конца! Лучшие до меня люди терпели и страдали в рудниках и горьких работах иногда целую жизнь, даже умирали в них и даже брали на себя чужую вину! — Впрочем, неправдою было бы сказать, что я никогда не задумываюсь над прошлым и не вспоминаю своей минувшей жизни … хотя мне и кажется, что у меня внутри всё пережитое уже пережгло … — бывает ненастной осенней порой, как бы под аккомпанемент заунывного и безнадежного хора каторжан, в долгие бессонные ночи, скорбный образ моей невозвратно разбитой и загубленной жизни иногда как живой встает пред моими безотрадными очами под глухие рыдания бури“*»**.

---

* Использованы мотивы стихотворений: Ф. И. Тютчева — «К. Б.», Георгия Адамовича — «Как холодно в поле…», К. Р. — «Умолкли рыдания бури кипучей» и др.

** ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 98.

Имея возможность после отбытия половины срока просить об амнистии, в связи с 10-летним юбилеем независимости Польши, Смарагд не стал этого делать, отбыл в тюрьме полностью весь срок заключения и, освободившись в 1935 году, выехал в Чехословакию.

Убийство митрополита Георгия, споры, связанные с автокефалией Польской Церкви, давление польского правительства на иерархов с целью быстрейшего создания такой автокефалии и недовольство этими действиями церковного народа привели к необходимости осмыслить эти процессы, что вылилось в обсуждение их в прессе. Одним из активно участвовавших в обсуждении был известный в то время литературный и общественный деятель Д. В. Философов, имевший свою позицию, но не имевший глубоких знаний о жизни Церкви, что всегда значительно обедняет такие писания, делая их не вполне убедительными, как бывает и всегда, когда люди начинают активно писать о проблемах Церкви, не имея сами церковного опыта, а иногда и потому, что и в нравственном отношении оказываются далеки от того, о чем пишут. В этих обсуждениях принял участие один из членов Поместного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 годов сенатор Польского сената В. В. Богданович, написавший статью в ответ на статью Д. В. Философова и опубликовавший ее в газете «За свободу»:

«К вопросу о положении Православной Церкви в Польше.

„Сначала надо жить, а потом философствовать“

Эпиграф в начале этой статьи ставит ее в связь с аналогичной по заглавию статьей Дмитрия Владимировича Философова, помещенной в № 267 газеты „За свободу“.

Автору хотелось бы разъяснить некоторые недоумения Д. В. Философова, а может быть, и других лиц, в этом вопросе с ним согласных, относительно „недальновидной политики“, как он выражается, в этом деле православных меньшинств и русской эмиграции. Думается, что эти недоумения и происходят от того, что уважаемый Дмитрий Владимирович, как и многие другие русские интеллигенты именно не живут церковною жизнью, по-прежнему далеки от нее, что, впрочем, не уменьшает у него и у других стремлений к любимому русскому занятию „пофилософствовать“ на данную тему.

Хотя я не нахожу большого счастья для Православной Церкви в Польше в том, что, как выражается Дмитрий Владимирович, „она не встречает со стороны светского правительства принципиального стеснения“, но всё же и я согласен, что трагедия Православной Церкви в Польше вовсе не в том, что „существуют отдельные злоупотребления“ и что, „как остаток прошлого в психологии только что освободившихся граждан существует некая воинственность“. Всё это в известной степени понятно, а потому до известной степени терпимо, а в некотором смысле и полезно, так как всякое притеснение обыкновенно приводит к более тесному объединению притесняемых. Дело в следующем.

Вы, Дмитрий Владимирович, обвиняете православных в том, что они не объединяются вокруг своей „канонически установленной иерархии“. Но трагедия в том и заключается, что, во-первых, у нас нет „канонически установленной иерархии“ (ее разогнали), а, во-вторых, существующая налицо не каноническая оказалась в такой зависимости от светской власти, что сама является как бы продолжением этой власти во внутренней жизни Церкви, как бы ее агентурой. <…>

Вы называете прежнее положение Православной Церкви в России „незаслуженно господствующим“. На самом деле оно было заслуженно или незаслуженно порабощённым. Церковь занимала в государстве положение лишь одного из министерств, называемого официально „ведомством православного исповедания“. Зависимость эта была не официальная только и не внешняя, а очень глубокая, внутренняя. Давлением на Синод и подбором правящей иерархии достигалось то, что Церковь делалась через духовенство агентурой государственной политики. Апостольское „изволися Духу Святому и нам“ на практике заменялось духом правительственной политики. Достаточно было простого письма губернатора или депутации двух членов поддерживаемой политической партии, чтобы виднейший православный иерарх „по телеграфу“ в 24 часа переводился в другую епархию в назидание за неумение улавливать курс, а в нужных случаях для поддержания видимости это производил даже сам Синод под давлением светской власти. Положение Римо-Католической церкви в России с центральной властью вне государства было во много раз выгоднее. Она имела возможность протестовать (например, дело об удалении епископа барона Роппа). Синод не мог этого сделать, потому что состав его не зависел от него самого. Хуже же всего было то, что это положение Церкви входило в привычку, в психологию значительной доли иерархов, которые иного положения Церкви уже и не представляли и, подчиняясь духу светской политики, старались компенсировать это внутреннее порабощение внешним „владычеством“ над пасомыми. Типичным в этом отношении „владыкой“ был покойный митрополит Георгий — перед светской властью слуга, над своими — „владыка“.

Вот почему и тогда, во дни „господствующего“ положения Православной Церкви, православное общество

так редко объединялось вокруг канонически установленной иерархии.

Как ни тяжела была для Православной Церкви в России некоторыми своими последствиями революция, нельзя не сознаться, что она дала Церкви одно неоценимое благо — внутреннюю свободу, дала канонический строй, восстановленный на Московском Соборе 1917–18 годов, когда Православная Церковь в России стала на свои ноги и создала свою церковную голову.

Большевизм подверг Церковь тяжким гонениям, сотни и тысячи духовных лиц расстреливались, сжигались, закапывались живьем в землю. Времена настали подобные временам первых времен христианства с исповедниками и мучениками. Церковь мучилась, но духовно торжествовала над своими врагами (пишущий эти сроки был свидетелем этой жизни). Это была жестокая драма. Трагедия началась тогда, когда создана была так называемая „живая церковь“. Ибо всегда драму создают чужие, трагедию — свои.

Вы, Дмитрий Владимирович, приписываете возникновение „живой церкви“ революции. Если под революцией разуметь то, что разумеют большевики (т. е. что бы они ни делали), то это, конечно, так, но на самом деле это не то. „Живую церковь“ создало большевицкое правительство как именно правительственную церковь, подобно тому как Петр в свое время создал Церковь синодальную (кстати, сравните методы Петра и большевиков — сходство поразительно). С этого времени началось давление через угодническую иерархию („живцы“) на внутреннюю жизнь Церкви. Та иерархия, которая осталась верна Церкви, беспощадно удалялась. Православным верующим оставалось или признать „живую“ иерархию, или остаться вовсе без иерархии.

Если бы Вы, Дмитрий Владимирович, действительно жили церковной жизнью в Польше, то Вы почувствовали бы, что здесь произошло нечто совершенно аналогичное с разницей в лучшую сторону, насколько польское правительство разнится от правительства советского, и в худшую — насколько бывшее царское правительство всё же было благожелательнее к православию. Впрочем, обе эти разницы не существенны, ибо, как бы ни благожелательно было правительство к Церкви, вторжение его во внутреннюю жизнь ее всегда вредно, потому что оно заставляет иерархов делать не Божье дело, а политическое. Вы называете сложившиеся в Польше политические обстоятельства неблагоприятными для Православной Церкви. Я сказал бы наоборот: трудно найти более благоприятные обстоятельства — широкая конституция, демократическая программа, объявленная свобода всех вероисповеданий — всё это как нельзя более соответствовало как раз именно тому строю Церкви, который выработан был Московским Собором. „Свободная Церковь в свободном государстве“ — вот то, о чем имели право мечтать, глядя на трактаты и Конституцию, мы, православные. При тех гонениях, которые подняли большевики против Православной Церкви в России, Польша в это время могла бы стать оплотом православия. Там гнали духовенство. Здесь оно могло бы иметь убежище, могли бы готовиться новые борцы против „живой церкви“. Там запрещено духовное образование — здесь оно могло быть расширено, здесь могли бы создаваться пастыри и для настоящей, и для будущей России. Одним словом, приходится несколько иронически сказать: „счастье было так возможно, так близко“, но… Вместо этого власти предпочли поискать среди старорежимных „владык“ наиболее покладливого в отношении к себе и создать свою Синодальную Церковь. До этого у нас была своя маленькая

церковная драма („некая воинственность“), теперь началась трагедия. В этой трагедии трудно винить только правительство: и польское, и русское, и иное — всегда правительство, таким образом, ищет своего — государственной пользы. Его можно винить только в недальновидности, в непонимании этой государственной пользы (вместо того чтобы через православие подготовлять глубокое культурно-политическое влияние на будущую Россию, подготовляется неизбежное враждебное вторжение). Тут вспоминаются евангельские слова Христа к Пилату: „предавший меня имеет большой грех“. Вот почему народно-церковное недовольство выливалось сильнее против своей иерархии, чем против правительства.

Началось и в Польше то же, что и в советской России: подбор иерархии. С внешней стороны положение правительства было очень выгодно: оно, опираясь на свою иерархию, выступало лишь как действующее по соглашению с ним (concordat), либо даже как оказывающее помощь и покровительство Православной Церкви. Так удалены были четыре православных епископа из пяти бывших до того в Польше. Вместо удаленных поставлены другие, которые уже наперед „на всё согласны“. Отбирается, например, церковное имущество, часто незаконно. Вместо ожидаемой защиты следует архиерейский указ благочинному: „сдать“. Не понравился старосте новый священник — посылается письмо к воеводе, воевода к архиерею, архиерей в консисторию: „удалить“ (так, например, удалено на днях без суда четыре священника в Виленской епархии). Скажите, что это — жизнь или философия? Чего можно ожидать от пастыря, живущего под вечным страхом перед местной полицией? Читателям „За свободу“ немного знакома история высылки г. Недельского. Кто знает этого уже довольно пожилого преподавателя канонического права,

тому смешно говорить о нем как о политическом деятеле. Но он защитник Елевферия и важный свидетель по делу Смарагда, и его без суда, без объяснений, без обвинений, без ордера, в полчаса местного уроженца по дедам и прадедам хотели выслать в советскую Россию.

Недельский Владимир Климентович (рисунок В. В. Богдановича)

Что это, жизнь или философия? Так повторяется историческая ошибка Польши: налаживается „згода“ [согласие] между правительством и высшим православным духовенством и роется яма между ним и православным народом.

Все эти высланные лица, и духовные и светские, просили, желали, счастливы были бы, если бы их судили, чтобы таким образом оправдаться в возводимых на них обвинениях. Но… суд есть привилегия преступников — невинных заточают и высылают без суда. Вот почему Смарагд пошел, вынужден был психологически пойти на преступление, чтобы заставить судить себя и тем дать возможность высказаться и себе, и всей Церкви в лице свидетелей, — вот психологическая подкладка этого небывалого эксцесса. (Вы помните слова Смарагда Латышенки на первом суде: „Я отдал всё: и свою жизнь, и свою карьеру, и свое образование, и свои способности в жертву за то, чтобы вы хоть на минутку задумались о том, что вы с нами делаете“.)

Вы советуете нам объединяться вокруг иерархии. Да ведь мы объединялись, объединялись на чисто церковной работе вокруг Елевферия, Владимира, Пантелеимона, Сергия, но где же они? Вы советуете объединяться с теми, которые их выслали? Но спрашиваю Вас, для какой деятельности? Не значит ли это порывать связь с Церковью, т. е. с церковным народом, с которым не хотели идти эти иерархи, и с церковными канонами? Попросту говоря — идти в комиссию по ликвидации Православной Церкви в Польше? Помогать антицерковной и антигосударственной работе?

„Правители и законодатели должны читать историю, ибо она предупреждает ошибки прошлого“, — говорил старик Карамзин. К сожалению, нас история ничему не научила»*.

Вскоре В. В. Богдановичу вновь пришлось отвечать на статью Д. В. Философова:

«Письмо в редакцию.

Настоящее мое письмо (как и предыдущее) вызвано статьей Д. В. Философова („ответ сенатору Богдановичу“). Оставляя в стороне чисто полемический и личный элемент в ответе Д. В. Философова, я вижу два поставленных мне вопроса: 1) почему иерархия в царские времена мирилась со своим положением и не мирится теперь и 2) почему мы (очевидно, я и люди одинакового со мною образа мыслей), поглощенные внутренней борьбой, не боремся с надвигающейся опасностью со стороны римо-католичества.

Первый вопрос не имеет особенного церковно-общественного интереса, и притом ответ на него ясен сам по себе. Духовенство и тогда не мирилось (часть его),

* За свободу. Варшава, 1923. № 284. 5 декабря.

и теперь не мирится, равно как и тогда и теперь часть его не только мирится (см. письмо архиепископа Феодосия [Феодосиева]), но еще и помогает порабощать Церковь, а другая не мирится и платится за это бóльшими или меньшими репрессиями.

Но второй затронутый г. Философовым вопрос стóит того, чтобы на нем остановиться дольше. Однако спешу оговориться, что если под борьбой здесь разуметь активные выступления против римо-католицизма, то такая наступательная война против христианских же исповеданий никогда не была в духе ни исторического, ни идейного православия. Что же касается обороны православия от возможных или уже, может быть, действительных наступательных действий римо-католицизма, то мне кажется, что здесь именно единственным надежным средством является именно то, что отвергается г. Философовым, т. е. организация православного народа на чисто церковной почве. Д. В. Философов видит „благоприятный фактор“ для борьбы с римо-католичеством в правительстве и пренебрежительно отзывается о „просвещенных полещуках“ [то есть жителях Полесья]. „Gazeta Warszawska“ подхватывает эту мысль и по поводу бывшей между нами полемики толкует слова Д. В. Философова в том смысле, что „среди православных политиков, вследствие опасности от римо-католической пропаганды, возникло объединительное течение, стремящееся к соглашению с польским правительством и соглашающееся на самостоятельное устройство Православной Церкви в Польше (так называемую автокефалию), выразителем какового течения является собственно Д. В. Философов“.

Права или не права газета в отношении Д. В. Философова, я не знаю, но безотносительно, я думаю, — не права. Я полагаю, что никакое, хотя бы и благожелательное,

вторжение светской власти в церковную жизнь не может быть в конце концов для Церкви полезно, потому что оно мирщит церковную жизнь и неминуемо разлагает ее. Я уже не говорю здесь об активной помощи правительства в этой борьбе. Ее, конечно, никогда не будет, а если бы и была, то бороться с иным исповеданием при помощи власти, при помощи внешней силы, что подчас бывало в царские времена и что теперь бывает, но при помощи со стороны правительства вовсе не православного, — я считаю принципиально недопустимым. Церковь должна сама найти в себе силы бороться за чистоту своего учения и канонов, и она, конечно, найдет их в себе, если только не окажется в ней самой, внутри нее, в ее организации какой-либо внутренней разлагающей причины. Эту причину я и вижу в той старой закваске, старой привычке нашей иерархии идти на помочах у правительства, вместо того чтобы организоваться внутри.

Здесь поневоле мне снова придется сделать экскурсии в область истории. Кто в XVI–XVIII вв. оказались наиболее стойкими в сохранении своей православной веры в Польше, высшая ли иерархия, аристократия ли (родовая и интеллигентская) или эти „просвещенные полещуки“, которые сорганизовались в цехи и братства, строили и содержали церкви, школы, типографии, а когда у них отняли и это, предпочли остаться даже непросвещенными только бы отстоять свою веру (и народность). Понимая это и видя их стойкость, восточные патриархи давали этим братствам „ставропигии“, т. е. независимость от местного епископата, который и тогда (увы!), как и теперь, оказался куда более покладистым. Дольше, может быть, стояла православная аристократия местная и эмигрантская (Курбский), но и она в конце концов изменила вере, если не под влиянием преследований, то под влиянием соблазна

более высокой культуры. Сильна была она до тех пор, пока работала для народа и вместе со своим народом.

В Православной Церкви нынешней Польши с самого начала были попытки именно организации православного народа на чисто церковной почве. Некоторые епископы тотчас стали, согласно церковным правилам, созывать епархиальные собрания с представителями от народа, организовывать приходские советы. В 1921 году хотели на основании правил Московского Собора организовать Союз приходов, и правительство дало свое согласие на съезд. Но Преосвященный Дионисий от своей епархии на съезд делегатов не пустил, а под влиянием уже приехавшего в Польшу архиепископа Георгия правительство не разрешило открыть заседания уже съехавшимся депутатам. С укреплением „Новой иерархии“ уничтожены выборные епархиальные советы, выборные благочинные, перестали собирать епархиальные собрания, заменив их съездами благочинных (нынче епархиальное собрание собрано было лишь в Вильне архиепископом Феодосием); как известно, съезд запретил консисториям давать сведения по церковным вопросам послам Сейма и Сената, а недавно (указом Синода 12 сентября № 404) уничтожены и приходские советы. Как видят читатели, история повторяется. Сама иерархия, тогда вооружившаяся против своих же братств, теперь также уничтожает всякое участие народа в церковных делах»*.

После гибели митрополита Георгия встал вопрос об избрании главы Польской Церкви, для чего необходимо было наличие хотя бы трех архиереев. Для этого был хиротонисан в викарного епископа Люблинского архимандрит Антоний (Марценко). Предстоятелем Православной

* За свободу. Варшава, 1923. № 302. 24 декабря.

Церкви в Польше был избран 27 февраля 1923 года архиепископ Дионисий (Валединский) и возведен в сан митрополита. Его избранию, сходному с избраниями предстоятелей Русской Церкви при господстве в России атеистической власти, в значительной степени послужила его готовность быть послушным всем распоряжениям польского правительства, настойчиво требовавшего от иерархов введения в Польше автокефалии.

13 марта 1923 года патриарх Константинопольский Мелетий IV* в нарушение канонов грубо вмешался в дела

---

* Патриарх Мелетий IV (Метаксакис; 1871–1935). В 1900 году назначен секретарем Священного Синода Иерусалимского патриархата и впоследствии возведен в сан архимандрита. В 1908 году был изгнан патриархом Иерусалимским Дамианом «за деятельность против Святого Гроба». В 1909 году архимандрит Мелетий отправился на оккупированный британцами Кипр и здесь вместе с двумя другими православными священнослужителями вступил в английскую масонскую ложу. В 1910 году он был хиротонисан во епископа и назначен на Кипре митрополитом Китийским. В 1912 году выдвинул свою кандидатуру на Константинопольскую кафедру, но его кандидатура была отклонена. В 1918 году при поддержке главы греческого правительства Элефтериоса Венизелоса был избран архиепископом Афинским. После ухода Венизелоса из власти в 1920 году, был смещен с кафедры и в 1921 году уехал в США, где руководил греческими общинами, преобразованными им в 1921 году в «Греческую Архиепископию». В том же году без согласия турецкого правительства прибыл в оккупированный войсками Антанты Стамбул и под прикрытием оккупационных войск был избран патриархом Константинопольским. В 1922 году издал томос о праве Константинополя на «непосредственный надзор и управление над всеми без исключения православными приходами, находящимися вне пределов Поместных Православных Церквей, в Европе, Америке и других местах». В 1923 году незаконно утвердил избрание митрополитом Варшавским архиепископа Дионисия (Валединского). В том же году принял в свою юрисдикцию бывшую Ревельскую епархию Российской Церкви как подчиненный ему автономный округ, именуемый «Эстонская Православная Церковь». Тогда же, несмотря на протесты Русской Православной Церкви и Русской Православной Церкви Заграницей, патриарх Мелетий дал томос Финляндской Православной Церкви с подчинением ее юрисдикции Константинопольского патриархата и хиротонисал протоиерея Германа Аава,

Русской Православной Церкви и утвердил митрополита Дионисия в звании Предстоятеля самочинно образованной Польской Церкви.

В июле 1923 года Священный Синод в Польше возбудил перед польским правительством ходатайство, чтобы служащие в государственных учреждениях, а также военнослужащие православного исповедания освобождались в дни православных праздников от несения службы. В ответ польское правительство предложило Православной Церкви в Польше решить этот вопрос иным образом — перейти на григорианский календарь, и тогда часть католических праздников будет совпадать с православными, и они могут их праздновать вместе с католиками, освобождаясь от работы. Польский Синод запросил об этом Константинопольского патриарха Григория VII, который благословил ввести в православных храмах Польши новый

находившегося в юрисдикции Русской Православной Церкви, в Предстоятеля автономной Церкви Финляндии. Ввиду недовольства клира и мирян действиями патриарха Мелетия, в 1923 году он покинул Стамбул, удалился на Афон и под давлением светских и церковных властей Греции подал в отставку. В 1926 году он был избран патриархом Александрийским. В 1930 году в качестве главы церковной делегации принял участие в Ламбетской конференции и, признав действительность англиканских хиротоний, стал заниматься вопросами объединения протестантов и православных. Скончался в Цюрихе в 1935 году. Митрополит Керкирский Мефодий (Кондостанос) писал о нем: «беглец из святых мест, из Китии, из Афин, из Константинополя, Мелетий Метаксакис — непостоянный и неспокойный властолюбивый дух, злой демон». Патриарх Мелетий был автором календарных реформ, приведших в дальнейшем к многочисленным расколам. А. С. Буевский писал о нем: «Близкий друг Венизелоса, он всецело разделял политические устремления панэллинистов и своей бурной, но печальной памяти карьерой дал образец „патриарха-новатора“, безраздельно подчиняющего интересы Единой Церкви духу времени» (*Буевский А. С.* Патриарх Константинопольский Мелетий IV и Русская Православная Церковь // Журнал Московской Патриархии. 1953. № 3. С. 29). Патриарх Мелетий был масоном, членом Великой масонской ложи Греции.

стиль. 12 апреля 1924 года находящиеся в Польше и верные митрополиту Дионисию епископы приняли решение ввести новый стиль и, призвав клир и православное население Польши к выполнению этого постановления, сообщили о своем решении правительству. 30 мая 1924 года польским правительством был принят циркуляр, разосланный впоследствии уездным старостам, войтам гмин* и полицейским комендатурам, которым было поручено «следить за тем, чтобы новое счисление времени православным населением было принято и исполняемо. О всех случаях неисполнения следует доносить соответствующему посту государственной полиции»**.

Миряне в Польше категорически отказались отмечать православные праздники по новому стилю и перестали посещать храмы, где богослужения совершались по григорианскому календарю. Часть духовенства также отказалась служить по новому стилю и была взята полицией под надзор. Полиция разгоняла народ, собиравшийся перед храмами в дни больших праздников, составляла протоколы на священников, обвиняя их в неподчинении правительственной и церковной власти и в агитации в пользу старого стиля. Кое-где произошли кровавые столкновения — более ожесточенные, чем при изъятии церковных ценностей из храмов в советской России. Представители православного населения выразили в Сейме письменный протест, и в конце концов Собор епископов в Польше отступил от своего первоначального решения, и 16 августа 1924 года было разрешено праздновать, кто как хочет в той или иной местности.

---

* Гмина — наименьшая административная единица, волость.

** *Свитич А. К.* Православная Церковь в Польше и ее автокефалия // Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии. 1917–1950 гг. Сборник. М., 1997. С. 129.

Националистически настроенное правительство Польши в то время было крайне заинтересовано в отрыве русского православного населения от России и Русской Православной Церкви и присоединении его к униатам. Сразу это в полной мере осуществить было невозможно, но, подчинив Православную Церковь в Польше государству, вполне возможно было максимально ее ослабить, пользуясь для этой цели услугами недобросовестных епископов, которые были готовы из корыстных соображений заключить договор с государственными властями в ущерб православной пастве. За относительно короткий срок степень подчинения Православной Церкви государству достигла в Польше едва ли не бóльших размеров, чем за это время в советской России. Для окончательного успеха в проведении этого плана нужно было добиться автокефалии. В 1924 году польское правительство через своего посла в Турции Романа Кнолла (1888–1946) предприняло ряд действий, чтобы получить от Константинопольской патриархии благословение на автокефалию. Основное время было потрачено не на дискуссии о канонах, а на переговоры о продажной цене автокефалии. На переговорах выяснилось, что цену Константинопольская патриархия выставила, как показалось полякам, завышенную. Сам патриарх в это время болел, и переговоры, а также «согласие на автокефалию выразил митрополит Кизический Каллиник, председательствовавший вместо больного патриарха в Синоде»*. В конце концов польскому послу удалось договориться, что автокефалия Польской Православной Церкви будет куплена польским правительством за 12 000 фунтов стерлингов**.

---

* Протопресвитер Виталий Боровой (1916–2008). Пастырь, богослов, педагог, дипломат. М., 2018. С. 316.

** *Чибисова А. А.* К вопросу о получении автокефалии Польской Православной Церковью // Церковь. Богословие. История. Материалы

Отмечая незаконность действий митрополита Дионисия, патриарх Тихон 5 июня 1924 года написал ему: «Для нас остается неясным, на основании каких канонических правил часть Всероссийской Православной Церкви без согласия Поместного Собора и благословения ее Предстоятеля могла стать независимой и какими каноническими правилами руководясь Святейший Мелетий IV [Метаксакис], бывший патриарх Константинопольский, счел себя вправе простирать свою власть на часть Патриархата Всероссийского.

Не имея об этом официального доклада от Вашего Высокопреосвященства, мы получаем много частных сообщений, которые рисуют в очень неблагоприятном свете историю перехода Православной Церкви в Польше к независимости и ее положение в Польском государстве. Нам сообщают о горячих протестах, которыми было встречено объявление независимости Православной Церкви в Польше со стороны православных епископов и верующих, о насилиях, которыми подверглись возражавшие, и о незаконном лишении кафедр четырех епископов, Преосвященных: Пантелеимона [Рожновского], Сергия [Королева], Владимира [Тихоницкого] и Елевферия [Богоявленского]. Что касается благожелательного отношения Польского государства к Православной Церкви в пределах Польского государства и покровительства, оказываемого им свободе и развитию православия, то и в этом отношении наши частные сведения <…> не согласуются с сообщениями Вашего Высокопреосвященства.

При такой неполноте и противоречивости полученных нами сведений о происходящем в Польской православной митрополии мы не можем благословить

III Международной научно-богословской конференции (Екатеринбург, 6–7 февраля 2015 г.). Екатеринбург, 2015. С. 637.

самостоятельного существования Православной Церкви в Польском государстве до тех пор, пока все обстоятельства и канонические основания ее перехода к независимому бытию не будут выяснены перед Собором Всероссийской Православной Церкви»*.

16 августа 1924 года митрополит Дионисий созвал в Почаевской лавре Собор епископов, и те подписались под текстом письма к патриарху Тихону, в котором возводилась злостная клевета на архиереев, несогласных с незаконными попытками митрополита Дионисия получить автокефалию. «Преосвященные Елевферий, Владимир и Пантелеимон лишены своих кафедр по причине многих канонических правонарушений, и о незаконности лишения их кафедр не может быть и речи, ибо… они вели церковную жизнь к анархии и Церковь к бесправию»**, — говорилось в этом письме.

13 ноября 1924 года, за три дня до смерти, Константинопольский патриарх Григорий VII поставил свою подпись под томосом, в котором Польская Православная Церковь признавалась автокефальной, но в юрисдикции Константинопольского патриарха. Официальное объявление об автокефалии было сделано при преемнике Григория VII патриархе Константине VI, который вскоре был выслан турецкими властями из Стамбула. Митрополит Дионисий, узнав о подписании томоса, почти год медлил с его объявлением, опасаясь возмущения народа. При преемнике патриарха Константина VI, Василии III, его представители

---

* Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти 1917–1943 гг. / *Сост. М. Е. Губонин.* М., 1994. С. 320–321.

** *Свитич А. К.* Православная Церковь в Польше и ее автокефалия // Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии. 1917–1950 гг. М., 1997. С. 141.

прибыли в Варшаву и 17 сентября 1925 года вручили томос, объявив об автокефалии, спустя почти полгода после кончины патриарха Тихона.

Когда об этом стало известно, по всей Польше прокатилась волна протестов против незаконной автокефалии, которую, по существу, следовало бы квалифицировать как раскол, виновником которого стали гражданские власти и группа властолюбивых епископов. Член Поместного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 годов, в 1920–1921 годах ректор Виленской духовной семинарии, с 1922 года — сенатор Польского сената, В. В. Богданович при обсуждении бюджета Министерства исповеданий и просвещения 23 июня 1925 года выступил в защиту интересов православного населения Польши, сказав: «Когда восстановлена была Польша и постепенно, сначала фактически, а потом и юридически определились ее границы, то в этих границах по разным статистическим данным оказалось от четырех до пяти миллионов православных. Факт этот выдвинул на первый план вопрос чрезвычайной

Гости из Стамбула. Варшавский вокзал, 1925 год

Аудиенция у президента Польши Станислава Войцеховского, 1925 год

важности — о юридической форме существования Церкви Православной в Польше. Высокие принципы, провозглашённые польской Конституцией и первоначальное вольнолюбивое и приподнятое настроение польского народа, казалось бы, давали гарантию тому, что этот вопрос разрешен будет на основании принципа: „свободная Церковь в свободном государстве“. На это тем более можно было рассчитывать, что к тому времени в благоприятном направлении изменился и самый внутренний строй Церкви, приняв так называемые „соборные“ формы, как нельзя более соответствующие демократическому устройству государства. Народ-Церковь должен был заключить союз с народом-государством, и если бы это осуществилось, то такого конкордата никакая сила не могла бы разрушить. На несчастье, не знаю благодаря чьим внушениям, думаю, что благодаря внушениям тех кругов, которые борьбу с православием считают выше интересов государства,

правительство захотело идти иной дорогой, дорогой исторических ошибок, каковая дорога и привела к тому положению, которое мы видим теперь. Вместо того чтобы заключить союз с целым православным народом, пользуясь услугами епископов только как высоких посредников, как представителей народа и выразителей его стремлений, — с этой точки зрения государство даже обязано было требовать от епископата формальных доказательств доверия со стороны народа, — вместо этого правительство решило, пользуясь недостойными услугами одного-двух иерархов, создать неистинную и с точки зрения канонической, и с точки зрения представительства иерархию и разговаривать с ней. Когда блаженной памяти патриарх Тихон назначил на Варшавскую кафедру в качестве временного Экзарха архиепископа Георгия, правительство признало этот акт, а это значило, что признало и власть патр[иарха] Тихона, но когда этот последний в присланном им для руководства „положении“, согласно с каноническими правилами Православной Церкви, назначение архиепископа Георгия на место постоянного митрополита „всея Польши“ поставил в зависимость от Собора, то есть от доверия к нему всего православного народа, то правительство позволило ему исказить… это „положение“, выбросив из него всё то, что заключало в себе начала соборности, и признало его митрополитом всей Польши без Собора, а с патриархом были прерваны сношения. Этим правительство ясно показало, что оно не хочет разговаривать с Православной Церковью как с православным народом, и таким образом выкопало между собой и народом яму, которую теперь трудно уничтожить.

Последующая деятельность правительства только углубила эту пропасть, ибо когда преследуются архипастыри и пастыри, канонически поставленные и пользующиеся

В. В. Богданович

доверием народа, то получается впечатление, что правительство не только не хочет разговаривать с народом, но уже ведет с ним открытую борьбу. В прошлом году я имел возможность доложить с этой высокой трибуны о средневековых, почти легендарных репрессиях в отношении к четырем православным епископам. К сожалению, проявление такого отношения к истинным пастырям народа мы видели и нынче. Приведу примеры. <…>

Из православного Жировицкого монастыря насильно был вывезен в Барановичи, а оттуда через Варшаву за границу архимандрит Тихон. Чтобы вывезти его, собрана была в Жировицы и в окрестные деревни и явная и тайная полиция с целого уезда. Православных верующих, которые старались попрощаться с любимым пастырем и получить от него благословение, беспощадно избивали и не допускали к нему. В этом избиении деятельное участие принимали призванные на помощь полиции ученики местной польской земледельческой школы, вооруженные палками.

Какое же преступление совершил этот архимандрит? С точки зрения государственной — никакое, иначе его бы отдали под суд. Наоборот, он оказал большую услугу государству, когда в момент сильных волнений в Жировицах по поводу силой вводимого нового календаря, <…> по поводу массовых арестов и битья полицией даже детей, <…> только он, благодаря своему влиянию на народ, сумел успокоить его гнев и направить настроение народа

по чисто религиозному пути. Но он не нравился официальной церковной власти, и для ее удовольствия, на горе православному народу и на вред государству, его отобрали от любящих пасомых и выслали за границу. Храмы теперь в Жировицах пустуют. Кто же выиграл от этого упадка религиозного чувства? Не знаю, только не государство и не Церковь. <…>

Деятельность правительства, направленная к притеснению законных представителей народа и создаванию в противовес им ложных представителей, является главнейшей ошибкой правительства в церковном деле, хотя нельзя не сознаться, что стремление к создаванию фальшивых декоративных представительств является и вообще характерной чертой всей политики польского правительства. Создаются ложные репрезентации украинские, белорусские, русские, тратятся на них народные деньги, и это только для того, чтобы в нужный торжественный декоративный момент выставить их перед Европой и Америкой, очевидно рассчитывая на то, что иностранцы скорее

Крестный ход в Жировицах. 1920-е годы

и легче отдадут свои лиры, франки и доллары в польскую казну. В действительности мы видим, что это к желанному результату не приводит, — политика искренности была бы здесь много полезнее, — и бюджет по-прежнему строится на податях с народа, с которым разговаривать не желают. <…>

Небезопасность такой политики уже начинают понимать многие из поляков-католиков. Вот, например, выдержки из польских газет разных направлений. „Каждое назначение в среде церковной иерархии правительство рассматривает только с точки зрения легкости переговоров с данной личностью. Вместо иерархов с твердыми принципами поддерживаются иерархи с гибкими совестями“. <…> „Мы считаем, что, безусловно, следует покончить с облегчением себе влияний в Церкви через поддержку и возвышение на высшие иерархические степени разных карьеристов с сомнительным прошлым“. <…>

Переходя к рассмотрению отдельных церковных вопросов, я прошу <…> не забывать того, что я говорил об основной ошибке в церковной политике <…>.

Одним из главнейших таких вопросов является вопрос об автокефалии. Правительство, работая совместно с официальной иерархией, очень поспешно разрешило этот вопрос без всякого участия клира и церковного народа. Не решаясь судить о том, какое постановление по этому делу принял бы церковный народ, вся Церковь, если бы ей была дана возможность выразить свое мнение путем каноническим, то есть на Соборе, я категорически утверждаю, что разрешение этого вопроса правительством и иерархией без клира и народа не может иметь ни канонического значения, ни жизненной крепости. Многочисленные аналогичные опыты в истории Литвы и Польши ясно говорят об этом. Не укрепляет этого дела и участие

В. Богданович (крайний слева во втором ряду) среди представителей депутатского клуба, 1923 год

в нем Константинопольского патриарха, который ни фактически, ни юридически не является главою Православной Церкви в Польше. Наоборот, его участие компрометирует это дело ввиду обнаруженных близких сношений его с неканонической „Живой церковью“ в советской России. <…>

Я перехожу теперь еще к одному больному вопросу, вопросу о сокращении… православных приходов, который снова дает вам доказательства вреда системы несоответственных представительств.

Приведу несколько примеров из числа тех, просьбы о которых поступили в [депутатский] клуб сравнительно недавно.

Свенцицкий приход, Волковысский уезд, существует с XVII века. Церковь красивая, величественной постройки, никогда костёлом не была. Прихожан 2 886 душ, постройки целы и в хорошем состоянии, ближайшая церковь в 15 километрах. Церковная земля подарена церкви частным лицом. И все-таки приход закрыт.

Голдовский приход, Барановичский уезд, церковь есть, прихожан 3 136. Приход закрыт, и прихожане присоединены к соседнему приходу в 10 километрах за рекою.

Полонковский приход, Волковысский уезд. Церковь новая, каменная, постройки 1874 года, но приход старый, существующий еще с XVI века, прихожан 2 024, земля есть. Приход закрыт. <…>

Байковский приход, Пружанский уезд, церковь хорошая, существует уже второе столетие, прихожан 2 505 душ, земля и постройки есть. Приход закрыт.

Маломожейковский приход — древнейшая православная каменная церковь в крае, построенная в 1409 году и недавно праздновавшая 500-летие своего существования. Приход был закрыт.

Дятловичский приход, церковь в наилучшем состоянии, построена в 1870 году, никогда ни костёлом, ни униатской церковью не была; постройки для причта сооружены самими прихожанами на их средства и их силами. Приход предназначен к закрытию.

Поручинский приход, также имеющий более 3 тысяч прихожан, официально зарегистрированных, и т. д.

Так как я уже выяснил перед вами, чем является у нас для Церкви Православной официальная иерархия, то вы не будете удивлены, если я скажу, что на закрытие большинства этих приходов сами иерархи изъявили свое согласие, подписав правительственные проекты о „сокращении“. От ненастоящих представителей чего-либо иного и ожидать было нельзя. В какой степени это согласие соответствует действительным потребностям народа, свидетельствуют те постоянные слезные просьбы народа, обращенные и к правительству, и к законодательным учреждениям, и к той самой церковной иерархии об открытии этих приходов, о разрешении им молиться в этих

церквях. Просьбы эти, полные неподдельного народного горя и печали, невозможно читать равнодушно»*.

Многие православные приходы в Польше выразили несогласие с подобной политикой церковных иерархов и заявили, что остаются в каноническом подчинении Местоблюстителя Патриаршего престола, митрополита Крутицкого Петра (Полянского), и выходят из подчинения митрополита Дионисия. Архиепископы Литовский и Виленский Елевферий, Гродненский Владимир и епископ Бельский Сергий направили к пастве, находящейся в пределах Польши, послание, в котором, выразив свое отношение к этим событиям, написали: «Почти три года прошло, как мы, вопреки государственным и церковным законам, насилием изгнаны от вас и через то лишены личного общения с вами и руководительства вами по пути к вечной жизни, для чего, по воле Божией, Духом Святым вы и вручены нашим архипастырским совестям.

Епископ Сергий (Королев). Выборг, 1927 год

* ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 17. Л. 13 об.–15 об.

Но человеческое насилие не изменяет Божией воли до тех пор, пока она не скажется в передаче вас другим архипастырям в законном порядке распоряжением Высшей канонической церковной власти. <…>

Мы не можем забыть светлых дней вашего высокого духовного движения в любви к канонической истине еще в бытность нашу с вами, когда, услышав о том, что покойный ныне Варшавский митрополит Георгий, виновник церковной смуты в Православной Церкви в Польском государстве, с единомысленными ему еп[ископом] Дионисием и неканоническим Александром, по желанию иноверного правительства, при решительном отказе от того остальных канонических епископов, самочинно провозгласил автокефалию нашей Православной Церкви, вы, собираясь на епархиальные собрания, искренно желая заявить свой голос, без личного участия иерархов, а только с их благословения и согласия, выносили свои, сдержанные по форме, но полные неуклонной силы постановления против навязываемой вам бесчинной автокефалии, ясно сознавая, что эта автокефалия, отрывая вас от матери, Русской Церкви, ввергнет вас в церковную смуту, в глубокие церковные нестроения и порабощение православной совести тяжелой иноверной руке. Все тогда дышали и страхом и торжеством: страхом — от сознания, что забывший канонические границы м[итрополит] Георгий, опираясь на иноверную власть, не пощадит ваших иерархов; торжеством — от мысли, что вы исполняете повелительный долг канонической совести. <…>

Мы знаем, что объявленная лжемитрополитом Варшавским Дионисием и его „Синодом“ бесчинная церковная автокефалия, насилием теперь у вас утверждаемая, взволновала ваши сердца, вызвала похвальное возмущение ею. В Гродненской епархии, невзирая на все тяжелые

последствия, отложились от лжеепископов два настоятеля приходов, а с ними и все прихожане, шедшие для молитвы туда, где служили эти доблестные ревнители истины, — а служили они, за устранением их от приходских храмов, то на кладбищах, то в частных домах. <…>

А в Вильне доблестнейший наш соработник в отстаивании канонической истины против отступников от нее Вячеслав Вас[ильевич] Богданович, сенатор, неутомимый ревнитель дела Христова, вместе с другими такими же защитниками истины открыто заявил лжеиерархам, изменившим ей, отставшим от матери Церкви, об окончательном разрыве всякого с ними церковного общения и твердом желании оставаться в недрах последней, в каноническом отношении подчиняться Всероссийскому патриарху или его Местоблюстителю, а в ближайшем отношении своему каноническому архипастырю, решив образовать на канонических основах отдельный приход, об юридическом утверждении которого он и обратился с просьбой к государственной власти.

Результатом этой вполне законной просьбы, переданной властями на заключение еп[ископу] Дионисию, было то, что этот иерарх, мнимый глава Православной Церкви в Польском государстве, послал незаконному Виленскому архиепископу Феодосию письменное распоряжение: В. В. Богдановича и всех, подписавших просьбу, отлучить от Церкви и предать анафеме.

Боясь вызвать этим актом негодование православных, ар[хиепископ] Феодосий пригласил к себе В. В. Богдановича и объявил ему волю лжемитрополита Дионисия. Тот с отменным спокойствием выслушал ее и заявил, что эта анафема нисколько не смущает и не касается их; они сами не желают иметь с автокефальными иерархами церковного общения и остаются в единении не только с Российской,

но и со всей Православной Церковью, от которой те отпали и потому достойны законного прещения. <…>

Наше внимание в данном случае останавливается не на том или другом акте еп[ископа] Дионисия — каждый из них в применении по существу — удар в пространство, ибо нельзя же анафематствовать или объявлять отпавшими от Православной Церкви тех, которые, принимая подвиг исповедничества, в действительности остаются в ней и только ограждают себя от тех, кто впал в церковный раскол, самовольно отколовшись от канонической Главы Церкви, — а на том открытом заявлении самочинному главе Православной Церкви в Польше, что огромное большинство в Вильне, не говоря о селах, стоит против автокефалии и незаконных иерархов, что последние, следовательно, изменили истине…»*

Заседание Синода. Слева направо: епископ Алексий (Громадский), архиепископ Феодосий (Феодосиев), митрополит Дионисий (Валединский) и епископ Александр (Иноземцев)

* ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 17. Л. 28–29.

Митрополит Дионисий принимает в Почаевской лавре президента Польши Игнация Мощчицкого и архиерея Константинопольского Патриархата. 1927 год

В 1927 году Константинопольский патриарх Василий III (Георгиадис; 1846–1929) дал митрополиту Дионисию титул «блаженнейший». Однако заместитель патриаршего Местоблюстителя митрополит Нижегородский Сергий (Страгородский) не согласился с действиями митрополита Дионисия и призвал его в письмах от 4 января и 22 октября 1928 года не настаивать на незаконно полученной автокефалии, напомнив, что и патриарх Тихон, и его преемник Местоблюститель митрополит Крутицкий Петр (Полянский), только узнав об автокефалии, опротестовали ее.

На письмо от 4 января митрополит Дионисий ответил лицемерным посланием, в котором язык церковной дипломатии еще ярче подчеркивал его лживый и лукавый характер. «Мне весьма прискорбно, что и Вы, при всей широте Вашего любвеобильного сердца, не смогли подойти к вопросу нашей автокефалии так, как это следовало бы, — писал он. — Вы отлично знаете, как тяжело править в настоящее время Церковью, в каких она ныне отовсюду

утеснениях и опасностях, как трудно теперь сохранять канонический строй церковного управления и христианской жизни. Это уразумели Восточные Церкви, лишь в Москве не хотят уразуметь многого и думают, что автокефалия Польской Православной Церкви — дело честолюбивых иерархов. Какое горькое и обидное заблуждение! Более смиренной, бескорыстной и невзыскательной иерархии, как православная иерархия в Польше, наверное, не сыскать нигде. Все мы можем, положа руку на сердце, дерзновенно сказать: мы ежедневно умираем, чтобы жила Православная Церковь в Польше, а в Ваших глазах мы — изменники матери-Церкви и жалкие честолюбцы. <…>

Содержание Вашего последнего письма таково, что я не вижу возможности официально отвечать на него»*. В дальнейшем митрополит Дионисий вообще перестал отвечать на официальные письма заместителя Местоблюстителя митрополита Сергия, переправляя их патриарху Константинопольскому Василию III.

30 мая 1930 года президент Польской Республики Игнаций Мощчицкий издал декрет о созыве Поместного Собора Православной Церкви в Польше. Узнав об этом, заместитель Местоблюстителя митрополит Сергий снова обратился к митрополиту Дионисию с увещанием, в котором писал: «Что же принесет Вам незаконная автокефалия, покупаемая такою ценою? Невольно вспоминается прежняя история православия в Польше. Там всегда умели усыпить бдительность православной иерархии разными личными правами и привилегиями. А низшее духовенство с православной паствой в это время влачили жалкое существование в постоянных тревогах за целость своих

---

* *Свитич А. К.* Православная Церковь в Польше и ее автокефалия // Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии. 1917–1950 гг. Сборник. М., 1997. С. 142.

Митрополит Дионисий и другие архиереи у президента Польши Игнация Мощчицкого. 1930 год

храмов, за неприкосновенность своих святынь, за самую сохранность святой веры. Не повторяется ли эта история и в наши дни? <…>

Во имя возложенного на меня долга пещись о всей православной пастве Московского Патриархата, <…> я снова братски убеждаю Вас отказаться от Вашего губительного для Церкви начинания, не отрывать искусственно и насильственно православной паствы Вашей от ее векового союза с Церковью Русской и тем не подвергнуть свою паству всем невзгодам внутренней церковной анархии.

Ведь если Вы отказываетесь подчиниться своему законному Кириарху — Московскому Патриарху или его Местоблюстителю, то этим даете каноническую возможность каждому служащему Вам в Польше архипастырю и каждому из подведомых Вам клирику и мирянину (и даже делаете это обязательным) отказать Вам в подчинении и искать себе окормления за границей.

Неужели же своими руками Вы будете способствовать повторению в Польше тех злосчастных времен, когда православная паства была покинута своими архиереями и должна была своими силами и на свой страх отстаивать свою веру и церковную независимость от Рима?..

Пусть предстоящий у Вас Собор обсудит вопрос и об автокефалии, пусть даже сделает заключение о правах на автокефалию и о желательности последней, но пусть он торжественно и мужественно откажется от автокефалии незаконной и пригласит православную паству в Польше оставаться в каноническом общении с Московской Патриархией и от законного источника — от Поместного Собора Святой Православной Церкви Русской ожидать себе уже законной, а не самочинной, спасительной, а не губительной автокефалии»*.

К 1930 году на территории Польши, в Холмщине и Подляшье, Православная Церковь потеряла 320 храмов, из которых 111 было закрыто, 150 обращено в костёлы и 59 разрушено. В Холме у православных был отобран собор и из 11 храмов был оставлен только один. Начался катастрофический развал Польской Православной Церкви. К 1931 году на Волыни было отдано 302 православных храма католикам, 22 храма — униатам, под гражданское жилье было занято 19 храмов, 70 разрушено, 104 храма закрыто. Высшая церковная власть разрешила совершать богослужение на украинском, польском, белорусском и чешском языках по книгам, не имевшим одобрения самой церковной власти, причем исходя из удобств той или иной местности, что привело церковную жизнь к анархии, к распаду приходов на национальные группы и вспышке

---

* *Свитич А. К.* Православная Церковь в Польше и ее автокефалия // Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии. 1917–1950 гг. Сборник. М., 1997. С. 146–147.

Предсоборное совещание. 1935 год

национализма. Духовенство и верующие в большинстве своем осудили нововведения, осудили и украинизацию богослужения и потребовали вернуть в храмы богослужение на церковнославянском языке.

13–14 мая 1935 года открылась сессия Предсоборного совещания, которую созвал митрополит Дионисий. Она совпала со смертью Юзефа Пилсудского. «На Польское государство обрушился тяжелый удар, — сказал митрополит Дионисий, — умер великий вождь народа и строитель Польского государства. Глубоко этим потрясенные, мы вознесли молитвы об упокоении души великого умершего. Почтив его память, мы должны считать нашей задачей ведение нашей работы согласно его указаниям. Энергично и в полном согласии должны мы продолжать наши предсоборные работы на пользу Святой Церкви и нашего государства»*. На Предсоборном совещании была сделана попытка обсудить вопросы об управлении церковным

* Там же. С. 184.

имуществом, назначениях и перемещениях духовенства. В ответ на эти вполне законные попытки митрополит Дионисий заявил, что власти имеют полное право на перемещение духовенства, а для введения соборных начал сейчас нет условий.

«Высшая Церковная иерархия окончательно утратила свою независимость даже в вопросах церковно-канонического характера, — писал церковный писатель, богослов и в 1930-е годы юрисконсульт Польской Православной Церкви Александр Каллиникович Свитич, — отрешилась от внутренней свободы Церкви, а когда она — Высшая иерархия — пыталась было робко сохранить остатки этой независимости, то правительство перешло уже к прямому действию»*.

Несмотря на распоряжение президента Польши о созыве Собора, он так и не собрался. Вместо этого 19 ноября 1938 года был опубликован выработанный при ближайшем участии митрополита Дионисия декрет польского правительства об отношении государственной власти к Православной Церкви. 30 декабря того же года было издано выработанное также при участии митрополита Дионисия постановление Совета министров «О внутреннем статусе Церкви». Оба документа определяли фактически уже сложившееся к этому времени положение полной зависимости Православной Церкви от государственной власти; независимость Церкви провозглашалась исключительно от иностранных — светских и религиозных — организаций, что подразумевало в первую очередь Россию и Русскую Православную Церковь. Свобода управления внутренней жизнью Церкви предоставлялась в рамках польского

---

* *Свитич А. К.* Православная Церковь в Польше и ее автокефалия // Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии. 1917–1950 гг. Сборник. М., 1997. С. 184.

законодательства, предполагавшего установление режима жёсткого государственного контроля над Церковью. Повторялись и обязательства Церкви преподавать Закон Божий для молодежи исключительно на польском языке. Кандидатуры епископов, членов духовных консисторий и священников должны были предварительно утверждаться министром исповеданий. Перед назначением кандидаты давали присягу в присутствии представителя польского правительства или воеводства на верность правительству. Православные епископы в Польше давали в то время присягу куда более жёсткую, чем соблюдение условий сергиевской декларации в советской России, опубликованной, впрочем, не для того, чтобы прописанные в ней условия исполнять, а чтобы провоцировать новые расколы. «… Даю обещание и торжественный обет всегда иметь в виду благо и пользу Польского государства… Не делать ничего вопреки интересам Польского государства, не принимать участия ни в каких начинаниях и совещаниях, могущих принести вред Польскому государству… если бы я узнал о таких совещаниях и начинаниях, я не пренебрегу ничем, чтобы их своевременно предотвратить и вообще их не допустить… обещаю и клянусь, что подчиненное мне духовенство будет послушно власти Польского государства»*, — говорилось в присяге.

В это же время в Польше еще более активизировался процесс разрушения православных храмов, и в особенности на окраинах; в одном только Люблинском воеводстве весной и летом 1938 года было разрушено 108 храмов. К 1939 году можно было подвести итоги «независимого» существования Православной Церкви в Польше. В 1914 году в Польше было 389 православных храмов,

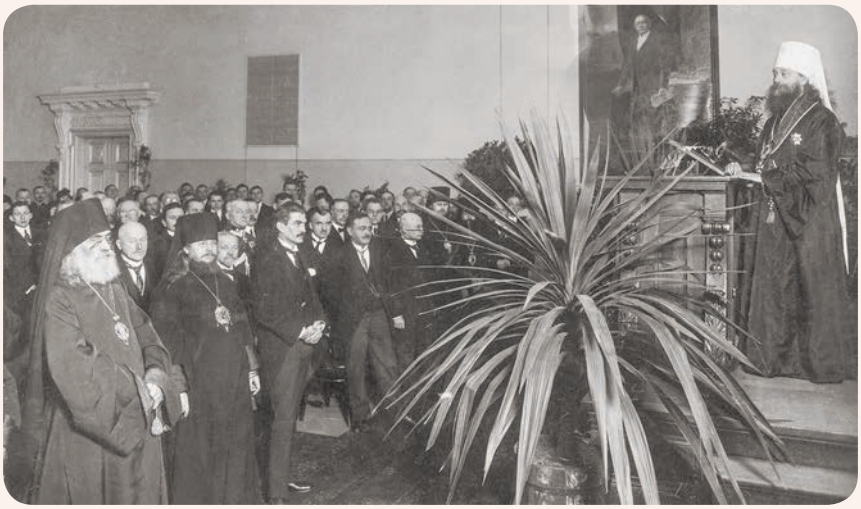
* ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 17. Л. 109.

Вручение статута Автокефальной Польской Православной Церкви. 1938 год

в 1939 году остался лишь 51 храм, 149 храмов было отнято и превращено в костёлы, 189 — разрушено или сожжено. Разрушение совершалось организованно и систематически привозимыми специально для этой цели под охраной полиции рабочими. В официальном обращении к Сейму свидетельствовалось: «Организованы отряды разрушителей церквей (святынь). <…> Не спрашивают ключей, не предупреждают священника храма, появляются неожиданно, ломают замки или, не трогая даже закрытых дверей, влезают по лестнице на крышу, разрушают крышу; ломают стены, не обращая внимания на находящиеся внутри святыни: иконы, запасные Дары, кресты, престол, — прямо разрушают, уничтожают всё, всю церковь»*.

Для ускорения процесса полонизации были проведены реформы во всех духовных учебных заведениях и открыто специальное православное богословское отделение

* Протопресвитер Виталий Боровой (1916–2008). Пастырь, богослов, педагог, дипломат. М., 2018. С. 325.



Открытие богословского отделения.
1925 год

при Варшавском университете для подготовки полонизаторов. Духовное образование превращалось в инструмент развала Польской Православной Церкви. Появились епископы-поляки, которые при поддержке варшавских теологов начали активно сближаться с католиками. Епископ Люблинский Тимофей (Шрёттер), посещая Бельск, принимал православное духовенство уже в католическом монастыре. Все эти действия для митрополита Дионисия имели свой смысл и свою личную цель, которой он достаточно быстро достиг, став крупнейшим земельным собственником в Польше. Кроме получаемого полного содержания от епархии, он получал значительные субсидии

Епископ Люблинский Тимофей (Шрёттер)

от польского правительства. Митрополиту было дано государством 160 гектаров земли и выдавалось по 1 825 злотых в месяц*.

Хорошо разбиравшийся в практических вопросах, где он был лично материально заинтересован, но не имевший, как и его предшественник митрополит Георгий, широкого исторического кругозора, митрополит Дионисий оплачивал щедрые материальные дары беспредельной верностью польскому правительству: в первые же дни после начала войны Германии с Польшей он призвал православных граждан, по существу бывших изгоями в Польском государстве, к активной борьбе с немцами. Но Польша была разгромлена в считанные дни. Бóльшая часть областей с православным населением оказалась на территории Советского Союза. Епископы, оказавшиеся на этой территории, присягнули на верность советской власти и, принеся перед церковной властью покаяние за учинённый раскол, воссоединились с Русской Православной Церковью. После разгрома Польши митрополит Дионисий был отстранен немецкими оккупационными властями от управления Польской Церковью. Почувствовав, что может полностью утратить церковную власть и всё, что с ней было связано, он 23 сентября 1940 года подписал декларацию о лояльности представителю германских властей генерал-губернатору Польши Г. М. Франку, после чего был вновь допущен до управления Церковью. Одновременно немецкими властями было объявлено о создании в губернаторстве Автокефальной Православной Церкви с тремя епархиями — Варшавско-Радомской, которую возглавил митрополит Дионисий, Холмско-Подляшской, во главе которой был поставлен епископ Иларион (Огиенко), его викарием был назначен

* ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 17. Л. 111.

Митрополиты Дионисий (Валединский) и Иларион (Огиенко) на приеме у генерал-губернатора Ганса Франка. 1944 год

епископ Люблинский Тимофей (Шрёттер), и Краковско-Лемковской во главе с епископом Палладием (Руденко). Автокефалия находилась в пределах областей, оккупированных немецкими войсками. Генерал-губернатором Г. М. Франком был разработан подробный план по управлению оккупированными Германией восточными территориями, включающий положение о будущем церковном руководстве в России. На должность патриарха Российской Православной Церкви Франк предлагал кандидатуру митрополита Дионисия (Валединского), о чем последнему, вероятно, было сообщено.

Советский Союз не был заинтересован в поддержке этой автокефалии, и в апреле 1940 года Местоблюститель митрополит Сергий, адресуясь к польским автокефалистам написал: «Снисходительное отношение нашей Церкви к автокефалистам польским объясняется, конечно, тем, что в подчинении автокефальному управлению нам хотелось видеть не столько проявление злой воли самих архиереев и клиров, сколько обычную слабость человеческую, не устоявшую против насилия польского правительства.

С исчезновением же Польши исчезли и всякие польские насилия. Следовательно, архиереи и клирики, до сих пор держащиеся автокефалии и держащие в ней вверенную им православную паству, делают это по своему сознательному и свободному избранию, то есть проявляют уже злую волю и подлежат церковному суду наравне с прочими церковными раскольниками и самочинниками»*. Впоследствии епископы Иларион и Палладий были исключены из юрисдикции Польской Автокефальной Церкви как покинувшие свои епархии.

В 1940 году через покаяние с Русской Православной Церковью воссоединились пять архипастырей Польской Церкви: архиепископы Волынский Алексий (Громадский), Гродненский Пантелеимон (Рожновский), Полесский и Пинский Александр (Иноземцев) и викарии Волынской епархии — епископы Острожский Симон (Ивановский) и Камень-Каширский Антоний (Марценко). Чин покаяния — в данном случае имевший формальное значение и не отражавший истинное положение дела — был произносим по следующей формуле: архиепископ (имя рек) «выразил Местоблюстителю свое искреннее убеждение, что так называемая Польская автокефалия была утвержденной

* ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 17. Л. 112.

без благословения законного Кириарха Польской епархии Святейшего Патриарха Московского и всея России;

что польские архиереи подчинились названной автокефалии под давлением польского правительства и лишь из желания и в надежде этой тяжкой жертвой спасти православие в Польше;

что, несмотря на всякие извинительные обстоятельства, разрыв с матерью-Церковью всегда переживался со скорбью и с сознанием виновности;

что теперь он, Преосвященный архиепископ, сыновне просит принять его в молитвенное каноническое общение с матерью-Церковью»*.

Оказавшееся в эмиграции польское правительство устойчиво держалось прежней позиции относительно положения Православной Церкви в оккупированной немцами Польше, пытаясь использовать ее в качестве орудия для достижения своих собственных целей, и в 1942 году оно предприняло очередную попытку получить признание автокефалии от Московской патриархии. В январе 1942 года находившийся в Куйбышеве польский посол Станислав Кот обратился с письмом к Местоблюстителю митрополиту Сергию с вопросом, как Русская Православная Церковь будет относиться в будущем к Польской Автокефальной Церкви.

29 марта 1942 года митрополит Сергий направил польскому послу в ответ на этот запрос письмо, в котором писал, что большинство верующих бывшей Польской Православной Церкви является жителями западных областей Украины и Белоруссии, воссоединившихся с Советским Союзом в 1939 году, и в этом смысле автокефалию Польской Церкви можно считать упраздненной. Что касается тех православных, которые проживают

* ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 17. Л. 191.

Митрополит Дионисий (Валединский)

непосредственно в Польше, то вопрос об их автокефалии — это дело будущего*.

Наступил перелом в войне — по всему восточному фронту под натиском советских войск началось отступление немцев. Митрополит Дионисий и часть архиереев эвакуировались вместе с немцами в Австрию. На территории Польши остался лишь епископ Люблинский Тимофей (Шрёттер), который, будучи ставленником польских властей, придерживался точки зрения, что Православная Церковь в Польше должна быть автокефальной или по крайней мере автономной. В 1944 году епископ Тимофей, находясь в Люблине, заявил свои права на Белостокскую епархию, духовенство которой 20 декабря 1944 года подписало акт о воссоединении с Московской патриархией, в связи с чем 12 февраля 1945 года патриарх Алексий I издал указ о принятии приходов Белостокской епархии в состав Московской патриархии, о чем епархиальное

* ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 17. Л. 113.

управление уведомило польские власти. Те в ответ написали, что епископом на Белостокскую кафедру уже был ранее назначен епископ Люблинский Тимофей.

В апреле 1945 года епископ Тимофей посетил советское посольство в Варшаве и в беседе с советником посольства В. Г. Яковлевым выразил желание установить связь с патриархом Алексием с целью ликвидации автокефалии. Он сообщил, что все три православных епархии — Варшавская, Холмско-Подляшская и Краковско-Лемковская поддержат его ходатайство о воссоединении с Русской Православной Церковью.

6 июня 1945 года белостокский воевода написал местному благочинному: «Дошло до моего сведения, что некоторые православные духовные на вверенных им приходах точно не исполняют постановлений декрета Православной Автокефальной Церкви, в особенности постановления, заключающегося в 1-й статье декрета, утверждающего независимость этой Церкви от какой-либо власти заграничной — духовной или гражданской»*. 27 июня белостокский воевода вторично указал, что «Министерство публичным рескриптом от 27 июня 1945 года окончательно установило новую власть Православной Церкви в Польше. Власть епархиальную на территории воеводства Белостокского выполняет епископ Тимофей Шрёттер»**.

25 апреля 1945 года в Польшу вернулся бежавший с немцами митрополит Дионисий. Объявив себя главой Польской Православной Церкви, он призвал духовенство молиться «за демократическую Польшу, ее власти и воинство». Одновременно он предпринял попытку урегулировать свои отношения с Московской патриархией, желая

---

* ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 17. Л. 78.

** Там же. Л. 79.

прежде всего добиться от нее главным образом согласия на то, чтобы именно он возглавил Церковь в Польше. 20 мая 1945 года он направил патриарху Алексию письмо, на которое патриарх ответил лишь спустя восемь месяцев, 29 января 1946 года, так как решение этого вопроса не зависело от патриарха. В странах Восточной Европы в это время шла перестройка всей политической системы, и руководители советского государства во многом не определились сами. Процитировав письмо патриарха Тихона, направленное в свое время митрополиту Дионисию, в котором тот выразил взгляд на положение автокефальной Церкви в Польше как на положение, противоречащее канонам, патриарх Алексий написал: «Если до последнего времени были извиняющие причины отсутствия у Вас непосредственных сношений с Московской Патриархией, то в настоящее время их более не существует, и канонически правильное отношение Православной митрополии в Польше к Московской Патриархии вполне может быть восстановлено.

Из упомянутой выше грамоты Святейшего Патриарха Тихона Вы можете усмотреть взгляд его, а значит и всей Русской Церкви, на переход Православной Церкви в Польше к независимости и оценку действий покойного Патриарха Константинопольского Мелетия IV, вопреки основным правилам Святой Церкви простершего свою власть на часть Российского Патриархата.

Тою же грамотой Святейший Патриарх Тихон объявил Вашему Блаженству: „Мы не можем благословить самостоятельного существования Православной Церкви в Польском государстве до тех пор, пока все обстоятельства и канонические основания ее перехода к независимому бытию не будут выяснены…“ Мы и теперь, когда эти „обстоятельства и канонические основания“ остаются так

же невыясненными, как и при Патриархе Тихоне, не можем стать на другую точку зрения в этом вопросе, и решение почившего Патриарха для нас остается в силе.

И как покойный Патриарх Тихон в свое время, так и мы теперь побуждаемся просить Ваше Блаженство дать нам необходимые разъяснения и, более того, — ожидаем возвращения Православной Церкви в Польше к каноническому порядку. Уверены, что и Вселенская Патриархия, стоящая, как подобает, на страже священных канонов, признает благовременным восстановление в Православной Церкви, находящейся на территории Польской Республики, правильного и законного церковного строя, вытекающего из ее положения дщери Российской Православной Церкви»*.

13 ноября 1946 года в Москве состоялась встреча министра юстиции Польской Республики Генриха Свентковского (1896–1970) с председателем Совета по делам религиозных культов полковником госбезопасности И. В. Полянским и председателем Совета по делам Русской Православной Церкви полковником госбезопасности Г. Г. Карповым. Оба еще недавно были следователями НКВД–МГБ, посредством репрессий активно боровшимися с Русской Православной Церковью в 1930-х — 1940-х годах, непосредственно участвовавшими в допросах с применением пыток, в оформлении лжеобвинений, по которым многие из числа духовенства, монашества и мирян были приговорены к расстрелу или отправлены на смерть в концлагеря. Одной из основных сторон их деятельности была вербовка осведомителей из числа духовенства. Теперь они их курировали, находясь одновременно и на гражданских должностях, бывших своеобразным прикрытием для их

* ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 17. Л. 60.

основной деятельности в системе госбезопасности. По существу, все дальнейшие отношения между Православной Церковью в Польше и Русской Православной Церковью определились этой их беседой с представителем польского правительства. Сообщив, что в настоящее время в Польше осталось приблизительно 150 тысяч верующих православного исповедания, министр юстиции сказал: «Польское правительство смотрит категорически отрицательно на вопрос ликвидации автокефального положения Церкви и на вопрос воссоединения ее с Московской Патриархией». «Я думаю, — добавил Свентковский, — что в этом вопросе патриарх Алексий даже не согласовал своих действий с советским правительством, так как советское правительство все время подчеркивает о независимости и самостоятельности Польского государства, а настойчивые требования о снятии автокефалии говорили бы о каких-то притязаниях и подрывали бы этот основной принцип, положенный в основу строительства нашей Польской Республики». Свентковский также сказал: «Если бы количество лиц, исповедующих православное вероисповедание, в Польше стало меньше, допустим, до 50-ти или даже до 5-ти тысяч человек, то и при этом условии мы будем отстаивать автокефальное положение так же, как и все другие национальные государства»*, — тем самым сразу же дав понять, что для польского правительства этот вопрос принципиальный

Генрих Свентковский

* ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 17. Л. 96–97.

и не зависит от числа проживающих на территории Польши православных.

В этом вопросе сказалось принципиальное различие между политикой Польши, образовавшейся после поражения Германии, и советской России, образовавшейся после захвата власти в стране группой интернационалистов. Это различие заключалось и в самих названиях государств. Если Польская Народная Республика, хотя бы и придерживавшаяся социалистической идеологии советского образца, оставляла в своем наименовании название «Польская», связывавшее страну с ее предыдущей историей, то образовавшееся в 1917 году на территории России государство, названное вскоре захватившими власть в стране лицами Союзом Советских Социалистических Республик (СССР), в самом названии (и на практике) демонстрировало полный разрыв с ее почти тысячелетней историей. И поскольку в основе существования и строительства всякого государства одним из важнейших компонентов всегда являлась национальная политика, то у Польши она была национальной и даже националистической, несмотря на официально принятую коммунистическую идеологию, а в СССР она была антинациональной. Основу идеологии СССР составляла русофобия и как, следствие, вполне закономерное отношение к русскому народу и наднационально — к Русской Православной Церкви. И вполне обоснованное для польских властей заявление, что они будут придерживаться своей национальной политики даже тогда, когда православные в Польше будут сведены до крошечного меньшинства, хотя бы по численности они будут составлять население небольшого поселка, то и в этом случае Церковь в Польше должна оставаться автокефальной, то есть подчиненной исключительно польскому правительству, и безразлично — атеистическому или инославному.

Охарактеризовав кандидатуру митрополита Дионисия как неприемлемую в качестве главы Польской Церкви хотя бы даже из-за того, что он активно сотрудничал с немцами, в связи с чем польское правительство имеет планы привлечь его к уголовной ответственности, Свентковский предположил, что и кандидатура епископа Тимофея, фактически управлявшего Церковью, также не подходит. «Это ни рыба ни мясо, в массах авторитет незначительный, среди духовенства — деспот, вообще — двуличный, но лучше Дионисия тем, что у нас нет материалов как о его враждебной деятельности против советского государства, так и по связи с оккупантами»*.

Далее польский министр изложил, как правительство видит решение церковного вопроса: оно предлагает снять запрет с польского епископата за незаконно полученную автокефалию, затем пусть патриарх Алексий направит русского архиерея из состава епископата Русской Православной Церкви, который затем примет польское подданство. Карпов спросил Свентковского, знает ли он о том терроре по отношению к православному русскому и белорусскому духовенству в Белостокской епархии, который исходил от епископа Тимофея?

Свентковский ответил: «Да, немножко слышал, но это не были действия, согласованные с кем-нибудь из государственных деятелей, это были действия Тимофея, который немножко горяч, неосторожен, но который в то же время имел и некоторые основания взять управление епархией в свои руки, поскольку Белостокская область отошла к Польше <…> я считаю неправильными действия и вашего архиепископа Минского** <…> который не мог

* ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 17. Л. 96.

** Имеется в виду сотрудник МГБ Василий Ратмиров.

в пределах нашего государства проводить не согласованные с ним действия»*.

Затем министр юстиции Свентковский встретился с советником советского посольства в Варшаве В. Г. Яковлевым и изложил, как видит польское правительство существование автономной Польской Православной Церкви, а также механизм реализации плана введения в Польше «законной» автокефалии. Предложения, выдвинутые коммунистическим польским правительством, были одобрены представителями госбезопасности и дипломатами, вовсе и не собиравшимися отстаивать права православного населения Польши, после чего они были одобрены Советом министров СССР и получили силу закона. Патриарх Алексий узнал о принятых «церковных» решениях последним и, по существу, ему оставалось только оформить эти предложения, чтобы они приняли форму законных с церковно-юридической стороны.

Г. Г. Карпов поставил в известность относительно устроения Польской Автокефальной Церкви заместителя министра иностранных дел А. Я. Вышинского, бывшего генеральным прокурором СССР в эпоху «большого террора» в конце 1930-х годов. «Я считаю правильными Ваши соображения, — писал он, — об отстранении от руководства Церковью нынешнего митрополита Дионисия после того, как православная общественность Польши обратится к польскому правительству и потребует отстранения Дионисия как человека, сотрудничавшего с немцами. По принятии правительством решения об отстранении Дионисия необходимо будет создать временный орган управления Церковью, который выделил бы делегацию к Московскому

* ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 17. Л. 98.

Патриарху для обсуждения назревших вопросов в жизни Православной Церкви в Польше»*.

Находящийся в полном неведении относительно дальнейшей судьбы Польской Церкви, патриарх Алексий 21 марта 1947 года направил запрос в Совет по делам Русской Православной Церкви, чтобы узнать, какова будет официальная позиция советского и польского правительств относительно Польской автокефалии**. Узнав, что советское правительство согласилось с требованиями польского правительства об автокефалии, он заявил, что согласен с решением властей.

Но митрополит Дионисий по-прежнему продолжал предпринимать всё новые и новые шаги, чтобы возглавить Церковь в Польше. 27 февраля 1947 года он направил патриарху Алексию пространное письмо, в котором вновь изложил историю возникновения автокефалии, умолчав в нем о том, что она была куплена враждебным православию государством за деньги. Всячески оправдывая ее учреждение, он фактически отрицал ее незаконность, полностью оправдывая действия митрополита Георгия. Добиваясь восстановления себя в правах главы автокефалии, он не останавливался и перед ложью, восхваляя декреты польского правительства, якобы даровавшие Церкви свободу. «В 1938 году, — писал митрополит Дионисий, — после всестороннего обсуждения представителями духовенства и верных с одной стороны и представителями правительства с другой вопросов о положении и нуждах Православной Церкви вошел в жизнь „Декрет“ президента Польской Республики об отношении государства

---

* ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 17. Л. 173.

** Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы российских архивов в 2 томах. Т. 1. М., 2009. С. 452.

к Польской Автокефальной Православной Церкви, а также „Внутренний статут“ той же Церкви, которые окончательно упрочили ее правовое положение как исповедания равноправного со всеми иными, признанными государством исповеданиями»*.

Поведение митрополита Дионисия с течением времени становилось всё более назойливым, и в начале 1948 года польские власти, после проведенного у митрополита обыска и допроса, заключили его под домашний арест. 17 апреля 1948 года последовало распоряжение президента Польской Республики Болеслава Берута о непризнании митрополита Дионисия Предстоятелем Православной Церкви в Польше. 26 апреля власти в соответствии с принятым ранее решением создали Временную правящую коллегию Православной Церкви в Польше в составе архиепископа Белостокского и Бельского Тимофея (Шрёттера), настоятеля прихода в Лодзи епископа Георгия (Коренистова), протопресвитера Иоанна Коваленко, священника прихода в городе Гданьске протоиерея Евгения Наумова, ключаря соборной церкви протоиерея Всеволода Лопуховича, исполняющего обязанности настоятеля монастыря святого Онуфрия в Яблочине, и директора книжного магазина польско-советской дружбы Николая Серебренникова. В тот же день «министр через вице-министра гражданской администрации Владислава Вольского (1901–1976) предложил архиепископу Тимофею написать письмо Московскому Патриарху Алексию с просьбой принять церковную делегацию и для этого наметить состав делегации»**. В ответ патриарх Алексий направил архиепископу Тимофею телеграмму, сообщив, что готов принять делегацию между 2 и 5 июня.

---

* ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 17. Л. 154.

** Там же. Д. 421. Л. 20.

Находясь под домашним арестом и зная, что он польским правительством отстранен от управления Церковью, о чем уже официально было объявлено через прессу, митрополит Дионисий всё же не оставлял попыток вернуться на кафедру и стал настойчиво добиваться встречи с советским послом в Варшаве. Польские власти в это время рассматривали его уже как частное лицо, о чем предупредили сотрудников советского посольства. Митрополит Дионисий продолжал настаивать на своем, и в июне 1948 года направил патриарху Алексию «покаянное письмо», в котором повинился в содеянных против матери-Церкви прегрешениях.

11 июня 1948 года Совет министров СССР разрешил въезд в страну делегации Польской Православной Церкви для встречи с патриархом Алексием. Делегация в составе архиепископа Белостокского и Бельского Тимофея, епископа Георгия, протоиереев Михаила Кедрова и Евгения Наумова и мирянина Николая Серебренникова обратилась к патриарху и Священному Синоду с заявлением, что Польская Церковь признает неканонической и недействительной ту автокефалию, какая была ей дана Константинопольским патриархом в 1924 году, и просит Русскую Церковь дать ей автокефалию каноническую. В обращении делегации говорилось: «Ввиду того что митрополит Польской Церкви — Дионисий пребывает в отделении от матери Русской Православной Церкви, причем он не раз в письмах к Патриарху Московскому утверждал, что Польская Церковь получила от Церкви Константинопольской каноническую автокефалию, — Польская Церковь не может продолжать с ним молитвенного и литургического общения и не будет впредь возносить его имя за богослужением как имя своего Предстоятеля.

Равным образом Польская Церковь прекращает молитвенное общение со всеми священнослужителями и мирянами Польской Церкви, разделяющими упомянутое заблуждение митрополита Дионисия, впредь до их раскаяния»*.

Постановление патриарха Алексия и Священного Синода гласило: «Принимая во внимание отказ Польской Церкви от ее неканонической автокефалии, Святейший Патриарх и Священный Синод ныне же восстанавливают с ней каноническое молитвенное и литургическое общение и дают ей право на полное самостоятельное управление. По утверждении Собором епископов Православной Русской Церкви автокефалии Польской Церкви, Польская Церковь избирает главу своей Церкви»**. Таким образом, ясно, что автокефалия Польской Церкви, как и ранее, была объявлена таковой не вследствие стремления к этому церковного народа, а в связи с настойчивым желанием националистически настроенных польских властей и согласием на это атеистического и враждебно настроенного к Церкви советского правительства. Патриарх и Синод в данном случае исполняли скорее роль секретарей, чья задача была оформить необходимые бумаги в соответствии с церковными правилами.

22 августа 1948 года митрополит Дионисий направил патриарху Алексию написанное в обычном для него высокопарном стиле «покаянное письмо», в котором он, в частности, писал: «Тяготы прещения, постигшие меня от Вашего Святейшества купно со Священным Синодом, не в состоянии вынести душа моя, и по долгу совести я умоляю Вас принять мое хотя и запоздалое,

---

* ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 421. Л. 34.

** Там же. Л. 35.

но искреннее покаяние во всех содеянных мною по отношению к матери-Церкви прегрешениях.

Сознавая временность и каноническую неполноту автокефалии, дарованной Святейшим Константинопольским Патриархом в 1924 году, я признаю и исповедую святую необходимость благословения великой матери-Церкви Российской на автокефальное бытие ея юннейшей дщери — Польской Православной Церкви.

Я сыновне молю Ваше Святейшество не лишать меня в дальнейшем литургического и канонического общения с великой матерью-Церковью Российской, которая меня воспитала и вознесла на высоту епископства, ни с ее вернейшей дщерью — Церковью Польской, с которой связывает меня двадцатипятилетняя страда святительского служения и труда»*.

15 сентября 1948 года на заседании Временной правящей коллегии Православной Церкви в Польше архиепископ Тимофей предложил членам Коллегии обратиться к польским властям с просьбой об освобождении из-под домашнего ареста митрополита Дионисия, с тем чтобы он мог совершать богослужения, так как митрополит Дионисий в свою очередь уже обратился к патриарху Алексию с просьбой о заступничестве и разрешении совершать таковые богослужения. Это письмо митрополит Дионисий передал через державших его под домашним арестом сотрудников Министерства государственной безопасности. В нем, в частности, говорилось: «То тягостное, скорбное положение, в котором в течение многих месяцев я нахожусь, — лишённый духовной и нравственной поддержки матери-Церкви, и особенно Вашего Святейшества, и болеющий душой над судьбами нашей Польской Церкви,

* ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 421. Л. 70.

переживающей ныне глубокий кризис, — заставляет меня, согласно евангельскому завету: „просите и дано будет вам, стучите, и отворят вам“, вторично просить Ваше Святейшество излить милость свою на меня, грешного.

Побуждают меня к этому не личные соображения и выгоды, но долг архиерея, все свои силы посвятившего на многолетний, знойный и нелегкий труд пасения стада словесного в стране иноверческой, в условиях сугубо исключительных, долг иерарха, знающего нужды и беды святой Церкви, но бессильного ныне помочь ей своим умением и опытом, — разве святая мать-Церковь сжалится и подаст нам свою могучую десницу. А Церковь наша так страждет и так жаждет спасения и помощи от матери-Церкви»*.

6 ноября 1948 года митрополит Дионисий отправил патриарху Алексию телеграмму: «Усердно прошу Ваше Святейшество о личном свидании нашем в Москве».

В ответ патриарх телеграфировал: «Телеграмму получил определение Синода Вам послано так что личном свидании пока нет надобности»**.

Посланное митрополиту Дионисию постановление Священного Синода от 16 ноября 1948 года гласило: «1. Удовлетворить ходатайство митрополита Дионисия и ради искреннего раскаяния его считать каноническое общение его с матерью Русской Церковью восстановленным;

2. Считать возможным оставление за ним, ввиду исполнившегося 35-летия его служения в епископском сане, — сана митрополита, но без присвоенного ему в период его выхода из юрисдикции Московской Патриархии титула „Блаженнейший“;

---

* ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 17. Л. 72.

** Там же. Л. 57.

3. Сообщить Преосвященному митрополиту Дионисию о состоявшемся 22 июня 1948 года постановлении Патриарха Московского и епископата Русской Православной Церкви о даровании Православной Церкви в Польше прав автокефалии»*.

6 декабря 1948 года митрополит Дионисий посетил советское посольство в Варшаве и в беседе с первым секретарем посольства весьма резко стал обвинять патриарха Алексия в том, что он лишил его титула, обокрал его, а президент Польши злоупотребил властью, отстранив его от руководства Церковью и назначив Временную коллегию, что не соответствует церковным канонам. Митрополит Дионисий не ограничился посещением посольства с целью вернуться на кафедру. В письме министру гражданской администрации 22 декабря 1948 года он написал, что непризнание его главой Польской Автономной Церкви и создание Временной коллегии являются действиями неканоническими, осложняющими положение Церкви в Польше.

После того как патриарх Алексий фактически отказал митрополиту Дионисию в личной встрече, он стал действовать через митрополита Крутицкого и Коломенского Николая (Ярушевича), председателя Отдела внешних церковных сношений, и, пытаясь его разжалобить, намеренно написал ему в день памяти преподобного Серафима Саровского, 15 января, обратив сугубо внимание адресата на это случайное якобы совпадение. «Искренно благодарю Вас за Вашу любезную телеграмму, — писал он. — Я престарелый человек (имею 73 года) и не видел правдивых русских святителей уже много, много лет. Не видел я уже много лет и русского правдивого народного благочестия. Образ Святейшего владыки Патриарха Алексия для меня

* ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 421. Л. 79.

сугубо велик и дорог. И мне прежде всего и более всего хочется видеться и соутешиться с ним нашей общей верой. <…>

И мне хочется лично выяснить его Святейшеству, как при содействии и благословении его сия Церковь должна и сможет дальше возглавляться и управляться, дабы и дальше она не меркла, а сияла хотя и маленьким, но ясным и живительным огоньком на фоне общего святого православия, под благословением и попечительным покровом великой матери — Церкви Российской.

И вот при личном свидании мне и желательно изъяснить его Святейшеству: 1) историческую судьбу и теперешнее положение Православной Церкви в Польше; 2) положение главы этой Церкви; 3) установить теснейшее и живейшее сотрудничество двух Церквей — Всероссийской и Польской и 4) более и существеннее всего — это личное и молитвенное общение со Святейшим Патриархом и сонмом русских архипастырей. <…>

Ожидаю от Вас извещения о времени моего приезда в Москву. Прошу уведомить Русскую Амбасаду* в Варшаве о выдаче мне необходимых документов на проезд в Москву и обратно»**.

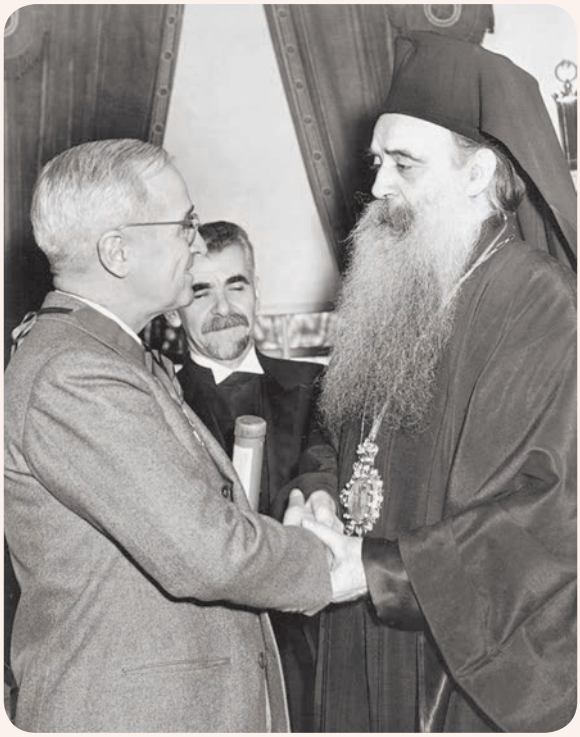
Однако все предпринятые митрополитом Дионисием действия не помогли ему вернуться на кафедру. Тогда он попытался вернуть себе пост Предстоятеля, действуя через Константинопольского патриарха Афинагора I***, а также

---

* Посольство.

** ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 577. Л. 2–3.

*** Патриарх Константинопольский Афинагор I (в миру Аристоклис Спиру) занимал пост патриарха с 1948-го по 1972 год, после ухода под давлением светских властей патриарха Максима V (Вапордзиса), которому вменялось в вину русофильство. Патриарх Афинагор был открытым ставленником США. В Стамбул он прибыл на самолете



Президент США Гарри Трумэн и патриарх Афинагор I

через англосаксонские политические круги и польское эмигрантское правительство в Лондоне. После этих обращений второй секретарь американского посольства в Польше дважды посетил архиепископа Тимофея, интересуясь

состоявшего в 33 градусе масонства президента США Гарри Трумэна и по прибытии в аэропорт сразу же получил паспорт с турецким гражданством, без чего не смог бы по турецким законам занять пост патриарха. Был одним из инициаторов экуменического движения. В 1952 году объявил о созыве «Всеправославного Великого и Святого Собора». По инициативе патриарха Афинагора в 1964 году состоялась его встреча с папой Римским Павлом VI. Они отменили анафемы, наложенные предстоятелями Римской и Константинопольской церквей друг на друга, существовавшие с 1054 года. Это была первая встреча предстоятелей Католической и Православной Церкви после 1439 года на Флорентийском Соборе. Патриарх Афинагор — масон, член «Великой ложи Греции», отрицал существование ереси как явления.

судьбой митрополита Дионисия. Но и попытки вернуть себе пост Предстоятеля с помощью политических представителей западных стран не имели успеха. Активная деятельность митрополита Дионисия, направленная на возвращение себе поста Предстоятеля, становилась столь назойливой, что в мае 1951 года ему было предписано покинуть столицу Польши и переселиться в город Сосновец. Только в 1958 году ему было разрешено вернуться в Варшаву и поселиться в приходском доме под условием невмешательства в дела церковного управления. Митрополит Дионисий скончался в 1960 году, до конца жизни оставаясь наследником Синодальной эпохи управления — со всеми ее недостатками — полусвободного, полугосударственного, полуцерковного управления.

В 1951 году был избран Предстоятель Польской Православной Церкви. Из всех необходимых условий образования автокефальной Церкви: воля церковного народа, желающего установления автокефалии, согласие матери-Церкви, признание новообразованной автокефальной Церкви другими автокефальными Церквами и согласие государства, в котором учреждается Поместная Церковь, — было исполнено только одно, похожее более на требование, — согласие государства.

Таковы были горькие плоды «взаимодействия» Церкви и власти в XX веке. Жестокие уроки XX столетия, касающиеся взаимоотношения Церкви и государства, приводят нас к неизбежному выводу, что все неканонические и якобы канонические течения в то время возникли в результате действий гражданской власти на фоне общего нравственного разложения общества. Эпоха гражданских смут только лишь ярче выявила худшие стороны человека, открыла возможность для удовлетворения им неудержимого честолюбия, когда человек, используя инструменты

государственного насилия, с беззастенчивой дерзостью добивался достижения земных, корыстных целей.

[87] *Кривонос Феодор, священник.* У Бога мёртвых нет. Неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917–1939 годы). Минск, 2007. С. 30.

[88] Минские епархиальные ведомости. 1898. № 5. Часть неофиц. С.146.

[89] Там же. № 6. Часть неофиц. С.186.

[90] Описание церквей и приходов Минской епархии. Вып. I. Минский уезд. Минск, 1878. С. 92–97.

[91] Минские епархиальные ведомости. 1906. № 16. Часть неофиц. С. 449.

[92] НИАБ. Ф. 127. Оп. 1. Д. 33. Л. 12.

[93] Там же. Л. 13.

[94] Архивы Кремля. Политбюро и Церковь, 1922–1925 гг.: В 2 кн. Новосибирск; М., 1997–1998. Кн. 1. С. 231–232.

[95] Там же. Кн. 2. С. 325.

[96] *Кривонос Феодор, священник.* У Бога мёртвых нет. Неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917–1939 годы). Минск, 2007. С. 45.

[97] *Мазырин Александр, священник.* О пребывании в обновленческом и григорианском расколах Преосвященного Мелхиседека (Паевского), его «митрополитстве» и автономии Белорусской Православной Церкви в 1920-е гг. // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2011. № 2 (39). С. 68.

[98] *Мануил (Лемешевский), митрополит.* Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 гг.: Erlangen, 1986. Т. 4. С. 325.

[99] Архивы Кремля. Политбюро и Церковь, 1922–1925 гг.: В 2 кн. Новосибирск; М., 1997–1998. Кн. 2. С. 375.

[100] *Кривонос Феодор, священник.* У Бога мёртвых нет. Неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917–1939 годы). Минск, 2007. С. 70.

[101] Там же. С. 73.

[102] Вестник церковной истории. 2006. № 1. С. 61.

[103] Архив КГБ РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 10. Л. 165 / Цит. по: *Навіцкі Ў. І.* Палітыка расколу Расейскай праваслаўнай царквы ў Беларусі (1920-я гг.) // Беларускі гістарычны часопіс. 2003. № 3. С. 22.

[104] *Кривонос Феодор, священник.* У Бога мёртвых нет. Неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917–1939 годы). Минск, 2007. С. 97.

[105] Архив КГБ РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 10. Л. 149 // Цит. по: *Кривонос Феодор, священник.* У Бога мёртвых нет. Неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917–1939 годы). Минск, 2007. С. 93.

[106] Архив КГБ РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 10. Л. 161 // Цит. по: *Кривонос Феодор, священник.* У Бога мёртвых нет. Неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917–1939 годы). Минск, 2007. С. 106.

[107] Архив КГБ РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 10. Л. 164 // Цит. по: *Кривонос Феодор, священник.* У Бога мёртвых нет. Неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917–1939 годы). Минск, 2007. С. 106.

[108] Архив КГБ РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 10. Л. 153 // Цит. по: *Кривонос Феодор, священник.* У Бога мёртвых нет. Неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917–1939 годы). Минск, 2007. С. 113.

[109] Тверской центр документации новейшей истории. Ф. 7849. Д. 20930-С. Л. 11.

[110] Там же. Л. 26.

Духовно-просветительское издание

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Будущее в прошлом

Житие священномученика Димитрия Павского

Редактор *Н. В. Злых*
Корректоры: *Е. Г. Криницына, Е. А. Макеева*
Художественный редактор *Е. Ю. Тихонова*

12+ Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ 29.12.2010)

Подписано в печать 26.12.2020.
Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Шрифт «Minion». Уч.-изд. л. 12,45. Усл. печ. л. 20,48.
Тираж 1000 экз. Заказ № 0000

Издание Регионального общественного фонда
«Память мучеников и исповедников
Русской Православной Церкви».
127253, Москва, Дмитровское ш., д. 116, корп. 2.
info@fond.ru
www.fond.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат».
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97
www.arvato.ru